

Дэвид Эберсхоф

*«Девушка из
Дании»*

Аннотация

Характер дебютного романа Дэвида Эберсхофа «Девушка из Дании» в меньшей степени озабочен проблемами транссексуалов, чем таинственной и невыразимой природой любви и трансформации в отношениях.

Основанный на жизни датского художника Эйнара Вегенера, который в 1931 году стал первым человеком, подвергшимся операции по смене пола, роман «Девушка из Дании» заимствует голые факты его истории, используя их как отправную точку для исследования того, как решения Вегенера повлияли на людей вокруг него. Главной среди таких людей является его калифорнийская жена Герда - художница, которая невольно ставит мужа на путь трансформации, когда пытаясь закончить портрет, просит Эйнара встать на место своей модели Анны. Надев женскую одежду и обувь, Эйнар потрясен:

«...он мог сосредоточиться только на шелковой одежде на своей коже. Да, именно так это чувствовалось в первый раз. Шелк был таким тонким и воздушным, что ощущался, как марля - пропитанная бальзамом марля, деликатно лежавшая на исцеляющейся коже. Даже смущение, стоящее между ним и женой, больше не имело значения, потому что Герда была напряженно занята живописью, что отражалось на ее лице. Эйнар начал входить в теневой мир мечтаний, где платье модели Анны могло принадлежать кому угодно, даже ему...»

Герда призывает мужа не только одеться как женщина, но и взять себе женскую личность. То, что начинается как безобидная игра, вскоре превращается во что-то более глубокое и потенциально угрожающее их браку. И все же, любовь Герды доказывает свою неизменность.

Историческая прстидизация Эберсхофа замечательна, и потому кажется, что легко вообразить достопримечательности, звуки и запахи Дании 1930-х годов. Еще более замечательным является его обращение с Гердой: он проникает в ее голову и сердце, и лепит ее образ в таких любовных подробностях, что ее реакции имеют прекрасный смысл. Чувствительность Эберсхофа к Герде - одно из лучших достижений этого потрясающего первого романа, в котором Эйнар больше похож на шифр. В конце концов, это книга Герды, и Дэвид Эберсхоф гордится ею.

Шила Брит.

Перевод на русский: Каспарова Наира
Редакция: Natali.moonray2012@yandex.ru

Содержание:

Часть первая: Копенгаген, 1925: стр. 5

(Главы 1-12)

Часть вторая: Париж, 1929: стр. 99

(Главы 13-18)

Часть третья: Дрезден, 1930: стр. 162

(Главы 19-23)

Часть четвертая: Копенгаген, 1931: стр. 210

(Главы 24-29)

Благодарности

От автора

Книга «Девушка из Дании» - вымысел, подкрепленный случаем Эйнара Вегенера и его жены. Я написал роман, чтобы исследовать интимное пространство, которое определило их необычный брак, и это пространство могло появиться только благодаря гипотезе, предположениям и движению воображения. На этих страницах лежат некоторые важные факты об истинном преобразовании Эйнара, но рассказанная в этой книге история с ее подробностями о месте, времени, языке и внутренней жизни, является изобретением моего воображения.

В начале 1931 года, когда появилась новость о том, что человек изменил свой пол, газеты во всем мире стали рассказывать о замечательной жизни Эйнара Вегенера. (Интересно отметить, что сама Лили Эльбе передала эту историю в печать и написала несколько рассказов о себе, включая собственный некролог под псевдонимом). Многие из этих статей были полезны для написания этого романа, особенно статьи «Политикен» и других датских газет. Другим незаменимым источником стали дневники и переписка Лили Эльбе, которую Нильс Хойер отредактировал и опубликовал под названием «Мужчина в женщине». Эти записи в журналах и письма содержали критические и фактические данные об эволюции Эйнара, особенно в отношении первого визита Лили в студию Вегенера, таинственного кровотечения, физического упадка Эйнара и его поездки в Муниципальную женскую клинику в Дрездене. Отрывки из моей книги, посвященные этим инцидентам, в особенности обязаны собранию Хойера первоначальных записей Лили Эльбе. Тем не менее, я изменил так много элементов истории Эйнара Вегенера, что персонажи на этих страницах полностью вымышлены. Читателю не следует заглядывать в этот роман за многими биографическими подробностями жизни Эйнара Вегенера и никакой другой персонаж в романе не имеет никакого отношения к фактическому человеку, живому или мертвому.

Часть первая: Копенгаген, 1925.

Глава 1

Его жена узнала об этом первой.

- Окажи мне небольшую услугу.

Она вышла из спальни в тот самый первый день:

- Ты не мог бы кое с чем мне помочь? Это не займет много времени.

- Конечно, - ответил Эйнар, не отрываясь от холста, - все, что угодно.

День был прохладный. Холодный ветер дул с Прибалтики. Они находились в своей квартире в Доме Вдовы.

Эйнар, молодой человек тридцати пяти лет, писал картину по памяти. Зимний пролив Каттегат. Темная, с пенно-белыми проблесками вода - могила тысячи рыболовов, возвращавшихся в Копенгаген со своей соленой добычей.

Сосед снизу - этот круглолицый мужчина, вечно проклинаящий свою жену, был моряком. Эйнар выводил каждый завиток волны, представляя, как сосед тонет, его рука отчаянно тянется, а посаженный картофельной водкой голос продолжает обзывать жену портовой шлюхой. Так, смешивая краски, Эйнар мог понять, насколько темными они должны быть, чтобы поглотить подобного мужчину, затягивая, словно тесто, его тонущее рычание.

- Я буду через минуту, - сказала Герда. Она была моложе своего мужа, с красивым лицом, которое подчёркивали широкие скулы, - тогда мы сможем начать.

Художественный стиль Эйнара, отличался от стиля жены. Он писал пейзажи: сушу и небольшие участки моря, освеженные косым июльским солнцем, или же затуманенные тусклым солнцем января. Герда же писала портреты, часто в натуральную величину, изображая важных людей с розовыми губами и блеском на сияющих волосах. Господина И.Глюкштадта, финансиста из копенгагенского порта, Ивара Кнудсена, члена кораблестроительной фирмы «Бурмастер и Вайн». Сегодня позировать должна была Анна Фонсмарк, меццо-сопрано Королевской оперы Дании. Директора, распорядители и промышленные магнаты поручали Герде писать портреты, чтобы затем повесить их в офисе над шкафом с картотекой или вдоль коридора, заполненного тележками работников.

Герда появилась в дверном проеме.

-Ты уверен, что можешь на время остановиться и помочь мне? -

спросила она. Ее волосы были собраны назад.

- Я бы не просила, если бы это не было так важно. Просто Анна снова не сможет прийти. Ты не мог бы надеть ее чулки? И туфли?

Апрельское солнце просачивалось сквозь шелк, который безвольно свисал с рук Герды. Из окна Эйнар видел крупную башню, похожую на огромную кирпичную трубу, а над ней - немецкий самолет авиакомпании «Аеро-Lloyd», медленно совершающий свое ежедневное возвращение в Берлин.

- Герда, - спросил Эйнар, - что ты имеешь в виду? Капля масляной краски упала с его кисти на ботинок. Эдвард VI залаял, и его белая голова завертелась от Эйнара к Герде.

- Анна снова не сможет прийти, - ответила Герда, - у нее дополнительная репетиция «Кармен». Мне нужна пара ног, чтобы закончить ее портрет. Иначе я никогда этого не сделаю. Я подумала, что ты мог бы мне помочь.

Герда подошла к нему с туфлями горчично-желтого цвета с оловянными пряжками. На Герде был халат с накладными карманами. В карманах она хранила вещи, которые Эйнару видеть было не обязательно.

- Но я не могу обуть туфли Анны! - ответил Эйнар, однако глядя на них, он полагал, что туфли могут ему подойти. Нога его была маленькой и изогнутой, мягко ложилась на пятку. Его пальцы были тонкими, с несколькими мелкими черными волосками. Он представлял, как сморщенный рулон чулка скользит по белой коже его лодыжки. Вокруг небольшой икры... Щелчок крючка на подвязке... Эйнар закрыл глаза.

Туфли были похожи на те, что они с Гердой видели на прошлой неделе в витрине универмага «Фоннесбех», выставленные на манекене в темно-синем платье. Эйнар и Герда остановились, чтобы полюбоваться витриной, украшенной гирляндой золотых нарциссов.

- Милые, да? - сказала Герда.

Когда он не ответил, она обратила внимание на его отражение в витрине - широко раскрытые глаза в зеркальном стекле. Герде пришлось оттащить его подальше от универмага «Фоннесбех», уводя его вниз по улице мимо магазина курительных трубок.

- Эйнар, ты в порядке? - спросила она его.

Передняя комната служила им студией. Потолок комнаты был ребристый, с тонкими балками, словно перевернутое рыбацкое судно. Морской туман деформировал мансардные окна, а пол был наклонен немного на запад. Во второй половине дня, когда над Домом Вдовы палило солнце, из его стен сочился слабый запах сельди. Зимой стеклянный потолок протекал, и холодный морозящий дождь пузырился рисунком на стене. Эйнар и Герда ставили свои мольберты под

мансардными окнами, рядом с пустыми рамками для холстов и коробками масляных красок, заказанных у герра Салатофы в Мюнхене. Когда Эйнар и Герда не писали, они накрывали все это зеленым брезентом, который оставил матрос, живущий лестничной площадкой ниже.

- Почему ты хочешь, чтобы я надел ее туфли? - спросил Эйнар. Он сидел в плетеном кресле, привезенном из сарая с фермы своей бабушки. Эдвард VI прыгнул ему на колени - собака дрожала от воплей матроса снизу.

- Для моего портрета Анны, - снова повторила Герда, а затем добавила:

- Я бы сделала это для тебя.

На щеке Герды был неглубокий шрам от ветряной оспы. Она слегка касалась его пальцем, и Эйнар знал, что она делала так, когда бывала встревожена.

Герда опустила на колени, чтобы расшнуровать ботинки Эйнара. Ее волосы были длинные, желтоватого цвета, и пожалуй, более «датского», чем у мужа. Обычно она заправляла их за уши, когда хотела приступить к делу; теперь же они скользили по ее лицу, пока она пыталась развязать узлы на шнурках Эйнара. От Герды пахло апельсиновым маслом с надписью «ЧИСТЫЙ ПАСАДЕНСКИЙ ЭКСТРАКТ», которое ее мать присылала раз в год. Мать думала, что Герда пекла торты, добавляя в них масло, но вместо этого Герда использовала масло, смазывая кожу за ушами.

Герда помыла ноги Эйнара в тазике. Она нежно и ловко протягивала морскую губку между пальцами его ног. Эйнар засучил брюки повыше. Он вдруг подумал, что его икры выглядят стройными. Эйнар осторожно выставил ногу вперед, и Эдвард VI ринулся слизывать воду с его мизинца, который от рождения был без ногтя и напоминал головку молотка.

- Никто об этом не узнает, Герда? - прошептал Эйнар, - ты никому об этом не скажешь, верно?

Он был взволнован и напуган. Его сердце забило в горле.

- Кому я могу сказать?

- Анне!

- Анне не нужно знать, - ответила Герда.

Впрочем, Анна была первой оперной певицей Дании, подумал Эйнар. Она привыкла к мужчинам, одетым в женскую одежду, и женщинам, одетым в мужскую. Актеры – трагедисты. Это старейший трюк в мире. И на оперной сцене это ничего не значило. Ничего, кроме путаницы. Путаницы, которая разрешится в заключительном акте.

- Никому ничего не нужно знать, - повторила Герда, и Эйнар, который чувствовал себя так, словно свет театральных рамп направлен на него, начал расслабляться и натягивать чулок на икру.

- Ты надеваешь наоборот, - сказала Герда, поправляя шов, - надевай

осторожно.

Второй чулок порвался.

- У тебя есть еще один? – спросил Эйнар.

Лицо Герды застыло, словно она напряженно думала о чем-то, но затем она направилась к гардеробу из морёного ясеня. Это был шкаф с овальным зеркалом на двери и тремя ящиками с латунными ручками-кольцами. Верхний ящик Герда запирала на маленький ключ.

- Эти прочнее, - сказала Герда, протягивая Эйнару вторую пару.

Сложенные аккуратным квадратом чулки казались Эйнару кусочком тела, фрагментом кожи Герды, коричневым от летнего отдыха в Монтене.

- Пожалуйста, будь осторожен, - попросила она, - я собиралась надеть их завтра.

Просвет между волосами Герды открывал полоску серебристо-белой кожи, и Эйнар задался вопросом, о чем она думает, глядя исподлобья и поджав губы? Она была сосредоточена, и Эйнар чувствовал, что не вправе ничего спрашивать. Ему казалось, что его рот связан старой, испачканной краской тряпкой, и потому задавался вопросом о своей жене молча, с оттенком обиды, едва заметным на бледном и гладком, как кожица молодого персика, лице.

- Разве ты не хорошенький? - сказала Герда однажды, много лет назад, когда они впервые остались наедине.

Должно быть, Герда заметила, как ему некомфортно. Она подошла к Эйнару, провела рукой по его щеке, и сказала:

- Это ничего не значит.

А затем добавила:

- Когда ты перестанешь беспокоиться о том, что скажут другие люди?

Эйнар любил, когда Герда делала подобные заявления. То, как она хлопала в ладоши и провозглашала свое мнение, словно символ веры перед остальным миром. Он считал, что это ее самая американская черта, кроме разве что склонности к серебряным украшениям.

- Хорошо, что у тебя мало волос на ногах, – сказала Герда, будто бы замечая это впервые.

Она смешивала масляные краски в маленьких керамических чашках. Герда закончила верхнюю часть портрета Анны, которая от поедания сочной и жирной лососины и сама подёрнулась слоем жирка. Эйнар был впечатлен тем, как Герда изобразила руки Анны, держащие букет лилий. Пальцы были тщательно прорисованы: костяшки, морщинки, ногти - чистые, но тусклые. Лилии были красивые, лунно-белые, окрашенные

ржавыми точками пылицы.

Герда была противоречивым художником, но Эйнар никогда не говорил ей об этом. Вместо этого он хвалил ее столько, сколько мог, и пожалуй, даже слишком много. Он помогал ей во всем, где это было возможно, учил ее методам, которые, как он думал, она не знала. Особенно о свете и перспективе. Если Герда когда-нибудь найдет правильную тему, Эйнар не сомневался, она стала бы прекрасным художником.

Облако над Домом Вдовы сместилось, и солнечный свет упал на незавершенный портрет Анны. В качестве подиума для модели Герда использовала лакированный багажный сундук, купленный у кантонской прачки, которая через день собирала белье, оповещая о своем приходе не кличем на улице, а звоном золотых тарелочек, прикрепленных к пальцам. Стоя на сундуке, Эйнар почувствовал головокружение и жар. Он опустил взгляд на голень: шелково-гладкую, за исключением пары волосков, прорывающиеся сквозь ткань, словно крошечные ростки боба. Желтые туфли были слишком изящные, чтобы поддерживать его, но его стопы естественно изогнулись, словно расправляя давно не использованные мышцы. Что-то пронеслось у Эйнара в голове, и заставило подумать о лисе, преследующей полевую мышь: тонкий, рыжий нос лисы в поисках мыши разрывает борозды бобового поля.

- Стой спокойно, - попросила Герда.

Эйнар посмотрел в окно и увидел рифлёный купол Королевского театра, для оперной труппы которого он иногда рисовал декорации. В это время внутри Анна репетировала «Кармен». Ее мягкие руки демонстративно вздымались перед холстом, на котором он изобразил севильскую арену для быков. Иногда, когда Эйнар рисовал в театре, голос Анны разносился по залу, словно по медной водосточной трубе. Он заставлял его так сильно содрогаться, что кисть смазывала декорацию, и он тер кулаком глаза. Анна не была обладательницей прекрасного голоса. Он был грубоватым, печальным, напоминающий мужской и женский одновременно. Тем не менее, он резонировал больше, чем голоса большинства датчан, которые часто были тонкими, чистыми, и слишком приятными, чтобы вызывать дрожь. Голос Анны имел южный колорит, согревающий Эйнара, словно ее горло было раскаленным от углей. Ему хотелось слезть с лестницы за кулисами и убежать, чтобы слушать, как Анна, в тунике из белой овечьей шерсти, открывая квадратом рот, репетирует с дирижёром Дювиком. Она наклонялась вперед во время пения. Анна всегда говорила, что это сила музыки тянет ее к оркестровой яме.

«Я думаю о тонкой серебристой цепочке, соединённой с концом дирижёрской палочки, и прикрепленной вот здесь», - рассуждала она, указывая на родинку на подбородке. «Без этой цепочки я практически не знала бы, что и делать. Без нее я не была бы собой».

Во время рисования Герда убирала волосы черепаховым гребнем, отчего лицо ее выглядело крупнее. Эйнар словно смотрел на нее сквозь сосуд с водой. Герда была, возможно, самой высокой женщиной из тех, которых он когда-либо знал. Идя по улице, она возвышалась настолько, что могла рассматривать поперек половинчатых занавесок жителей первых этажей. Рядом с ней Эйнар чувствовал себя маленьким, словно ее сыном, смотря на нее снизу вверх и дотягиваясь до ее свисающей руки. Ее халат с накладными карманами был сшит на заказ. Швея, которая замеряла ее, изумлялась, почему Герда, такая крупная и здоровая женщина, оказалась не датчанкой.

Герда рисовала с чуткой сосредоточенностью, которой Эйнар так восхищался. Она была способна легким мазком изобразить блик в левом глазу, и услышав звонок в дверь, тут же принять посылку с молоком, а затем без труда вернуться к слегка матовому блеску в правом глазу. Рисую, она напевала, как она их называла, «костровые песни». Она повествовала человеку, которого рисовала, о своем детстве в Калифорнии, где в апельсиновых рощах ее отца гнездились павлины. Она рассказывала своим натурщикам (Эйнар нечаянно услышал это, стоя на темной лестнице у двери квартиры, когда однажды вернулся домой) о все более долгих промежутках между моментами их интимной близости.

- Он принимает это слишком близко к сердцу, но я не виню его, - говорила она, и Эйнар представлял, как она заправляет волосы за уши.

- Они сползают! - заметила Герда, указывая кистью на чулки, - подтяни!

- Без этого никак?

Моряк снизу хлопнул дверью, и стало тихо, не считая смеха его хихикающей жены.

- Ах, Эйнар! - воскликнула Герда, - ты когда-нибудь расслабишься? Ее улыбка постепенно исчезала с лица. Эдвард VI вбежал в комнату и начал копаться в постельном белье, а затем послышался звук, похожий на вздох младенца. Эдвард VI был старым псом, родившимся на торфяных болотах. Его мать и весь ее выводок утонул в вязкой трясине.

Их квартира находилась на чердаке здания, которое в прошлом веке правительство открыло для вдов рыбаков. Окна смотрели на север, юг и запад, и в отличие от многих других домов в Копенгагене, дом мог предоставить Эйнару и Герде достаточно места и света для занятий живописью. Супруги едва не переехали в Кристианову Впадину, на другую сторону гавани, где художники жили по соседству с проститутками и азартными пьяницами, неподалеку от цементных фабрик

и их импортеров. Герда сказала, что может жить где угодно, и не находит такую обстановку жалкой, но Эйнар, который первые свои пятнадцать лет спал под соломенной крышей, воспрепятствовал этому и нашёл жилье в Доме Вдовы. Дом с фасадом, выкрашенным в красный цвет, находился в одном квартале от Новой Гавани. Слуховые окошки торчали из черепичной крыши, а мансардные окна были прорублены высоко на скате. Другие здания на улице были выбелены, а их восьмипанельные двери были выкрашены в цвет бурых водорослей.

Напротив жил доктор по фамилии Мёллер, принимавший срочные вызовы от женщин, у которых среди ночи начинались роды. По улице, что заканчивалась тупиком во Внутренней Гавани, шуршали немногочисленные автомобили, и в тишине можно было услышать эхо от испуганного девичьего крика.

- Мне нужно вернуться к своей работе, - наконец сказал Эйнар, устав стоять в туфлях, оловянные пряжки которых впились ему в кожу.

- Это значит, что ты не хочешь примерить ее платье?

Когда она произнесла слово «платье», в животе у Эйнара стало жарко, а следом в груди сгустком начал разрастаться стыд.

- Да, я так не думаю, - ответил Эйнар.

- Даже на несколько минут? - спросила Герда, - мне нужно прорисовать кайму у ее колен.

Герда села рядом с ним в плетеное кресло, поглаживая голень Эйнара через шелк. Ее рука гипнотизировала, прикосновения приказывали ему закрыть глаза. Он был не в состоянии слышать что-либо, кроме жесткого скрипа ее ногтей по шелку.

Герда остановилась.

- Прости, - сказала она, - мне не следовало об этом просить.

И тут Эйнар увидел, что дверца гардероба из морёного ясеня открыта, а внутри висит платье Анны. Оно было белое, с бусинами вдоль каймы подола и манжет. Окно было приоткрыто, и платье слегка покачивалось на вешалке. Что-то было в этом платье: в тусклом мерцании его шелка, в кружевном нагруднике на лифе, в раскрытых застежках-крючках на манжетах - что-то, из-за чего Эйнару захотелось прикоснуться к нему.

- Тебе нравится? - спросила Герда.

Он собирался ответить «нет», но это было бы ложью. Ему нравилось это платье, и казалось, как плоть под его кожей меняет форму, созревает...

- Тогда всего лишь примерь его на несколько минут, - Герда принесла платье и приложила его к груди Эйнара.

- Герда, - начал он, - Что, если я...

- Простоними рубашку.

И он послушался

- Что, если я....

- Всего лишь закрой глаза, – нежно попросила Герда.

И он послушал ее.

Даже с закрытыми глазами, стоя без рубашки напротив жены, он чувствовал себя неловко. Его не оставляло чувство, будто бы она поймала его на чем-то, чего он обещал не делать. Не за супружеской изменой, а скорее за вредной привычкой, от которой он дал слово избавиться. Вроде распивания в барах Кристиановой Впадины, или поедания фрикаделек в постели, или перетасовки купленной одним унылым днем колоды карт с девицами.

- И брюки, - попросила Герда. Она протянула ему руку и учтиво отвернула голову. Окно было открыто, и от свежего ветра с запахом рыбы его кожа покрылась мурашками.

Эйнар быстро натянул платье через голову, расправив подол. У него вспотели подмышки и поясница. Жар вызвал у него желание закрыть глаза и вернуться в те дни раннего детства, когда то, что находилось у него между ног, было столь маленькое и бесполезное, как белая редиска.

Герда сказала лишь одно слово:

- Хорошо.

Затем она занесла кисть над холстом. Ее голубые глаза сузились, словно она разглядывала что-то на кончике носа.

Странное чувство наполнило Эйнара, когда он стоял на лакированном сундуке. На него падал солнечный свет. В воздухе пахло сельдью. Платье сидело на нем свободно, если не считать рукавов. Эйнару было тепло, словно он окунулся в летнее море. Лиса преследовала мышь, и в голове звучал отдалённый голос - тонкий плач напуганной маленькой девочки.

Продолжая смотреть на быстрые движения Герды, пока ее рука металась по холсту, а затем отрывалась от него, Эйнару стало трудно держать глаза открытыми. Ее серебряные браслеты и кольца вращались, как косяк голавлей. Ему стало трудно думать об Анне, поющей в Королевском Театре, о ее подбородке, наклоняющемся к дирижёрской палочке. Эйнар сосредоточился только на шелке, облегающем его кожу, словно бинт. Да, вот что он чувствовал в тот первый раз: шелк был так прекрасен и воздушен, что воспринимался как марля, пропитанная снадобьем марля, нежно лежавшая на заживающей коже. Даже смущение из-за того, что он стоял в таком виде перед женой, утратило значение, ведь она с незнакомой непринуждённостью на лице была поглощена завершением своей картины. Эйнар начал погружаться в туманный мир грез, где платье Анны могло принадлежать кому угодно, даже ему.

И как раз когда его веки стали наливать тяжестью, а мастерская погрузилась в сумрак, он вздохнул и опустил плечи, а Эдвард VI начал похрапывать в спальне, - как раз в этот момент медный голос Анны

воскликнул:

- Поглядите-ка на Эйнара!

Он открыл глаза. Герда и Анна показывали на него пальцами. Их лица были оживлены, губы приоткрыты. Напротив залаял Эдвард VI, а Эйнар Вегенер не мог пошевелиться.

Герда взяла у Анны букет лилий - подарок от поклонника, и вручила его в руки Эйнару. Задрал голову, Эдвард VI забегал вокруг Эйнара кругами, словно защищая его. Две женщины смеялись, а глаза Эйнара наполнялись слезами. Его задел их хохот, запах белых лилий и ржавые лепестки, которые пачкали пылью подол платья на блестящем выступе паха, чулки и открытые влажные руки.

- Ты шлюха! - душевно произнес моряк снизу, - Ты чертовски красивая шлюха!

Затишье этажом ниже повлекло за собой поцелуй - знак прощения. За этим последовал более громкий хохот Герды и Анны, и как только Эйнар посмел попросить их покинуть мастерскую и дать ему спокойно переодеться, Герда сказала непривычно мягким и заботливым голосом:

- Мы будем звать тебя Лили.

Глава 2

Герда Вегенер, двадцатидевятилетняя художница, родилась в Калифорнии и происходила из рода Вэуд. Ее дед, Апсли Хэвэн Вэуд, был богатым землевладельцем. Ее отец, Апсли младший, сделал бизнес на апельсиновых рощах.

До того, как в десятилетнем возрасте она переехала в Данию, самой дальней ее поездкой из Пасадены было путешествие в Сан-Франциско, где в один прекрасный день она играла с обручем перед домом своей тети Лизи на Ноб-Хилл и нечаянно толкнула своего брата-близнеца на дорогу, где тот попал под повозку. Карлайл выжил, но длинная блестящая пластина навсегда осталась в его голени. Некоторые говорили, что он уже не станет прежним. Став старше, Герда говорила, что с Карлайлом не случилось ничего особенного, и называла хромоту брата “западным строением”.

- Некоторые Вэуды рождаются с ним, а некоторые нет - говорила она со знанием дела. Конечно же, Вэуды не имели никакого “западного строения”, и тем не менее, почему ей не должны были верить? Герда прощала им это. По крайней мере, большую часть. Особенно она прощала Эйнара, своего первого учителя искусств и второго мужа.

К весне 1925 года они были женаты уже шесть лет. Иногда по утрам Эйнар чувствовал, что знает Герду только шесть недель, а не шесть лет совместно прожитой жизни.

Эйнар и Герда впервые встретились в Королевской академии изобразительных искусств 1 сентября 1914 года. Всего через несколько недель Кайзер направился через Люксембург в Бельгию.

Герде было семнадцать, а Эйнар в свои двадцать лет уже преподавал живопись. Застенчивый, смущенный в кругу подростков холостяк. Благодаря занятиям верховой ездой у Герды с детства была хорошая осанка. Она позволяла расти волоскам на своей спине, что выглядело провокационно в Копенгагене, где на улицах всё ещё стояли мерцающие газовые фонари. Датчане прощали ей это, так как она происходила из Калифорнии. Они не знали никого из этих краев, но представляли себе, что там обитают люди, которые, как и Герда, живут в открытых домах в тени финиковых деревьев, а золотые камни пробиваются сквозь почву в саду.

Однажды Герда сбрила себе брови, и больше уже никогда не давала им отрасти, видя в этом куда больше практичности, чем все остальные. Каждое утро она рисовала себе брови восковым карандашом, который

покупала на третьем этаже магазина Дю-Нор, в котором женщины тайно делали покупки для поддержания красоты. У Герды была привычка тереть поры на носу, отчего на коже оставались шрамы, и это очень ее беспокоило. Она считала себя самой невероятной и красивой, но это, скорее всего, было не так, ведь Грета Янсен была не менее красива. К тому же, она была любовницей мэра, лихо входящей из магазина в вестибюль отеля “Англетер” в халате с блестками даже посреди дня.

В любом случае, Герда не думала о браке. Когда молодой датчанин, пан американского происхождения, или сын американского стального магната предлагали ей турне по Европе на год, звали ее на бал или предлагали сплавиться по каналу Кристиансхавн, ее первой мыслью было: “Вам меня не удержать”.

Все, чего она хотела - это чтобы все оставалось так, как есть: вечно молодая женщина, которая имеет возможность рисовать при свете дня, и чье общество состоит из восьми человек, которые в полночь встречаются в “Себастьяне”, ее любимом публичном доме, быстро опрокинув два бокала “Питер Хееринг” со вкусом вишни до того, как в час ночи появится полиция, чтобы закрыть дом. Герда знала, что мечтать о таком не только глупо, но и невозможно. Потому что ей, мисс Герде Вэуд, никогда не будет позволено жить так, как она хочет.

Когда Герда была маленькой, у нее была привычка снова и снова писать в записной книжке свое имя “Герда, Герда, Герда”, осознанно убрав оттуда фамилию “Вэуд”, словно бы для того, чтобы узнать, как будет звучать ее имя так, как никто ее не называл. Она не желала, чтобы кто-нибудь знал, кем являлась ее семья. Даже став подростком она не хотела иметь ничего общего с ними. Она презирала всех, кто чрезмерно полагался на прошлую жизнь. Какой в этом смысл?

Она приехала в Данию маленькой девочкой, когда ее отец, длиннорукий человек с густой бородой, занял свой пост в посольстве.

- Почему ты хочешь это сделать? - спросила Герда, когда он впервые сообщил ей новость о переезде.

- Герда, - ответила мать, - ты должна сего слушаться. Он твой отец.

Герда и забыла, что его мать, ее родная бабушка Герда, в честь которой её называли, была датчанкой со светлыми волосами древесного цвета бука. Воспитанная в Борнхольме, была известна кроваво-красным маком, который носила за ухом. К тому же, она являлась первой девочкой в семье, которая покинула Балтийские острова, направляясь не в Копенгаген, как большинство молодых любознательных людей, намеренных оставить свою семью позади, а в Южную Калифорнию. Как говорили в те времена, это было равносильно иммиграции на Луну.

Несколько лет тяжелых работ на ранчо привели Герду Карслен к знакомству с Апсли Вэудом, и достаточно скоро высокая девушка из Борнхольма, носившая маки в волосах, перебралась в Калифорнию.

Когда отец Герды сказал, что привезет их обратно в Данию, никто не воспринял его слова всерьез. Даже Герда была вынуждена признать, что нельзя было возвращаться. Но это был способ отца восстановить свои отношения с матерью, голубоглазой Гердой Карлсен Вэуд, которая умерла в день, когда ее сын, Апсли-младший, простой молодой человек, приехал к ней в Пасадену в Аррно Секо, чтобы сделать фотографию, а по приезду с ужасом наблюдал, как почва у дома осыпалась, выбросив его мать в ущелье, на смертельные узловатые ветви.

В Королевской академии осенью 1914 года Герда предположила, что большинство людей спорили только о двух вещах: о войне, и о ней, Герде. Она всегда отличалась от остальных. Независимо от того, где она проходила, шлейф ее белокурых волос всегда следовал за ней. Особенно в Южной Калифорнии. Как-то в прошлом году она вернулась в Пасадену на лето, чтобы заниматься теннисом и конным спортом. В один прекрасный день парень, который водил фургон мясника, поймал ее взгляд. Его волосы были черными и кудрявыми, а его горячие руки потянули ее на деревянное сиденье фургона, и они вместе спустились на бульвар Уилшир и обратно. Она наблюдала, как он управляет железными щипцами, как он выгружает ребра ягненка, которые после будут жариться в домах Хэнкок Парк. По пути домой этот парень попытался ее поцеловать, что очень разочаровало Герду. В конце поездки он сказал “пока”, а Герда, пожалвав плечами, пошла в свою комнату. На следующее утро ее мать, женщина с тонкими губами, спросила:

- Герда, дорогая, пожалуйста, объясни это?

Мать развернула Американский еженедельник, заголовок которого гласил: “Планирует ли юная мисс Герда Вэуд карьеру на бойне?”

В течении нескольких недель после этого происшествия за их домом велась самая настоящая слежка репортеров. Каждое утро, обозначив свое появление свистком сквозь пальцы, разносчик газет заставлял всю семью замереть. Эту историю никогда никому не рассказывали, но в конце концов, сплетни все равно просачивались. В течении двух недель телефон в залене прекращал звонки. Отец Герды больше не мог покупать ланч в центре Калифорнии, а ее мать испытывала дьявольскую злость ко второму поставщику мяса. Вскоре родители отправили Герду обратно в Копенгаген, во время августовских рассветов, таких ярких, словно взрывы фейерверков над Тиволи.

В сентябре этого года, когда войну можно было услышать в грозовых тучах, Герда поступила в Королевскую академию.

В первый день занятий Эйнар удивил Герду, стоя перед пыльной после предыдущего урока доской, и спросил ее:

- А, мисс? Как вас зовут?

Когда Герда ответила на вопрос, Эйнар, или, как она его тогда называла, профессор Вегенер, отметил что-то в журнале и продолжил. Его глаза, - карие и большие, как у куклы, - посмотрели на нее, а затем отвели взгляд. Судя по его пугливости, Герда решила, что он никогда в своей жизни не встречал американцев. Она отбросила волосы назад, и они качнулись, словно флаг.

В начале учебного года кто-то шепнул Эйнару о ее отце из посольства, и, возможно, даже упомянул историю про мясника. Да, сплетни преодолели Атлантику, и Эйнар стал еще более неловким по отношению к ней. Она была разочарована тем фактом, что он оказался среди тех, кто решил, что невозможно находиться рядом с богатой девушкой. Это почти сжигало ее заживо, потому что она никогда не просила богатства. Но и не то чтобы возражала... Даже в этом случае.

Эйнар не мог посоветовать, какие картины посмотреть в Галерее, и не мог описать оптимальный маршрут до магазина художественных принадлежностей недалеко от муниципальной больницы. Герда пригласила его на прием в американское посольство, который организовывался для судостроителя из штата Коннектикут, посетившего их, но Эйнар отказался. Он отказал также в просьбе сопровождать ее в оперу. Он даже не мог смотреть на нее, когда они говорили. Но она смотрела на него, и издалека, через окно, наблюдала, как он пересекает двор Академии. Его шаги были короткими и быстрыми. Он был худощавым, с круглым лицом и такими темными глазами, что Герда не имела ни малейшего представления о том, что же они в себе кроют. Просто разговаривая с ним, Герда могла заставить Эйнара краснеть от шеи до висков. Он был как ребенок, и это очаровывало Герду отчасти еще и от того, что она чувствовала себя старше своих лет, и была настолько откровенна, что даже в детстве люди относились к ней, как ко взрослой.

- Вы женаты, профессор? - спросила она однажды, и этот вопрос заставил его веки задрожать. Его губы сжались, когда он пытался ответить, казалось, незнакомое слово "нет".

Другие студенты шептались за спиной профессора Вегенера:

"Из семьи гномов" - говорила одна девушка;

"Был слеп, пока ему не исполнилось пятнадцать лет" - говорила другая;

"Родился в болоте" - говорил парень, который хотел привлечь внимание Герды. Этот парень писал картины греческих статуй, и Герда не могла представить себе ничего более скучного. Когда он позвал ее покататься на колесе обозрения в Тиволи, она просто закатила глаза.

- Ну, профессор Вегенер не воспринимает тебя всерьез, если это то, чего ты хочешь - сказал парень, пнув ботинком ствол вяза.

Дома мать, помня о случае с фургоном мясника, осторожно изучала Герду в свете камина. Всякий раз, возвращаясь вечером, она не обнаруживала в глазах Герды совершенно ничего.

- Герда, дорогая моя, если ты не найдешь того, кто мог бы сопровождать тебя на твой день рождения, я вынуждена буду найти кого-нибудь сама, - сказала ее мать однажды вечером, сидя у очага в гостиной. Герда слышала, как Карлайл наверху в своей комнате кидает теннисный мяч.

- Я уверена, что сын графини фон Дер Рекес хотел бы пойти с тобой, - говорила миссис Вэуд. - Конечно, он не танцует, но достаточно красивый мальчик. По крайней мере до тех пор, пока ты не замечаешь этот ужасный горб. Ты не согласна, Герда? - мать Герды подняла заостренное лицо. Огонь в очаге был слабый, а стук мяча Карлайла заполнял всю комнату, из-за чего люстра начала дрожать.

- Когда он это прекратит? - отрезала миссис Вэуд, откладывая спицы и вставая. Тело ее держалось жестко, как будто она была готова выдвинуть обвинения, и направилась в сторону комнаты Карлайла.

- Я думаю, в этом весь Карлайл, - сказала Герда. Пламя в камине подпрыгнуло, и гостиная оживилась.

- Ну да, верно, - добавила миссис Вэуд, - Карлайл всегда здесь. Почему бы тебе не пойти с Карлайлом? Он не нашел девушку, которая пошла бы с ним. На день рождения вы могли бы пойти вместе.

Но Герда, которая стояла в дверном проеме гостиной, сложила руки на груди в знак протеста и сказала:

- Карлайл? Я не могу пойти с Карлайлом! Это не весело! К тому же, я в состоянии найти себе сопровождение сама.

Брови ее матери цвета голубинового пера приподнялись, и она спросила:

- О, в самом деле? И кого же?

- Вы просто должны подождать, и увидите, - сказала Герда, чувствуя, как ногти впиваются в ее сжатые ладони, - Я приведу того, кого я хочу. И я не собираюсь идти со своим родным братом!

Герда играла со своими волосами, глядя на мать, а наверху все продолжался стук теннисного мяча.

- Просто подождите и сами увидите, - повторила Герда, - В конце концов, мне будет восемнадцать.

На следующей неделе Герда поймала Эйнара на лестнице Королевской академии. Он держался за перила, когда она положила руку ему на запястье и сказала:

- Могу ли я поговорить с тобой?

Было уже поздно. Вокруг никого не было, и на лестнице стояла тишина. Профессор Вегенер был одет в коричневый костюм с белым воротником. В руках он держал небольшой чистый холст размером с книгу.

- Мы устраиваем ужин, чтобы отпраздновать мой день рождения, - сказала Герда, - Мне будет восемнадцать. Моему брату-близнецу и мне. И мне было бы интересно узнать, не хотел бы ты прийти? Эйнар выглядел так, словно съел что-то гнилое. Лицо его побледнело.

- Пожалуйста, мисс, - наконец сказал он, - может, вы должны записаться на другой семинар? Так будет лучше, - он коснулся своего горла, словно в нем что-то застряло.

Именно тогда Герда поняла, что профессор Вегенер был в каком-то смысле младше нее. Его мальчишеское лицо с маленьким ртом и вечно красными ушами; светло-каштановые волосы, лукаво свисающие на лоб... После того, как он произнес эту фразу, Герда взяла его лицо в свои руки. Он слегка подпрыгнул, когда ее пальцы коснулись его скул. Она держала голову профессора и его теплые щеки между ладонями. Герда продолжала держать Эйнара, и он попытался отступить от нее. Затем она поцеловала его, а маленький холст оказался между ними. Именно тогда Герда поняла, что Эйнар Вегенер не только человек, который должен сопровождать ее на день рождения, но и человек, за которого она выйдет замуж.

- Разве ты не хорошенький? - сказала она.

- Я могу идти? - спросил Эйнар отстраняясь.

- Ты имеешь в виду на вечеринку?

- Ну, это не...

- Конечно, ты можешь прийти на вечеринку. Вот почему я спросила тебя.

...Эйнар, к своему удивлению, повернулся лицом к Герде для второго поцелуя.

Но перед вечеринкой, которая посвящалась восемнадцатилетию Герды, отец решил, что в Европе больше небезопасно. Вскоре после этого Германия была поражена Францией, и отец Герды отправил свою семью из Дании.

- Если Кайзер будет ехать через Бельгию, что помешает ему проехать тут? - сказал он в столовой из белого дерева.

- Хорошая мысль, - ответила мать Герды. Герда, которая чувствовала себя как спасавшаяся бегством беженка, села в поезд "Принцесса Дагмара". В карманах ее не было ничего, кроме короткой записки от Эйнара, в которой было написано: "Пожалуйста, забудь меня. Так будет лучше".

Сейчас, спустя почти десять лет, весной 1925 года, Герда чувствовала, словно хранит секрет своего мужа. Первые несколько недель после позирования в платье Анны Эйнар ничего не говорил об этом.

Каждый из них занимался своей работой, с осторожностью следуя каждый своим путем.

Портрет Анны был завершен, и Герда искала другие заказы. Один или два раза за обедом, или когда они читали поздно ночью, Герда вспомнила про платье и чуть не назвала Эйнара Лили. Ей удалось остановить себя. Только один раз, отвечая ему, она оговорилась и спросила: “Что это было, Лили?”, но тут же извинилась. Они оба посмеялись над этим, и Герда поцеловала Эйнара в лоб. Она не думала об этом. Лили была лишь ролью, игрой, подобно той, что они видели в народном театре. Затем, однажды, Герда читала о социал-либералах в “Политикене”*, а лампа проливали конус света вокруг ее стула. Эйнар подошел к ней и сел у ее ног, положив голову ей на колени. Его теплая тяжесть упиралась в ее бедра, пока она читала газету. Она гладила его волосы, отрываясь каждую минуту, чтобы перевернуть страницу. Закончив читать газету, Герда сложила ее так, чтобы начать разгадывать кроссворд, выудив карандаш из кармана своего халата.

- Я думал о ней, - сказал Эйнар.

- О ком?

- О маленькой Лили.

- Тогда почему нам не увидеть ее снова? - спросила Герда, отрываясь от кроссворда. Ее палец, испачканный газетной краской, коснулся шрама от ветряной оспы на щеке.

Герда могла сказать то, чего на самом деле не думала. Она противоречила сама себе, и это бурлило внутри нее. На протяжении их брака она не раз делала абсурдные предложения вроде: «Почему бы нам не вернуться в Пасадену, чтобы собрать урожай апельсинов? Почему бы нам не открыть маленькую клинику для проституток с Ист-Сайда в нашей квартире? Почему бы нам не перебраться куда-нибудь, например, в Неваду, где никто не будет знать, кто мы?». Это были обычные вещи, как говорили, в большой пещере законного брака, полной маленьких черных летучих мышей. К счастью, чаще всего они просто парили, не причиняя вреда и не переворачивая все с ног на голову, словно спящая летучая мышь. По крайней мере, так думала Герда. Что думал Эйнар, она не могла сказать.

Как-то Герда пыталась нарисовать спящую летучую мышь, черную двойную перепонку мышинных крыльев, но ей это не удалось. Ей не хватало технических навыков для изображения растянутых, когтистых пальцев, для просвечивающих крыльев. Герда не была обучена рисовать животных. На протяжении многих лет Эйнар, который иногда рисовал свинью, воробья, или даже Эдварда IV в своих пейзажах, обещал научить ее рисовать животных, но всякий раз, когда они садились за урок, что-то

случалось: то приходила телеграмма из Калифорнии, то свистела прачка, то звонил по телефону один из покровителей Эйнара. Они часто оказывались седовласыми, титулованными людьми, жившими за узкими зелеными ставнями, закрывающимися на небольшой крючок.

Несколько дней спустя Герда возвращалась в Дом Вдовы после встречи с владельцем галереи, который в конечном итоге отверг ее картины. Дилер был красивым мужчиной с веснушками как шоколадные пятна на горле. Работы Герды были далеки от идеала в его понимании, и, постукивая пальцами по подбородку, он сказал Герде, что не впечатлен.

- Только портреты? - спросил он. Мужчина знал, как и все в Копенгагене, что она - жена Эйнара Вегенера. Герда была уверена, что именно поэтому дилер ждал от нее причудливых пейзажей.

- Вы когда-нибудь задумывались о том, что ваши картины слишком... - он тщательно подбирая слова, - восторженные?

Эти слова заставили Герду закипеть, и она почувствовала, как под платьем ее бросило в жар от этого смокинга с отворотами.

- Слишком восторженные? Как что-то может быть слишком восторженным? - Герда выхватила свой портфель из рук дилера, и развернувшись на каблуках, ушла. Она была все еще разгоряченной в тот момент, когда подошла к верхней лестнице Дома Вдовы.

Когда Герда открыла дверь и вошла, то увидела сидящую в плетеном кресле девушку. Сначала Герда не поняла, кто это. Девушка сидела лицом к окну, с книгой в руках, и Эдвард VI разместился у нее на коленях. Девушка была одета в синее платье с белым съёмным воротником, а на ее шее была одна из золотых цепочек Герды.

Девушка была знакома Герде. От нее пахло мёдом и молоком. Матрос снизу кричал на свою жену, и каждый раз, когда слово “шлюха” просачивалось сквозь половицы, шея девушки краснела. Как только он прекращал кричать, румянец исчезал. “Стерва!” кричал мужчина, и румянец снова и снова появлялся и исчезал на шее девушки.

- Лили? - наконец произнесла Герда.

- Это замечательная книга, - Лили подняла книгу по Истории Калифорнии, которую отец Герды положил в ящик с банками засахаренного лимона, чистого пасаденского экстракта и масла эвкалипта для отпаривания лица.

- Не хотела тебя беспокоить, - сказала Герда.

Лили слегка вздохнула. Эдвард IV лениво зарычал, и его уши встали торчком. Дверь в квартиру была еще открыта, и Герда сняла пальто. Лили вернулась к своей книге, и Герда увидела, как на белой шее Лили блестит ее золотая цепочка. Герда была не совсем уверена, что ее муж хотел бы, чтобы она предпринимала что-нибудь. Она знала, что это важно

для Эйнара, и Герда должна следовать его неестественным порывам. Она стояла у входа в квартиру. Её рука все еще лежала на дверной ручке, пока Лили сидела в кресле в полоске солнечного света. Лили проигнорировала Герду, которая, надеясь поддержать, взяла ее за руки. Ничего не произошло, и в конце концов, Герда поняла, что должна оставить Лили в покое. Закрыв дверь в квартиру, Герда направилась вниз по темной лестнице на улицу, где столкнулась с прачкой и отпустила ее.

Позже Герда вернулась в Дом Вдовы, когда Эйнар уже писал картину. Он был одет в твидовые брюки и жилет без пиджака, а рукава его рубашки были закатаны по локоть. Его голова казалась маленькой под комковатым узлом галстука. Лицо его было полностью залито розовым, щеки багровели, и он посасывал кончик своей кисти из фундука.

- Она продвигается, - сказал он весело, - я наконец-то смешиваю правильные цвета для снега в пустоши. Взгляни!

Эйнар писал картины настолько маленькие, что они уместились бы в руках. Эта специфическая картина была темной - болото в зимних сумерках, а тонкая линия грязного снега была единственным оттенком светлого между губчатой почвой и небом.

- Это болото в Блютус*? - спросила Герда. В последнее время она устала от пейзажей Эйнара. Она никогда не понимала, как он мог рисовать их снова и снова. Он мог закончить этот вереск сегодня и продолжить рисовать его утром.

На столе лежал каравай ржаного хлеба. Эйнар потратился, что было не похоже на него. На столе стояла миска креветок на льду, а также блюдо измельченной говядины и чашка с жемчужным маринованным луком. Лук напоминал Герде четки Карлайла, которые были у него в детстве и которые он перебирал, когда был слишком слаб, чтобы играть на улице.

- Лили была здесь? - она почувствовала необходимость сказать об этом, так как знала, что Эйнару нужно высказаться.

- Около часа. Может, меньше. Разве ты не чувствуешь ее запах? Ее духи? - он полоскал свои кисти в банке с бледно-белой водой, похожей на молоко. Герда купила ее, когда впервые вернулась в Данию после войны. Она не знала, что сказать. Не знала, что ее муж хотел услышать.

- Она вернется?

- Только если ты захочешь, - сказал Эйнар, сидя спиной к ней.

Его плечи были не шире, чем у мальчика, так что мужчиной он был не крупным, и Герде иногда думалось, что она могла бы без труда обернуть свои руки вокруг него дважды. Она смотрела, как его правое плечо сотрясается, когда он промывает кисти. Что-то подсказывало ей встать за ним, забрать у него кисти и шепнуть ему, чтобы он не двигался. Все, что она могла сделать - это позволить ему свои желания, и в то же время, ей

неизменно хотелось, чтобы он был немного смелее и мог сам сказать, что нужно делать с Лили.

В квартире на чердаке в Доме Вдовы сумерки заполнили окна, и Герда крепко держала Эйнара за руки. В конце концов, она сказала только то, что было уместно для нее:

- Лили. Это все, что она хочет сказать?

В июне должен был состояться бал для художников в Сити Холле. За неделю до него Герда держала приглашение в кармане, не зная, что с ним делать. Эйнар недавно сказал, что у него нет желания идти на бал. Но у Герды была другая идея. Она пришла, чтобы увидеть в глазах Эйнара тоску, которую он не готов был признать.

Однажды в театре она спросила:

- Ты не хотел бы пойти, как Лили?

Она спросила потому, что догадывалась: это именно то, чего хотел Эйнар. Он никогда бы не признался в таком желании сам. Он редко признавался ей в чем-либо, если только она сама не подталкивала его, и только в этом случае он открывал ей свои истинные чувства, а она терпеливо его слушала.

Они были в ложе королевского театра. Красный бархат на подлокотниках затерся, а над авансценой была вышита надпись: “Не Только Для Удовольствия”.

Черные полы в тот день были натерты воском, и в воздухе висел сладкий лекарственный запах. Это заставляло Герду думать о запахе в их квартире после того, как Эйнар там убрался и вытер пыль.

Руки Эйнара задрожали, шея порозовела. Эйнар и Герда были почти так же высоко, как электрическая люстра с ее большими стеклянными шарами. Свет падал на Эйнара, открывая его щеки чуть ниже ушей, где большинство мужчин носили бакенбарды. Его борода была такой светлой, что он брился один раз в неделю. Усов над верхней губой было так мало, что Герда могла запросто их сосчитать. Цвет его щек был словно чайная роза, чему Герда иногда завидовала.

Оркестр настраивался, готовясь к длинному вступлению оперы “Тристан и Изольда”. Пара, сидевшая рядом с Гердой и Эйнаром, едва заметно сняла вечерние туфли.

- Я думал, мы решили не идти на бал в этом году, - наконец сказал Эйнар.

- Мы можем не идти... Я просто подумала...

Свет погас, и дирижер прошел к оркестровой яме. В течении следующих пяти часов Эйнар сидел неподвижно, ноги его были прижаты друг к другу, а в руках он сжимал программку. Герда знала, что он думает о Лили. Она словно была его младшей сестрой, которую он долго не видел, и теперь она вернулась домой.

Сегодня Анна исполняла Брангену - служанку Изольды. Её голос заставил Герду думать об углях в печи, и хотя это было не лучшее сравнение, но сопрано звучало хорошо. Как еще должна звучать служанка?

- Некоторые из самых интересных женщин не особо красивы, - обратилась она к Эйнару позже, когда они лежали в постели, и ее рука чувствовала тепло его бедра. Засыпая, она уже не думала о том, где находится - в Копенгагене или Калифорнии.

На следующий день, когда Герда вернулась со встречи с другим владельцем галереи, - мужчиной настолько робким и незначительным, что укол его отказа никак не задел Герду, она, вернувшись домой, пошла поцеловать Эйнара. На его щеках и волосах был призрак Лили, хранивший запах мяты и молока.

- Лили снова была здесь?

- Весь день.

- Что она делала?

- Она пошла в “Фоннесбех” и купила себе несколько вещей.

- Одна? - спросила Герда

Эйнар кивнул. Он закончил картину в течении дня, и сидя на ореховом стуле, читал раскрытый в руках “Политикен”. Эдвард IV свернулся у его ног.

- Она просила передать, что хочет пойти на бал.

Герда ничего не ответила. Она чувствовала, что кто-то объясняет ей правила новой игры. Она слушала и кивала, на самом деле думая про себя: «Я надеюсь, что пойму все лучше, как только игра начнется».

- Ты же хочешь, чтобы она пошла, не так ли? - спросил Эйнар, - она пойдет с тобой вместо меня, ты согласна?

Герда стояла, накручивая волосы на палец.

- Я не против, - ответила она.

Ночью Герда лежала в постели с Эйнаром. Ее рука покоилась у него на груди. Когда они поженились, бабушка Эйнара подарила им маленькую кровать из бука. Она была маленькой, как и все в семье Вегенер, кроме отца Эйнара. На протяжении многих лет Герда привыкла спать по диагонали, а ноги она закидывала на Эйнара. Иногда она сомневалась, словно маленькая девочка, в той жизни, которую выбрала для себя, а Эйнар с его фарфоровым кукольным красивым лицом был ее любимой игрушкой. Когда он спал, его пухлые губы блестели, а волосы обрамляли лицо, как венки. Герда не могла подсчитать ночи, когда ей не спалось, и она наблюдала, как его длинные ресницы трепещут, пока он спит.

Глубокой ночью в их спальне прозвучал гудок парома, направлявшегося в Борнхольм - балтийский остров, откуда была родом

бабушка Герды. Герда все дольше лежала без сна, думая о Лили. О её деревенском лице с трепетными губами, о её водянисто-карих глазах, таких, что Герде казалось, будто они на грани слез. Она думала о мясистом носике Лили, с которым она каким-то образом выглядела как девушка, в которой все еще растет женщина.

Лили оказалась даже более скрытной, чем Эйнар. По крайней мере, так казалось первое время. Ее голова была опущена, когда она говорила, а иногда она была так взволнована, что вообще не могла говорить. Когда ей задавали такой простой вопрос как “Вы слышали о страшном пожаре на причале торговой компании королевской Гренландии?”, она смотрела на Герду, затем на Анну, и отворачивалась. Лили предпочитала писать записки и раскладывать их по всей квартире. Оставляла открытки, купленные у слепой женщины за пределами железных ворот на шкафу из морёного ясеня, где хранилась одежда, или на маленьком выступе мольберта Герды.

“Я ни с кем не знакома на балу. Ты действительно думаешь, что я должна пойти?”. “Справедливо ли оставлять Эйнара? Не будет ли он возражать?”. И однажды: “Я не думаю, что я достаточно красива. Пожалуйста, порекомендуй мне что-нибудь”.

Герда отвечала на записки, оставляя их у миски с грушами, прежде чем выйти из квартиры:

“Слишком поздно. Я уже сообщила всем, что ты приехала. Пожалуйста, не волнуйся, все знают, что Лили - кузина Эйнара из Блютус. Некоторые спрашивали, не нужно ли тебе сопровождение, но я сказала, что ты не нуждаешься в этом. Ты же не против, не так ли?”

По вечерам Герда и Эйнар ужинали с друзьями в своем любимом кафе, расположенном вдоль канала Ньюхавн. Иногда Эйнар пьянел от аквавита и по-ребячески хвастался успехами одной из своих выставок.

- Все картины хорошо продаются, - говорил он, напоминая Герде Карлайла, бесконечно хвастающегося своими успехами в геометрии или щедростью нового друга. Но разговоры Эйнара смущали Герду. Она старалась не слушать, когда обсуждались деньги. В конце концов, что можно было сказать? Разве они могли делать вид, что это не имеет значение ни для одного из них? Она свирепо смотрела на Эйнара через стол, где на плоском блюде лежали лососевые кости, а также целые куски маслянистой рыбы.

Она не рассказывала Эйнару, что отец отослал ее в Данию, доверив ей переводимые в конце каждого апельсинового сезона доходы на счет “Лэндманс Банкен”, и не из эгоизма, а потому, что беспокоилась, что превратится в человека, который не принесет удовольствия компании. Она могла бы купить весь дом, в котором они живут, но не могла сказать

об этом Эйнару, который каждый месяц с небольшим сожалением доставлял чек за аренду клерку в “Лэндманс Банкен”. Герда знала, что это было ошибкой, но как она могла исправить это сейчас?

Когда Эйнар волновался, то стучал кулаками по столу. Волосы падали ему на лицо, воротник его рубашки раскрывался, открывая его гладкую розовую грудь. Жира на его теле не было, за исключением его грудей, которые выглядели как маленькие пельмени. Герда гладила его по запястью, пытаясь дать понять, что ему хватит пить аквавит, как делала ее мать, когда Герда выпивала в долине Хант Клуб. Но Эйнар никогда не понимал ее сигналы. Вместо этого он подносил к губам бокал, обводя улыбкой сидящих за столом, словно ища одобрения.

Физически Эйнар был необычным человеком, и Герда знала это. Она думала об этом, когда его рубашка раскрывалась чуть больше и все сидящие за столом могли мельком увидеть его грудь. Это было столь же непристойно, как грудь девушки в период полового созревания. Его красивые волосы, его гладкий подбородок, - все это зрелище сбивало с толку. Он был настолько красив, что иногда пожилым женщинам в Королевстве приходилось нарушать закон и предлагать ему тюльпаны, которые они собирали на общественных клумбах. Его губы были розовыми, ярче, чем любая из губных помад Герды, купленных ею на третьем этаже Дю-нор-магазин.

- Скажешь им, почему тебя не будет на балу? - спросила Герда однажды вечером за ужином. Было тепло, и они сидели на улице в свете фонарей. Ранее две лодки на канале столкнулись друг с другом, и ночь была пропитана керосином и расколотой древесиной.

- Бал? - спросил Эйнар, наклонив голову.

- Герда говорит, что к вам прибывает кузина из Ютландии - сказала Хелен Албен, секретарь Гренландской Королевской торговой компании. Она была компактной в своем маленьком зеленом платье с низко посаженной талией. Однажды, когда была пьяна, она взяла руку Эйнара и прижала к своей коленке. Эйнар мгновенно отверг ее, что порадовало Герду, которая была свидетелем инцидента, стоя в двери кухни.

- Моя кузина? - спросил Эйнар, пребывая в замешательстве. Пот проступил над верхней губой, и он больше не сказал ни слова, словно забыл, как говорить.

Это уже случалось несколько раз. Герда упоминала Лили знакомым, даже Анне, и лицо Эйнара ничего не выражало, словно он не имеет представления о том, кто такая Лили. Они с Гердой никогда не говорили об этом, о его детском недоразумении.

- Лили? О да, Лили! Моя кузина!.. Да, моя кузина Лили.

На следующий день то же самое произойдет снова. Это был их маленький секрет. Точнее, это был маленький секрет Герды, который она вычерчивала за спиной Эйнара. Она думала, что будет лучше обсуждать это с ним напрямую, но он был против. Может, она боялась раздавить его, или что его возмутит ее вторжение. Или, может, самый большой ее страх заключался в том, что Лили исчезнет навсегда. Съемный белый воротничок колыхнется от бега, оставив Герду одну в Доме Вдовы.

**"Полтикен" - газета, выпускаемая в Дании в то время.*

**Bluetouth – дословно «синие зубы» (анг). Блютус - деревня, названная в честь одного из королей Дании, который был известен любовью к ягодам, из-за чего его зубы были окрашены в синий цвет.*

Глава 3

Отец Эйнара был неудавшимся зерновым фермером, высланным представителями общества Культивирования на пустошь, поросшую вереском. В первую ночь, навсегда покинув дом своей матери в Блютус, он поехал в Скаген на окраине Дании, чтобы забрать свою невесту из магазина, в котором шили рыболовные сети. Он ночевал в бухте-гостинице, крыша которой была сделана из морских водорослей, и проснулся на рассвете, чтобы вступить в брак. В ту последнюю ночь, вдали от крепости Харольда Синезубого, он вернулся в Скаген с телом своей жены и маленьким Эйнаром, завернутым в плед. Почва вокруг Скагена была слишком твердой и промерзшей для рытья могил, и мать Эйнара обернули в рыболовную сеть, очищенную от жабр, и опустили в ледяное море. За неделю до этого серая волна смыла в Каттегате бухте-гостиницу с крышей из водорослей, и на этот раз отец Эйнара спал в магазине, среди ржавых рыболовных крючков, шнурков, и слабого запаха примулы, - такого знакомого запаха матери Эйнара.

Его отец был высоким, щуплым и тонкокостным. Он работал на мебельной фабрике, делая фурнитуру. Когда Эйнар был маленьким, его отец был прикован к постели. Доктор приходил редко. В течении дня Эйнар заглядывал в комнату отца, пока он спал. Он обнаруживал пену, собиравшуюся на губах отца, которая пузырилась от его дыхания. Эйнар подходил к нему на цыпочках, протягивая руку, чтобы коснуться золотистых локонов отца. Эйнар всегда хотел, чтобы его волосы тоже были настолько густые, чтобы серебряный гребень мог застрять в них, словно мишура на елке. Но еще более прекрасным, чем волосы, была болезнь отца - таинственный недуг, из-за которого кровь отступила от лица, что заставило его яйцевидные глаза сделаться в молочными и мягкими, а пальцы - желтыми и хрупкими. Эйнар заметил, что его отец - красивый мужчина, который словно бы потерял оболочку тела. Человек, отпускающий тело, которое больше ему не нужно.

Иногда Эйнар забирался в кровать из бука и спал, накрывшись с головой одеялом. Его бабушка залатала одеяло, вшивая в дыры гранулы мяты, и теперь постель пахла свежестью. Эйнар спал, с головой укрывшись одеялом, и маленький Эдвард II, свернувшись между ним и отцом калачиком, тряс хвостом по постельному белью. Собака стонала, вздыхала, а затем чихала, а после Эйнар проделывал то же самое. Он знал, что отец любил Эдварда, и хотел, чтобы отец так же любил его. Эйнар лежал в кровати, чувствуя себя слабым. Он ощущал тепло от костей отца, а его ребра были видны через сорочку. Зеленые вены на горле слабо пульсировали. Эйнар брал отца за руку и держал ее, пока бабушка,

маленькая и хрупкая женщина, не подходила к двери и не прогоняла его прочь.

- Ты только делаешь ему хуже, - говорила она.

Она была слишком занята на полях, чтобы проявлять сочувствие к Эйнару. И, несмотря на восхищение, отец также злил Эйнара. Он проклинал его, когда рыл в болоте могилу, прорезая лопатой торф.

На столе, рядом с постелью больного отца, стоял овальный дагеротип матери Эйнара. Её волосы были собраны в венок вокруг головы, а глаза были серебристыми. Всякий раз, когда Эйнар брал портрет, отец отводил его в сторону и говорил:

- Ты тревожишь её.

Напротив кровати стоял платяной шкаф, где одежда его матери висела точно так, как она оставила ее после рождения Эйнара. Ящик войлочных юбок с галькой, вшитой в подол, чтобы удерживаться против ветра. В выдвижных ящиках было шерстяное белье, серое, как небо. На вешалках висело несколько габардиновых платьев с рукавами, и ее свадебное платье. Теперь оно уже было желтое, упакованное в ткани, которые рассыпались при одном прикосновении. Был еще мешок со шнурком, в котором лежали янтарные бусы, брошь с черной камеей и маленький набор драгоценных вилок.

Время от времени, в порыве здоровья, отец Эйнара хотел уехать из дома на ферме. Однажды, вернувшись домой, он обнаружил Эйнара (тогда ему было семь лет) с жёлтым шарфом на голове, напоминающим длинные волосы, и янтарными бусами матери, которые он обернул вокруг шеи. Лицо отца покраснело, глаза, казалось, утонули в черепе. Эйнар чувствовал его гневное дыхание.

- Ты не можешь носить это, - сказал отец, - маленькие мальчики не могут носить женские вещи.

- А почему нет? - немного помолчав, спросил Эйнар.

Блютус был назван в честь одного из первых королей Дании. Никто не знал, когда он был основан и откуда пришел народ, хотя ходили мифы о поселенцах из Гренландии, которые отказались от каменистой земли, спустив своих овец пасть здесь. Тут было немногим больше места, чем в деревне, окруженной болотами. Всё в Крепости Синезубого всегда было мокрым: ноги, собаки, и иногда весной ковры и стены залов. Существовала планка тротуара, пересекающая губчатую землю и ведущая к главной дороге, а затем и зерновым полям за ее пределами. Каждый год, в мае, когда таял снег, тротуар тонул, и жившие в крепости мужчины сооружали дорожки из искривленных досок в желтоватой куче твердой земли.

У Эйнара был друг - мальчик по имени Ханс, живший в кирпичной вилле на краю деревни. У него был первый в городе телефон. Однажды, прежде чем стать лучшими друзьями, Ханс зарядил Эйнару в ухо, чтобы тот взял трубку. После этого Эйнар слышал только полную тишину.

- Если бы кто-то позвонил, ты знаешь, я бы сообщил тебе, - сказал Ханс, положив руку Эйнару на плечо и осторожно покачиваясь.

Отец Ханса был бароном. Его мать, чьи седые волосы были туго закручены, говорила с ним только по-французски. У Ханса были веснушки на нижней половине лица, и так же, как и Эйнар, он был меньше, чем большинство других мальчиков их возраста. Но, в отличие от Эйнара, голос Ханса был быстрым и раздражительным. Он разговаривал с равным энтузиазмом и доверием со своим лучшим другом, своей гувернанткой и красноносым дяконом. Он был одним из тех мальчиков, которые засыпали ночью уставшими, но счастливыми, мгновенно становясь тише, чем болото. Эйнар знал это, потому что всякий раз, когда он ночевал на вилле, то лежал без сна до рассвета, так как был слишком возбужден, чтобы закрыть глаза.

Ханс был на два года старше Эйнара, но это не имело никакого значения. В четырнадцать лет Ханс был мал для своего возраста. Он был даже меньше, чем Эйнар, а его голова подходила по пропорциям к его телу. Когда Эйнару было двенадцать, он знал, что похож на взрослого больше, чем другие мальчики. Ханс знал, что взрослые правили миром; они с Эйнаром знали, что взрослые не ценили их несоответствия.

- Нет-нет, ничего не говорят, - говорил Ханс, когда отец Эйнара был прикован к постели. Он почти всегда оплакивал его состояние, пока не приходила пора откинуть стеганое одеяло и лететь к заварному чайнику всякий раз, когда миссис Бор Или миссис Ланг останавливались для сплетен.

Однажды Ханс предложил не говорить отцу Эйнара, что Эйнар хочет стать художником.

- Ты не решился, и передумывал снова и снова. Зачем беспокоить его сейчас? - сказал Ханс, дотрагиваясь до руки Эйнара, отчего маленькие черные волосинки вставали дыбом.

“Ханс так много знает”, - думал Эйнар, “Конечно, должно быть, он прав”.

- Мечты не должны быть разделены, - сказал Эйнар в один прекрасный день, когда Ханс учил его влезать на древний дуб, росший на краю болота. Его корни были таинственно завернуты вокруг валуна, и были такими белыми и яркими, что невозможно было смотреть на них в солнечный день.

- Я хочу уехать в Париж, но не собираюсь кому-либо говорить об этом. Я буду держать это в себе. Однажды я уйду, и тогда люди узнают, -

сказал Ханс, качаясь вниз головой на ветке. Его рубашка сползла, открывая его грудь с первыми волосками. Если бы он упал, то аккуратно исчез бы в открытом болоте и пузырившейся грязи.

Но Ханс никогда не исчезал в болоте. К тому времени Эйнару было уже тринадцать, и они с Хансом оставались лучшими друзьями. Это удивляло Эйнара, ведь от такого мальчика, как Ханс, он ожидал не больше презрения. Тем не менее, Ханс позвал Эйнара играть в теннис на травяном корте рядом с виллой. Узнав, что Эйнар не умеет играть, Ханс рассказал ему о правилах игры и позволил ему судить матч, утверждая, что так будет лучше.

Однажды днем Ханс и один из его братьев (всего их было четверо) уговорили свою мать позволить им играть в теннис голышом. Эйнар сидел в свитере, на камне, с розовым бумажным зонтиком в руках, принесенным Хансом, чтобы тот защищал Эйнара от солнца. Эйнар пытался судить матч честно, но понимал, что ничего не может сделать, чтобы помочь Хансу победить. Эйнар сидел на камне, призывая: «сорок процентов любви к Хансу... Очко Хансу». Он наблюдал, как друг и его братья скользили по корту и отбивали мяч. Их розовые пенисы шлепали, как хвосты шнауцера, заставляя Эйнара чувствовать жар, сидя под зонтиком от солнца до того момента, пока не начал играть Ханс. Затем три парня ушли прочь, и чуть теплая рука Ханса хлопнула Эйнара по спине.

У Ханса был воздушный змей из бумаги и бальзы, который он привез от баронессы из Берлина. Змей был в форме подводной лодки, и Ханс запускал его в небо, словно парус. Ханс лежал в траве люцерны и смотрел на змея, плывущего над болотом. Катушка лески была зажата у него между ног.

- У Кайзера такой же змей, как мой, - сказал он, зажимая губами травинку.

Ханс пытался научить Эйнара управлять змеем, но ему никак не удавалось найти правильное направление ветра. Снова и снова змей из рисовой бумаги стремился вверх, а затем ударялся о землю. Эйнар видел, как морщится Ханс каждый раз, когда змей падает. Ребята подбежали к упавшему на землю змею:

- Я не знаю, что случилось, Ханс. Мне так жаль... - сказал Эйнар.

- Все хорошо, он как новый, - ответил Ханс, подбирая змея и счищая с него одуванчики.

Эйнар так и не научился управлять змеем, и в один прекрасный день, когда они с Хансом лежали, растянувшись в люцерне, Ханс сказал:

- Вот. Ты порули.

Он установил катушку лески между коленями Эйнара, а затем пошел в поле.

Лежа на земле, Эйнар чувствовал глубоко под собой лисьи норы. Каждый раз, когда змей натягивал леску, катушка вращалась, и чтобы вернуть ее обратно, Эйнару приходилось выгибаться.

- Все правильно, - сказал Ханс, - направляй ее коленями.

Эйнар все больше и больше привыкал к мотку лески, а змей опускался и поднимался над крапивниками. Ребята смеялись, и их носы палило солнцем. Ханс щекотал живот Эйнара камышом. Его лицо было так близко к Хансу, что Эйнар чувствовал в траве его дыхание. В этот момент их колени соприкасались, и Ханс был открыт чему угодно. Эйнар придвинулся к своему лучшему другу, и единственная полоска облаков в небе исчезла, а солнце упало на лица мальчиков. Когда Эйнар переместил свое костлявое колено к Хансу, гневный порыв ветра дернул змея, и катушку вырвало из колен Эйнара. Ребята смотрели, как змей в виде подводной лодки поднимался над вязами, словно парус, но потом врезается в черный центр болота, и оно поглощает его, словно змей тяжел, как камень.

- Ханс! - воскликнул Эйнар.

- Все хорошо, - сказал тот ошеломленным шепотом, - только не говори маме.

Летом, перед смертью отца Эйнара, они с Хансом играли в полях сфагнома, и грязь шуршала под их сапогами. Было тепло, и они провели в поле большую часть утра. Вдруг Ханс коснулся запястья Эйнара и сказал:

- Эйнар, дорогая, что у нас на обед?

Было около полудня, и Ханс знал, что в фермерском доме не было никого за исключением отца Эйнара, спавшего в своей постели.

К тому времени Ханс подрос, и его тело развивалось пропорционально. На его горле уже появился плавник кадыка, и теперь Ханс был гораздо выше Эйнара, который все еще пор не сдвинулся с места в росте.

Ханс привел Эйнара на ферму. На кухне Ханс сел во главе стола и заправил салфетку за воротник. Эйнар раньше никогда не готовил еду и безучастно стоял за плитой.

- Зажги огонь, вскипяти воду, - тихо сказал Ханс, - брось несколько картофелин и баранью ногу.

Голос его стал более гладким:

- Эйнар, давай, ну же!

Ханс обнаружил фартук бабушки Эйнара, безвольно висевший рядом с печной трубой. Он поднес фартук Эйнару и осторожно завязал вокруг талии. Затем Ханс коснулся затылка, как если бы убирал волосы Эйнара в сторону.

- Ты никогда не играл в эту игру? - прошептал Ханс на ухо Эйнару горячим сливочным голосом. Его пальцы с обгрызанными ногтями лежали на шее Эйнара. Ханс затянул фартук туже, пока Эйнар набирал в легкие

воздух. Эйнар чувствовал, как вместе с благодатным дыханием поднимаются ребра.

В этот момент отец Эйнара вошел на кухню. Его глаза расширились, а рот раскрылся, как если бы он хотел сказать букву “О”.

Эйнар почувствовал, как фартук сполз на ноги.

- Оставь мальчика в покое! - отец Эйнара замахнулся на Ханса своей тростью. Дверь захлопнулась, и кухня стала маленькой и призрачной. Эйнар слышал, как хлюпают по грязи сапоги Ханса, направлявшегося в сторону болота. Эйнар слышал хриплое дыхание своего отца. А затем был удар кулаком по щеке Эйнара.

Потом, через болото с бассейном для головастиков, над полями сфагнума, уходя в полдень, раздался голос Ханса, напевавшего коротенькую песню: *«...Когда-то на болоте жил старик, его маленький сын и ленивая маленькая собака...»*

Глава 4

Герда провела свой восемнадцатый день рождения в поезде “Принцесса Дагмар”, дуясь на железные дороги. После того инцидента с фургоном мясника она снова возвращалась в Калифорнию. Мысли о белом кирпичном доме на холме с видом на орлиные гнёзда, об Арройо Секо, мысли о горах Сан-Габриэль, багровевших на закате, наполняли ее сожалением. Она знала, что мать хотела связать её с дочерьми своих друзей: с Генриеттой, чья семья владела нефтяными месторождениями на краю моря вниз по Эль-Сегундо; с Маргарет, чьей семье принадлежала новостная газета; с Дотти Энг, чья семья владела большим ранчо в Калифорнии, участком земли к югу от Лос-Анджелеса не намного меньше, чем вся Дания. Родители Герды считали, что Герда будет жить так, как они, словно она никогда не уезжала из Калифорнии, в которой родилась, и станет умной, образованной, сильной и молчаливой молодой женщиной.

В долине Хант Клаб проходил светский рождественский бал, на котором девушки должны будут спускаться вниз по лестнице в белых платьях из органзы, а листья пуансеттии будут украшать их волосы.

- Очень уместно, что мы вернулись в Пасадену для выхода в свет, - почти постоянно кудахтала мать Герды в поезде, - Спасибо Богу за немцев.

В доме на холме в комнате Герды были арочные окна, открывавшие вид на газон с розами. Их лепестки покрылись коричневой бахромой

осеннего тепла. Несмотря на хороший свет, комната была слишком мала для рисования. Спустя два дня Герда ощутила тесноту, словно дом с тремя этажами, спальнями и японскими горничными, чьи сандалии стучали вверх-вниз по черной лестнице, душили ее воображение.

- Мама, я просто должна вернуться в Данию, завтра же. Здесь все слишком ограничено, - жаловалась она, - Может, это хорошо для вас и Карлайла, но я чувствую, что ничего не могу делать. Я чувствую, что забываю, как рисовать.

- Но Герда, дорогая, это невозможно, - говорила ей мать, занимаясь преобразованием конюшни в гараж, - Как Калифорния по сравнению с маленькой Данией может стеснять кого-либо?

Герда понимала, что спорить не имеет смысла, но это было именно то, чего ей хотелось.

Отец Герды послал им статистический обзор Дании, опубликованный обществом Королевского научного управления. Герда неделю провела с ним, с жалостью и тоской изучая диаграммы. В прошлом году в Дании было 1.467.000 свиней и 726.000 овец, общее количество кур-несушек составило 120.000.000... Она читала цифры, а затем поворачивала голову к арочным окнам. Она запоминала их, уверенная в том, что будет нуждаться в них, но не могла точно сказать, почему.

- Я не могу вернуться? - снова спросила она мать.

- Я, пожалуй, промолчу о немцах.

Однажды Герда спустилась к Арройо-Секо по сухому руслу, где птицы охотились на воде. Арройо был словно сожжен осенью: трава, шалфей и кустарники горчицы, поля лаванды и лилии — все напоминало коричневые хрупкие кости растений. Кофейные бобы, бузина, лимоны, сумах - все высохло. Воздух в Калифорнии был настолько сух, что кожа Герды потрескалась. Идя по песчаному руслу, она чувствовала внутреннюю часть носа, его кровоточащие трещинки. Ее обогнал суслик, чувствуя, что над ними кружит ястреб. Дубовые листья качались на ветру. Она думала об узких улицах Копенгагена, где дома неуклюже выглядывали на обочины, словно старик, боявшийся перейти дорогу. Она думала об Эйнаре Вегенере, который казался ей размытым, как во сне.

В Копенгагене ее все знали, но никогда ничего от нее не ожидали. Герда была экзотичнее черноволосых прачек, скитавшихся по всей земле от Кантона, и теперь работали в маленьких магазинах на Ист-Сайде. В Копенгагене ее уважали, независимо от того, как она себя вела - так же,

как датчане терпели десятки эксцентричных графинь, которые правили в своих замшелых усадьбах.

В Калифорнии же она всё еще была мисс Герда Вэуд, сестра-близнец Карлайла, апельсиновая наследница.

Глаза всегда указывали ей путь. В округе Лос-Анджелеса было около десяти человек, которые подходили ей для замужества. На другой стороне Арройо-Секо стоял итальянский дом, и все знали, что Герда ходила туда. В доме был питомник и защищенная игровая комната, заполненная детьми.

- Сейчас в этом нет необходимости, - сказала ее мать в первую неделю, - Давай не будем забывать, что тебе исполнилось восемнадцать. И, конечно, никто не забыл историю с фургоном мясника. Теперь на маршруте доставки был другой мальчик, но каждый раз, когда фургон подъезжал к дому из белого кирпича, на краткий миг все впадали в замешательство.

Хромой Карлайл, чья нога всегда болела в датском холоде, готовился поступать в Стэнфорд. Это был первый раз, когда Герда начала завидовать ему. Карлайлу было разрешено ковылять напротив песчаного двора к классу под ясным чистым солнцем, в то время как ей придется сидеть на застекленной террасе с набросками на коленях.

Герда начала носить рабочий халат художника, в переднем кармане которого хранила записку от Эйнара. Сидя на застекленной веранде, она писала ему письма, хотя ей было трудно придумать, что написать. Она не хотела сообщать ему, что не рисовала с тех пор, как покинула Данию. О погоде ей тоже не хотелось писать - это было бы то, что на её месте сделала бы её мать. Вместо этого она писала письма о том, что будет делать, когда вернется в Копенгаген. Повторно поступит в Королевскую Академию, постарается устроить небольшую выставку своих картин, убедит Эйнара сопровождать ее на девятнадцатый день рождения... В первый месяц пребывания в Калифорнии она ходила в почтовое отделение на улице Колорадо и отправляла письма.

- Возможно, оно будет идти долго, - говорил клерк через медные ламели в окне.

- Не говорите мне, что немцы разрушили почту! - отвечала Герда.

«Я не могу так жить», говорила Герда одной из японских служанок по имени Акико, девушке с насморком. Служанка поклонилась и принесла Герде камелии, плавающие в серебряной чаше.

“Придется что-то менять” - говорила Герда сама себе, иначе она сгорит от гнева, хотя ни на кого конкретно, кроме Кайзера, она не обижалась. Там, в Копенгагене, она была самой свободной девушкой чуть ли не во всем мире, а теперь грязный немец просто разрушил ее жизнь! Изгнанница - вот кем она стала. Изгнанница в Калифорнию, где розовые кусты выросли до десяти футов в длину, а в ночное время в каньоне выли койоты. Она с трудом могла поверить, что стала одной из тех девушек, которые с нетерпением ждут нового дня, чтобы прибыла почта с пачкой конвертов, среди которых будет письмо от Эйнара.

Герда телеграфировала своему отцу, прося о разрешении на возвращение в Данию.

«Морские пути больше небезопасны» был его ответ. Она требовала, чтобы мать отпустила ее в Стэнфорд с Карлайлом, но мать ответила, что единственная подходящая школа для Герды - это Школа Семи Сестер на заснеженном Востоке.

- Я чувствую себя раздавленной, - сказала Герда матери.

- Не драматизируй - ответила миссис Вэуд, занятая управлением пересева зимних газонов и маковых клумб.

Однажды Акико аккуратно постучала в дверь Герды и, опустив голову, принесла ей брошюру.

- Прошу прощения, - сказала Акико, и выбежала, стуча сандалиями. В брошюре было сказано о следующем заседании Общества Искусств и Ремесла Пасадены. Герда подумала о любителях общества с их парижскими палитрами, и выбросила брошюру. Она повернулась к своему эскизу на холсте, но не смогла придумать, что нарисовать. Через неделю Акико снова постучала в дверь. Она вручила Герде вторую брошюру.

- Прошу прощения, - сказала Акико, прикрывая рукой рот, - но я думаю, вам это может понравиться.

После того, как Акико принесла Герде третью брошюру, Герда решила принять участие в собрании. Общество владело домом с верандой в предгорьях над Пасаденой. На прошлой неделе горный лев, желтый, как подсолнух, выскочил из сосновой чащи в конце дороги и вырвал ребенка у соседа. Члены общества не могли говорить ни о чем другом. Повестка дня была оставлена, и вместо нее велось обсуждение фрески, на которой изображалась эта сцена.

- Она будет называться “ Убегающий лев” - сказал кто-то.

- Почему бы не «Мозаика»? - предложил другой.

Общество состояло в основном из женщин, но было и несколько мужчин, многие из которых носили войлочные береты. Встреча свелась к согласованию коллективной картины, которая будет представлена городской библиотеке в первый день нового года.

Герда случайно поскользнулась в задней части комнаты.

- Вы в порядке? - спросил мужчина.

Это был Тедди Кросс, с его белым лбом и длинной шеей, наклоненной влево., предложивший покинуть встречу и посетить его студию керамики на Колорадо-стрит, где в печи целыми днями и ночами горел грецкий орех. Правая лодыжка Тедди Кросса была более развита от раскачивания педали колеса гончарного круга. Тедди Кросс, который захотел стать мужем Герды после светского бала на Рождество в долине Хант Клаб, и еще до конца первой мировой войны умер бы от пристального взгляда Герды.

Он был вторым человеком, которого Герда любила. Она любила Тедди за вазы со стройными шейками, которые он делал из белой глины и матового стекла. Она любила его тихое изменчивое лицо, и то, как он открывает рот, когда окунает керамику в ванну с глазурью. Он был родом из города Бейкерсфилд, сын клубничного фермера. У него появились морщинки вокруг глаз от того, что он часто щурился на солнце. Тедди хотел бы спросить Герду о Копенгагене, о связях с королем, но никогда не комментировал то, что она говорила ему. Его веки - единственное, что двигалось на его лице. Герда рассказала ему, что человек, который был в нее влюблен, был великолепным пейзажистом, но Тедди только смотрел. Он никогда не был на Востоке, и единственный раз, когда он побывал в одном из особняков вдоль апельсиновых роц был когда его наняли для создания плитки для очага и спального крыла этажей.

Герде нравилась мысль о знакомстве с ним. Принимать его в беседке за теннисным кортом, где в Пасадене осенью проводились ужины и танцы; показать его девушкам из долины Хант Клаб, как если бы она не была одной из них или не жила в Европе. Если захочет, Герда будет подниматься вверх по дороге в мясном вагончике, или сделает своим сопровождающим керамиста.

Как и следовало ожидать, мать Герды отказалась принимать Тедди Кросса в их доме. Но это не помешало Герде посетить надоедливых Генриетту, Маргарет и Дотти Энн в путешествии вокруг Пасадены в тени их садов. Эти девушки, похоже, были не против того, что Тедди уделяет внимание Герде. На самом деле, они его игнорировали.

Его керамика пользовалась спросом. Герда заметила в Тедди определенный шарм, когда на балу обнаружила у него остатки глины под ногтями. Мать Герды, часто принимавшая в Калифорнии у себя гостей на ужин и танцы, брала руки Тедди всякий раз, когда они встречались в общественных местах, и тем самым ужасно раздражала Герду. Мать знала, что публично унижает Тедди Кросса, и в конечном итоге разногласия закончатся в Американском Еженедельнике.

- Они смотрят на тебя, - сказала Герда на одной из вечеринок.

- Только некоторые из них, - ответил Тедди, казалось бы счастливо сидевший на плетеном диване у бассейна с Гердой. Он наблюдал, как в Сэнт-Анне ветер сдувал пальмовые листья на землю, а в окнах особняка горела вечеринка. Если бы он только знал! Герда была готова бороться. За что и за кого, она не знала, но была готова.

А потом, в один прекрасный день, прибыла почта - перевязанный шпагатом пакет, и Акико оставила синий конверт у двери Герды. Герда долго смотрела на него, взвешивая на ладони. Ей с трудом верилось, что Эйнар написал ей, и ее воображение начинало представлять, что он мог бы ей сказать.

“Кажется война почти закончилась, и мы должны быть снова вместе к Рождеству.”

Или:

“Я ожидаю тебя в Калифорнии на следующем перекрестке.”

Или даже:

“Твои письма значат для меня больше, чем я могу тебе сказать.”

«Это невозможно», сказала себе Герда, положив конверт на колени. Но он мог изменить свое мнение... Все может быть.

И тогда Герда разорвала плотный конверт. Письмо начиналось так: *“Дорогая Мисс Вэуд”*...

Далее он написал только:

“Учитывая ход событий, ожидаю что мы никогда не встретимся вновь, что, вероятно, к лучшему.”

Герда сложила письмо и сунула его в карман.

Почему Эйнар так думает? - спросила она себя, утирая глаза подолом халата. Почему он не видит никакого смысла в надежде вообще? К сожалению, она понятия не имела, что еще могла сделать.

Потом Акико вернулась к двери Герды и сообщила:

- Это Мистер Кросс. По телефону.

Вот так, по телефону, в зале на втором этаже, в пределах слышимости ее матери, Герда попросила Тедди сопровождать ее на светский бал. Он согласился, при одном условии: что Герда перестанет беспокоиться о том, как его мать относится к нему.

- Я собираюсь пригласить ее на танец, и тогда ты увидишь! - сказал он. Но Герда закатила глаза, думая, что Тедди не представляет, во что ввязывается. Когда она повесила трубку, мать сказала только:

- Ну, теперь, когда ты это сделала, придется помочь ему с фраком.

В этом году должны были представить семь девушек. Их сопровождали были молодые люди, приехавшие домой на каникулы из Гарварда, Принстона, или военных баз штата Теннесси и Сан-Франциско. Девушка с астмой попросила Карлайла о сопровождении. Её легкие были слабы, и ей был необходим надежный партнер для танцев. Герда впервые думала, что ей придется забыть Эйнара Вегенера, который оказался не готов к ее реверансу.

Белое платье в стиле ампир никогда не шло Герде. Это было платье с оборками на плечах и слишком коротким по длине, обнажая лодыжки. По крайней мере, Герде так казалось. Она много думала о своих длинных, угловатых ногах, демонстрируя их во время спуска по лестнице в прихожую в долине Хант Клуб. Перила лестницы были украшены гирляндой с закрученными еловыми ветками, яблоками и красными лилиями. Гости в белых фраках расхаживали вокруг клуба, потягивая шампанское и вежливо наблюдая за семью дебютантками, которые спускались вниз. В зале стояли четыре красиво украшенных ели, а темные языки пламени в камине грызли бревно красного дерева.

Одна из девушек принесла серебряную фляжку колпачком из перламутра, полную виски с. Она и другие дебютантки с приколотыми в волосах листьями пуансеттии пускали фляжку по кругу. Фляжка сделала вечер ярче, словно руководитель клуба подкрутил бра на стене до самого высокого напряжения. Черное пламя каминного огня казалось диким зверем, прыгающим за ширмой.

Спустившись с лестницы, Герда присела так низко, что ее подбородок едва не коснулся восточного ковра. Члены клуба зааплодировали. Затем Герда вошла в бальный зал, где ее ожидал Тедди Кросс. В белом фраке он казался выше, чем обычно. Его волосы блестели от тоника, и в нем было что-то незнакомое. Он выглядел почти как датчанин, с его темно-русыми волосами и морщинками вокруг глаз, с

хорошим коричневым загаром. Его острый кадык нервно поднимался и опускался.

Позже, той же ночью, когда после жареного мяса подали аризонское шампанское с клубникой, Герда и Тедди выскочили из клуба и направились к теннисному корту. Ночь была ясная и холодная, Герде пришлось поднять платье, чтобы не намочить подол росой. Она была немного пьяна и знала это, потому что чуть раньше неудачно пошутила про клубнику и родителей Тедди. Она немедленно перед ним извинилась, но от того, как он кинул салфетку на стол, казалось, шутку он принял болезненно.

Прогулка по теннисному корту была ее идеей. Герда словно пыталась произвести впечатление на Тедди всей своей странной пасаденской жизнью и тем, как она бросается на него. Но у Герды не было никакого замысла. Она не думала над тем, что предложит ему.

Они дошли до беседки на дальнем дворе, где стоял бассейн и плетеный диванчик, окрашенный в зеленый цвет. На диване, который пах сухим, съеденным термитами деревом, они начали целоваться.

Герда не могла не думать о том, как отличался поцелуй Эйнара от поцелуя Тедди. На “Принцессе Дагмар” она стояла в своём купе перед зеркалом и целовала свое отражение. Плоская поверхность зеркала напоминала ей поцелуй с Эйнаром. Ей казалось, что поцелуй на лестнице королевской академии был таким, словно она целовала сама себя. Но поцелуй Тедди не понравился ей вообще. Его губы были твердыми и грубыми, а усики на верхней губе щекотали ей рот. Его шея, уткнувшись в ее собственную, была сильной и грубой.

На балу в клубе Герда думала, что лучше понимает происходящее. Она знала, что должна делать дальше, но ей понадобилось несколько минут, чтобы подготовиться. Подними руку к его.... О, было достаточно трудно думать об этом, не говоря уже о том, чтобы сделать. Но она хотела это сделать. По крайней мере, она думала, что хотела. Герда была уверена, что это то, чего бы желал и Тедди тоже. Вена на его щетинистой шее сильно пульсировала. Герда досчитала до трех, и, затаив дыхание, потянулась к ширинке Тедди.

Его рука остановила ее.

- Нет, нет, - сказал он, удерживая ее за запястье.

Герда никогда не думала, что он сможет сказать «нет». Она знала, что глядя ему в лицо в ярком лунном свете, она увидит озабоченность пристойностью ситуации, и это ее очень смущало. Герда подумала о последнем разе, когда она позволила мужчине отказать ей. Теперь она и Эйнар разделены континентами и морем, не говоря уже о войне.

Герда Вэуд и Тедди Кросс еще минуту сидели на плетеном диване внешнего двора долины Хант Клаб. Запястья Герды по-прежнему сковывали его затвердевшие руки. Она снова спросила себя, что делать дальше. Словно подгоняемая никогда раньше неизвестным ей позывом, она опустила лицо на колени Тедди. Герда использовала каждый трюк, вычитанный в романах, купленных ею в сомнительных кварталах Копенгагена, и услышанный от болтливых распутных литовских горничных, которые работали в доме ее матери. Тедди снова попытался возразить, но каждое его “нет” передавалось его губами все с меньшей силой. В конце концов, он отпустил ее руку.

Когда как они закончили, ее платье помялось и задралось к талии. Его фрак каким-то образом порвался. И Герда, которая никогда не заходила так далеко, молчала, прислонившись к Тедди, чувствуя стук его сердца в своей груди и его солоно-горький запах сырости между ног. Она уже знала, что будет дальше. Герда обняла его за спину, и подумала: «Все будет нормально, как только он заберет меня отсюда».

Они поженились в последний день февраля, в саду, в апельсиновой роще на бульваре. Японские горничные посыпали газон лепестками камелий, а Тедди надел новый фрак. Это была маленькая свадьба, только для самых близких родственников из Сан-Марино, Ханкок Парк и Ньюпорт Бич. Их соседка тоже присутствовала, потому что Миссис Вэуд говорила, что она на своей шкуре испытала это со своей дочерью. Родители Тедди были приглашены, но никто не ожидал, что они приедут, так как добраться из Бейкерсфилда в феврале не всегда было возможно.

Сразу после свадьбы и короткого медового месяца, в ванной Отель-Дель-Коронадо В Сан-Диего Герда рыдала каждый день. Не потому, что вышла замуж за Тедди, а потому, что была теперь еще дальше от своей любимой Дании и жизни, которую она так хотела обрести. Родители отправили их жить в Бейкерсфилд. Мистер Вэуд купил Герде и Тедди небольшой испанский дом с красной черепичной крышей и севильской решеткой на окнах, и небольшим гаражом, покрытым бугенвиллией. Миссис Вэуд послала Акико жить с ними. Перила в доме в Бейкерсфилде были из кованого железа, дверные проемы между комнатами - арочными. Имелся овальный бассейн и небольшая гостиная с книжными полками. Дом стоял в тени финиковых пальм, и внутри всегда было тихо и прохладно.

Однажды ссутулившиеся, с розовыми от клубники руками родители Тедди пришли в гости. Они жили в полях на нескольких гектарах глиняной почвы, в двухкомнатной постройке из эвкалиптовых досок. Их глаза были прикрыты от солнца. Они сидели почти бесшумно в небольшой гостиной Герды, нервно держа друг друга за руки и рассматривая обстановку, которая представилась перед ними: испанский дом, картины с пейзажами над камином, толстые сандалии Акико, когда она ставила перед ними поднос... Они сидели на белых диванах миссис Вэуд - заказ от Гамп, и Герда наливала мистеру и миссис Кросс холодный чай из гибискуса.

Всем было неудобно и прискорбно. Герда поехала вместе со старшими Кроссами в их дом на Мерсер Рейсэбаут*, и в двухместной машине миссис Кросс была вынуждена свернуться на коленях мистера Кросса. Пока автомобиль мчался по дороге, быстро наступила ночь, и весенний холодок пополз по полям. Ветер свистел через борозды, подбрасывая грязь в воздух так, что Герде пришлось использовать дворники, чтобы очистить лобовое стекло. Вдали, в дощатом доме Кроссов горел золотой свет. От ветра почва поднималась так сильно, что Герда не могла разглядеть ничего, кроме света в доме. Герда и миссис с мистером Кросс думали об одном и том же, и в этот момент Миссис Кросс произнесла:

- Это место, где родился Тедди.
- Всегда говорил, что он будет возвращаться сюда - сказал мистер Кросс, обнимая жену.

Отдыхая, весной Герда спала на одном из белых диванов в их небольшой гостиной. Она ненавидела Бейкерсфилд. Она ненавидела этот испанский дом, она даже иногда ненавидела ребенка, растущего внутри нее. Ни разу, однако, она не ненавидела Тедди Кросса. Во второй половине дня она читала, в то время как он неизменно приносил ей теплое полотенце на лоб. Герда быстро отекала и чувствовала себя все хуже с каждым днем. До мая она проводила ночи в гостиной, так как ей было тяжело подниматься по лестнице, а Тедди спал на раскладушке рядом с ней.

К началу июня в Бейкерсфилде обосновалась летняя жара. Она достигала ста градусов прежде, чем наступало девять утра. Акико обмахивала Герду веерами, Тедди приносил холодные компрессы вместо

горячих, и когда Герде становилось действительно плохо, Акико делала ей холодный зеленый чай в блестящих чашках, пока как Тедди читал ей стихи вслух.

Но однажды, пока Тедди был в Пасадене, собирая гончарный круг в своей старой студии, которую он никогда не закрывал, жар и боль подошли к концу. Вместе Герда и Акико, волосы которой были черными, как вороново крыло, приняли синего малыша с пуповиной, обвитой вокруг шеи и щек, словно маленький галстук. Герда назвала его Карлайл. Через день они с Тедди похоронили ребенка во дворе дома, на краю шепчущих полей клубники.

**Mercer Raceabout- спортивный автомобиль американской марки, выпускаемый с 1910 по 1915 год.*

Глава 5

На маленькой мощенной булыжниками улице, которыми был выложен весь Копенгаген, было темно и достаточно безопасно. Лили была уверена в конфиденциальности секретного заговора. На улице было слишком тесно для фонарей. Окна с одной стороны домов почти упирались в окна с другой. Люди, которые жили за этими окнами, не зажигали свет в передних комнатах, и за исключением предприятий, которые до сих пор были открыты, улица находилась в темноте. Кто-то пил турецкий кофе, сидя на бархатных подушках у окна. Дальше, вниз по улице, располагался бордель с неброскими ставнями и с латунным дверным звонком в виде соска. Дальше был подпольный бар, в который, как и Герда с Лили, пришел тощий человек с усами. Он быстро спустился вниз по ступенькам к месту, где мог встретиться с такими же, как он.

Лили одела шифоновое платье с льняным воротником и манжетами, как у моряка. Когда она шла, платье создавало мягкий шум. Лили старалась думать о взмахах платья, нервно пытаясь не думать о том, что ждет ее впереди. Герда одолжила ей нить жемчуга, скрученную три раза и скрывая большую часть шеи. Лили также надела бархатную шляпку, которую только утром купила в “Фоннесбех”. Она украсила ее булавкой с желтым алмазом и ониксом - брошью Герды в форме бабочки-монарха.

- Ты такая красивая... Я хочу поцеловать тебя, - говорила Герда, пока Лили одевалась. Герда была так возбуждена, что взяла Лили за руки и пританцовывала с ней по всей квартире, пока Эдвард IV лаял и лаял.

Лили прикрыла веки, которые стали жесткими и тяжелыми под пудрой. Она представила себе, что Копенгаген стал городом, в котором оба – Эйнар и Лили, - могут жить, как единое целое.

Улица закончилась, и они вышли на площадь напротив Тиволи, Ратхаусплац. Позвякивая, фонтан в виде дракона бил струей; через дорогу от отеля “Палас” стояла колонна, ограненная парой бронзовых викингов. Площадь был полна людей, прибывавших в полночь на бал, и норвежских туристов, возбужденно обсуждавших завтрашнюю велогонку из Копенгагена в Осло.

Герда не тревожила Лили. Она позволила ей встать на краю Ратхаусплац и ждала, пока Лили не заполнит Эйнара полностью, будто рука кукловода, заполняющая куклу.

Над зданием Мэри с медным шпилем более чем на триста футов возвышались четыре циферблата. Лили казалось, что она хранит величайший секрет в мире. Она собиралась обмануть весь Копенгаген. В то же время другая ее часть знала, что это была самая трудная игра,

которую она когда-либо играла. Это заставило ее вспомнить о лете в крепости Блютус и о падении воздушного змея в форме подводной лодки. Эйнар Вегенер, с его маленьким круглым лицом, казалось, ускользал вниз по туннелю.

Лили посмотрела на Герду, одетую в черное платье. Она была благодарна ей за все, что Герда для нее сделала. Лили пришла из ниоткуда. Да, спасибо за это Герде.

Входившие в здание Мэри люди с раскрасневшимися от лагера лицами выглядели элегантными и счастливыми. Среди них были молодые дамы в платьях конфетного цвета. Раздувая грудную клетку, они интересовались друг у друга, где собираются все известные художники.

- Кто из них Эйнар Нильсон? - спросила одна из женщин.

- Явился ли Эрик Хеннингсен?

Были и люди с восковыми кончиками усов и суматранскими сигарами. Молодые промышленники, сделавшие бизнес на массовом производстве посуды и кастрюль для приготовления пищи пришли показать себя обществу.

- Ты не оставишь меня? - спросила Лили Герду.

- Никогда.

И тем не менее, Лили волновалась.

Внутри здания Мэри располагался дворик, оформленный в стиле эпохи возрождения. С трех сторон были открыты поддерживаемые колоннами галереи. Над ними находился навес из пересеченных балок. На сцене играл оркестр, а у сцены стоял длинный стол с блюдами устриц. Гости танцевали, руки красивых мужчин лежали на стройных талиях женщин с окрашенными в синий цвет веками. Две девушки на скамейке писали записку и тихо хихикали над кем-то. Мужчины в смокингах стояли в кругу. Их руки оставались в карманах, а глаза суетливо бегали.

Лили волновалась. Она едва ли могла принять все это, чувствуя нарастающую панику в груди. Она думала о том, чтобы уйти, но было уже слишком поздно. Лили была на балу, дым и музыка которого прокладывали путь через ее глаза и уши. Если бы она сказала, что хочет уйти, Герда бы только посоветовала ей успокоиться. Герда порекомендовала бы ей не волноваться, и в мире нет ничего, о чем стоило бы переживать. Смеясь, Герда хлопнула бы ее по руке.

Рядом с Лили стояла высокая девушка в платье с ремешком и курила серебряный мундштук. Она разговаривала с мужчиной, чье лицо было таким черным, что можно было подумать, будто он с юга. Девушка была стройной, а мышцы на ее спине напоминали очаровательное стеганое одеяло. Казалось, мужчина был настолько влюблен в нее, что мог только кивать и соглашаться, а затем прервал их разговор длинным поцелуем.

- Там Хелен, - сказала Герда.

Через комнату они увидели Хелен Альбек. Ее черные волосы стали короче, и по пути к ней Герда объяснила Лили, что теперь такие стрижки модны в Париже.

- Ты иди, поговори с ней, - сказала Лили.

- И оставить тебя?

- Я не уверена, что хочу разговаривать с кем-то.

Герда пробиралась мимо танцующих, а ее волосы струились по спине. Она поцеловала Хелен, которая, казалось, собиралась ей что-то сказать. В Гренландской Королевской Торговой Компании Хелен управляла картинами, граммофонами и телефонами, золотыми тарелками для ужина и другими предметами роскоши, которые были включены в летние поставки, отсылаемые каждый вторник из Копенгагена. В течении двух лет Хелен организовывала продажи картин Эйнара, которые упаковывали и отправляли в Нук, где агент продавал их на аукционе. Через Северную Атлантику деньги шли медленно, но когда они все-таки дошли, Эйнар с гордостью преподнес Герде губную гармонику в кожаном чехле.

Танцоры двигались, и Герда с Хелен пропали из поля зрения. Лили сидела на скамье из красного дерева с вырезанными русалками. На крытом дворе было тепло, и она сняла шаль. Пока Лили складывала ее, к скамейке подошел молодой человек и спросил:

- Могу ли я присесть?

Он был высоким. Его волосы были желто-коричневого цвета, с толстыми, словно штопор, локонами, закрученными вокруг лица.

Краем глаза Лили видела, как он проверяет свои карманные часы, и смотрела, как он скрещивает ноги. От него слабо пахло хмелем, а его уши порозовели то ли от жары, то ли от смущения. Лили вынула из своей сумочки оловянный блокнот, который бабушка подарила Эйнару, и стала писать для себя записки о мужчине. Она написала, что молодой человек похож на отца Эйнара, когда тот был здоров и еще работал на ферме в полях сфагнума.

“Должно быть, поэтому я посмотрела на него”, - написала в своей книжке Лили.

“Почему я не могу перестать смотреть на него? Почему я не могу перестать смотреть на его длинные ноги, на щетину, которая растет на его щеках, на орлиный нос и пухлые губы, на густые вьющиеся волосы?”

Мужчина наклонился к ней.

- Вы репортер?

Лили оторвалась от блокнота и уставилась в колени.

- Поэтесса?

- Не то и не другое.

- Тогда что же вы пишете?

- О, это? – произнесла Лили, пораженная тем, что он заговорил с ней, - Это пустяки.

Несмотря на то, что она сидела рядом с мужчиной, ей не верилось, что он ее заметил. Словно он заметил в ней то, чего не видел никто. Лили едва понимала происходящее.

- Вы художник? - спросил мужчина.

Но Лили сложила шаль в свою сумку и произнесла:

- Мне очень жаль.

Она была слишком удивлена, чтобы оставаться и продолжать беседу. Ей стало жарко, и у нее появилось желание снять одежду и окунуться в море. Она вышла из зала через главный вход, который привел ее на задний дворик.

Во дворе было ветрено. Старый дуб балдахином накрывал маленький парк, словно бы защищая его от неизвестного, который забрался на шпиль здания Мэри, чтобы шпионить. Пахло розами и землей. Участок газона был серебристого цвета крыла летучей рыбы. Лили сделала пару шагов, а затем увидела пару: девушку в платье с ремешком и ее почитателя, целующихся за дубовым кустарником. Мужчина держал женщину за бедро. Ее платье поднялось, и застежка подвязки блестела в ночи. Испугавшись, Лили отвернулась и столкнулась с мужчиной, который сидел с ней на скамейке.

- Вы знаете, что говорят про этот старый дуб? - спросил он.

- Нет.

- Говорят, что если съесть желудь, то можете исполнить любое желание и стать кем угодно на один день.

- Почему так говорят?

- Потому что это правда, - он взял Лили за руку и повел к скамейке.

Мужчина оказался художником по имени Хенрик Сандал. Недавно он выставил серию картин, изображавших рыб северного моря: квадратные холсты с камбалой, ершоваткой и неуловимым палтусом с острым лицом ведьмы. Герда видела его картины. Однажды она вернулась в квартиру, и уронив ключи и сумку, сразу же широко и раскрыла глаза.

- Я никогда не видела ничего подобного! - сказала она Эйнару, - ты должен пойти и увидеть это сам. Ты когда-нибудь подозревал, что возможно влюбиться в голову трески?

- Ты здесь с кем-то? - спросил Хенрик.

- С женой моего двоюродного брата.

- Кто он?

Лили не ответила.

- Эйнар Вегенер? - спросил Хенрик, - я знаю!

- Вы знаете его? - поинтересовалась Лили.

- Нет, но он хороший художник. Лучше, чем думает большинство людей, - он сделал паузу, - я думаю, вы знаете, что многие люди в наши дни говорят, что он старомоден.

Это был первый раз, когда Эйнар почувствовал, что переодеваясь в Лили, переворачивает мир с ног на голову. Он мог бы уничтожить себя, потянув за завязки кружевной гирлянды у себя над головой. Эйнар нырял в общество, словно утка в воду, задрал локти и обмотав шею тройной нитью испанского жемчуга. Он мог часами расчесывать свои мягкие длинные волосы, а затем склонить голову, как нетерпеливая девочка-подросток.

Хенрик взял Лили за руку. Волосы на его запястье испугали ее, потому что единственная рука, которая когда-либо прикасалась к Эйнару, была рука Герды.

- Расскажите мне о себе, Лили, - попросил Хенрик.

- Меня назвали в честь цветка.

- Почему девушки говорят глупые вещи?

- Потому что это правда.

- Я не верю девушкам, когда они сравнивают себя с цветком.

- Я не знаю, что еще вам рассказать...

- Начините с того, откуда вы родом.

- Ютландия. Небольшая деревня под названием Блютус.

Лили рассказала Хенрику о травяных полях люцерны, о ледяном дожде, который может пробивать ямы на ферме.

- Если бы вы съели желудь, - сказал Хенрик, - кем бы вы хотели стать?

- Понятия не имею, - ответила она.

- Тогда загадайте желание.

- Я не могу.

- Ладно, не загадывайте.

И Хенрик рассказал ей историю польского князя, который освободил каждую женщину своей страны от труда. Вот кем хотел бы стать Хенрик.

Была уже середина ночи. Поднялся ветер, и дуб с листьями в форме ушей склонился, словно подслушивая Хенрика и Лили. Луна ускользала. Вокруг было темно, за исключением золотого света, льющегося от выхода здания Мэри. Хенрик взял руку Лили, поглаживая основание большого пальца, но чувствовал, что рука Лили принадлежит кому-то другому. Словно на нее претендовал кто-то еще.

- Не могли ли мы видеться раньше? - спросил Хенрик.

Пальцы его дрожали, беспокойно теребя манжет пальто. Лили услышала смех Эйнара. Он посмеивался над неуклюжестью ухаживаний другого мужчины. Говорил ли он когда-нибудь так смешно с Гердой? Скорее

всего, нет. Герда бы пресекла этот бред. Она бы покачала серебряными браслетами и сказала: “О, ради Пита”, и закатила бы глаза. Она бы сказала, что покинет ресторан, если Эйнар не перестанет относиться к ней, как к ребенку. Герда бы уткнулась в тарелку с пищей и не говорила бы ни слова, пока на тарелке не осталось бы ничего, кроме полой головы в луже уксуса. Потом поцеловала бы Эйнара и отправилась домой.

- Мне нужно найти Герду, - сказала Лили.

Туман клубился от гавани, и теперь Лили было холодно. Появилась мысль, будто это Лили, а не Эйнар, чувствует ветер голыми плечами. Она почувствовала влажный воздух через почти невидимые волосы, росшие на ее затылке. Глубоко под курточкой, шифоном и теплым нижним бельем на шнуровке Эйнару становилось холодно. Он чувствовал, как его биение сердца, и глаза, часто окаймленные розовой усталостью, отделяются от Лили. Это выглядело так, будто в его голове было два мозга, как две половинки грецкого ореха: Эйнара и Лили.

- Скажи Герде, что я провожу тебя, - сказал Хенрик.

- Только если ты обещаешь оставить меня за углом Дома Вдовы, - сказала Лили, - Эйнар будет меня встречать. Он не хотел бы видеть меня наедине с незнакомым человеком. Он и Герда очень обеспокоены тем, достаточно ли я взрослая, чтобы жить в Копенгагене. Похоже, им всегда интересно, что со мной происходит. Им интересно наблюдать, наткнусь ли я на неприятности.

Хенрик, чьи губы были тонкими и фиолетовыми, с трещинкой посередине, поцеловал Лили. Его лицо приблизилось к ее лицу, а затем он отстранился. Он делал это снова и снова, пока его рука держала Лили чуть выше локтя, а затем переместилась на ее спину.

Что больше всего удивило Лили в поцелуе с мужчиной, так это ощущения усов и тяжелый горячий вес руки молодого человека. Кончик языка его был странно гладким, как будто обожженный чаем. Лили хотела оттолкнуть его и сказать, что не может позволить себе этого, но это казалось ей невыполнимой задачей, словно ее рука не могла оттолкнуть Хенрика, кудрявые волосы которого веревкой обвилились вокруг ее шеи.

Хенрик поднял ее с железной скамейки. Она боялась, что он обнимет ее и почувствует через платье необычную форму ее тела - костлявую, с маленькой грудью, с болезненной припухлостью, заправленной между бедер.

Хенрик привел Лили в боковой коридор здания Мэри и подал ей руку в качестве помощи. Его голова счастливо подпрыгивала, как у марионетки. Его лицо было круглым, с монголоидным оттенком. Эйнар почувствовал себя свободным, и взял влажную руку Хенрика. Это была игра, частью которой была Лили, и игра эта почти ничего не значила. Игры - не искусство, они, конечно, не были жизнью. Никогда, и даже сегодня,

держа потную ладонь Хенрика в своей, Эйнар не считал себя сумасшедшим или особенным. Когда он пришел на прием к своему врачу в прошлом году с вопросом о неспособности иметь детей, тот спросил его:

- Вы когда-нибудь скучали по кому-то, кроме своей жены, Эйнар? По другому человеку, может быть?

- Нет, никогда! Ни за что! - ответил Эйнар, - ваша не правы!

Эйнар рассказал врачу, что разволновался, когда увидел в парке у туалета мужчин с бегающими встревоженными глазами и раскрасневшимися лицами. Гомосексуалисты! Как далеко от истины...

Эйнар взял Хенрика за руку, и они направились вниз, назад, к проходу с датским флагом, свисающим с полированной балки. Почему-то он спотыкался в горчично-желтых туфлях, которые Герда дала ему в тот самый первый апрельский день, когда ей нужна была пара ног, чтобы дописать портрет Анны. Почему он позволял узкому платью сковывать его большие шаги? Эйнар играл в игру. Он знал. Герда знала. Но точно так же он ничего не знал о себе.

Вне здания Мэрии ходили трамваи, звеня своими грустными и дружелюбными колокольчиками. Три пьяных норвежца сидели на краю фонтана и смеялись.

- Куда нам идти? - спросил Хенрик. На открытом пространстве улицы он казался меньше ростом. Из тележки на углу пахло кофе и свежей выпечкой.

В секрете Эйнара было что-то горячее, и все, что он мог сделать, это посмотреть на фонтан, бронзовый шпиль и крутые наклоны крыш зданий, окружающих площадь.

- Куда? - снова спросил Хенрик. Он посмотрел на небо и его ноздри раздулись.

Тогда у Эйнара появилась идея. У Лили появилась идея. Как ни странно, это было похоже на то, будто плывущий где-то над зданием Мэрии Эйнар наблюдал за Лили, и за тем, как ее губы шепнули Хенрику "Идем". Он услышал ее мысли:

"Герда никогда не узнает".

Что имела в виду Лили? Чего Герда никогда не узнает? Эйнар не понял. Когда он, удаленный владелец позаимствованного тела, парил над ней, словно призрак, и хотел спросить, что Лили имела в виду; когда он, Эйнар, собирался поклониться и спросить, о чем не узнает Герда, - только тогда Лили ощутила, как за ее плечами подул ветер, и ее половинка мозга, словно грецкий орех с мыслями, почувствовала теплую струйку, сбежавшую от ее носа к губам.

- О боже мой, у тебя кровотечение! - воскликнул Хенрик.

Лили поднесла руку к носу. Кровь была густая и стекала над губами. Музыка из здания Мэрии отдавалась звоном в ее носу. С каждой каплей

крови Лили чувствовала, как очищается. Она стала опустошенной, но чистой.

- Что случилось? - спросил Хенрик, - Почему это случилось?

Он кричал, и казалось, что кровь бежала немного медленнее в благодарность за его беспокойство.

- Позволь мне оказать тебе помощь!

Прежде, чем Лили смогла остановить его, он побежал через площадь к садившимся в машины людям. Хенрик собирался коснуться плеча женщины, открывшей дверцу. Лили наблюдала, как рука Хенрика медленно разворачивает женщину, и только потом поняла...

Лили попыталась сказать “нет”, но не смогла заговорить. Хенрик держал за плечо Герду, которая вышла на улицу, чтобы проводить Хелен до служебной машины Королевской Гренландской Торговой Компании.

Герда словно не заметила Хенрика. В ярком свете здания Мэрии она видела только Лили и ее кровь. Лицо Герды вытянулось, и Лили услышала собственный шепот:

- О нет, ради бога, нет!

Синий шарф, который она позаимствовала у Герды, был прижат к ее носу. Лили упала на руки Герды, слушая ее тихие слова, словно колыбельную:

- Лили, ты в порядке?! О, Лили все будет хорошо! Он сделал тебе больно?

Лили покачала головой.

- Как же это случилось? - спросила Герда, вытирая пальцами нос и губы Лили.

Лили не могла ничего сказать. Она могла только смотреть на Хенрика. Испугавшись Герды, он побежал по площади своими длинными и быстрыми ногами, а кончики его кудрявых волос покачивались на бегу. Звук его бега по булыжникам до смерти походил на удар отца Эйнара по щеке, когда он обнаружил Эйнара в фартуке своей бабушки, а губы Ханса прижимались к его шее.

Глава 6

Этим летом дилер, который продавал работы Эйнара, согласился вывесить на две недели работы Герды. Эйнар организовал запрос:

“Моя жена разочаровывается”, - начал он письмо господину Расмуссену на фирменном бланке, но Герда не должна была узнать об этом. К сожалению, когда Эйнар попросил ее отправить письмо, она распечатала его ножом. На то не было причин, за исключением того, что иногда Герда переполнялась любопытством: чем же занимается ее муж, когда они не вместе? Что он читает, где обедает, с кем говорит, и о чем?

“Это не от того, что я ревную” - сказала себе Герда, аккуратно распечатывая конверт, - “Нет, это просто потому, что я влюблена.”

Расмуссен был лысый вдовец с китайским разрезом глаз. Он жил с двумя своими детьми в квартире около Амалиенборг. Когда он сказал, что выставит последние картины Герды, её подмывало ответить, что она не нуждалась в его помощи. Она думала об этом, но ничего не предприняла. Эйнару она кокетливо сказала:

- Я не уверена, говорил тебе Расмуссен или нет, но, к счастью, он пришел в восторг.

Она купила десять стульев в мебельном магазине и покрыла их красными подушками. Она поставила стулья перед каждой картиной в галерее.

- Для размышлений, - предложил ей Расмуссен, расположив их в свободном порядке. Потом Герда разослала приглашения каждому европейскому редактору из списка Эйнара, с которыми он сотрудничал на протяжении многих лет. В приглашениях были важные вступительные слова Герды и изложенные проблемы. Приглашение получилось хвастливым, но по настоянию Эйнара Герда оставила все как есть.

- То, что нужно, - заключила она, и собственноручно доставила приглашения в офис “*Берлингс Таймс*”, “*Национальтиденде*” и “*Политикен*”*, в котором с ее насмешкой проводил клерк с маленькой седой головой.

Картины Герды были большими, и к тому же, блестящими. Она покрывала их лаком. Они были настолько блестящими, что их можно было чистить, словно окна. Немногие критики, которые пришли в галерею, ходили вокруг стульев с красными подушками и ели медовые крекеры, которые Герда поставила в серебряном блюде. Она следила за критиками, чьи маленькие блокноты оставались открытыми и волнующе пустыми.

- Это Анна Фонсмарк. Вы знаете, меццо-сопрано, - говорила Герда, - с ней столько проблем, когда она позирует...

Или:

- Это скорняжник короля. Вы обратили внимание на венок из норок в углу, символизирующий его торговлю?

Она говорила все это, и тут же жалела об этом. Тупость ее комментариев звенела в воздухе, словно это был второй слой лака на картинах. Герда думала о том, что сказала бы обо всем этом ее мать, и краснела, но иногда в Герде появлялось слишком много энергии, которая словно жидкость перетекала вверх-вниз по ее позвоночнику.

Герда вынуждена была признаться самой себе, что некоторые критики пришли только потому, что она - жена Эйнара.

- Эта выставка и Эйнара тоже? - спрашивали некоторые из них, - когда мы можем ожидать его следующую выставку?

Один из критиков пришел потому, что Герда была калифорнийкой. Он надеялся услышать о пленэре художников, работавших там, словно Герда могла что-то знать о бородатых мужчинах, смешивающих краски в поразительном свете лагуны Нигель.

В период сильной жары, который совпал с выставкой Герды, в галерее Кристалгад было тесно и пахло сырами из магазина по соседству. Герда была обеспокоена тем, что запах "фонтана" обоснуется на ее холстах, но Эйнар сказал, что это невозможно из-за слоя лака.

- Они непроницаемы, - заметил он, глядя на ее картины, которые отдавали эхом, словно колеблющаяся летучая мышь.

На следующий день, вернувшись в квартиру, Герда обнаружила Лили, вязавшую крючком сетку для волос. Спицы лежали у нее на коленях. Ни Эйнар, ни Герда ни разу не обсуждали происшествие с окровавленным носом Лили на балу художников. Но примерно через месяц после этого, в пору вспышки жары в течении трех дней в июле, нос Лили стал кровоточить снова. Эйнар утверждал, что беспокоиться не о чем, но Герда волновалась за него, словно мать за больного сына.

В последние дни Герда вставала по ночам. Она рисовала бледную Лили, лежавшую на руках Хенрика. Картина была большой, почти в натуральную величину. С ее яркими красками и плоскими формами картина выглядела живее, чем сцена кровотечения из носа Лили на балу художников. Фоном в памяти Герды служил фонтан с бронзовыми викингами и изрыгающими воду драконами. Хрупкая Лили заполняла картину. Руки мужчины обвилились вокруг нее, и его волосы падали ей на лицо.

«Она никогда не забудет его», - сказала себе Герда, рисуя смесь альпинистского ужаса, смятения и негодования, по-прежнему осязаемое каждой частью тела. Она знала: что-то изменилось.

- Давно ты здесь? – прямо спросила Герда.

- Около часа, - спицы продолжали лежать у Лили на коленях, - Я вышла на улицу, прошла через Когенс Хаве, и вязала, сидя на скамейке. Ты видела розы?

- Ты думаешь, это хорошая идея для тебя? Выходить на улицу в полном одиночестве?

- Я была не одна, - сказала Лили, - Хенрик встретил меня. Он встретил меня на скамейке.

- Хенрик... - произнесла Герда, - Понятно, - краем глаза Герда изучала своего мужа.

Она понятия не имела, чего хотела от него, от Лили. И все же, её муж сидел на стуле, одетый в коричневую юбку и белую блузку. В старомодные туфли с оловянными пряжками, которые Герда дала ему в тот самый первый день... Да, это был он. Смутное сожаление заполнило горло Герды. Она хотела как можно меньше вовлекаться в появления и исчезновения Лили. Герда поняла, что никогда не узнает, как правильно поступить.

- И как рыбий художник? - спросила Герда.

Лили подалась вперед в своем кресле и начала рассказывать историю о недавней поездке Хенрика в Нью-Йорк, где он обедал с миссис Рокфеллер.

- Он становится серьезным художником, - продолжала Лили, цитируя людей из мира искусства, отзывавшихся о Хенрике.

- Знаешь, он сирота, - сказала Лили, описывая юность ученика матроса на шхуне, который ловил рыбу в Северном море. Затем Лили рассказала, что Хенрик признался ей на скамейке Когенс Хаве, что никогда не встречал девушек, похожих на Лили.

- Мне ясно, как он относится к тебе, - Герда видела теплое выражение на лице Лили.

Герда только что вернулась после сложного дня в галерее. Десять ее картин все еще висели на стенах не проданными. Теперь все это - вид ее мужа в простой кружевной юбке, история Хенрика, получившего приглашение на обед с миссис Рокфеллер в национальном клубе искусств на Грамерси Парк, странные мысли о Лили и Хенрике на скамейке в тени Русенборг-слот поглотили ее.

- Скажи, Лили, ты когда-нибудь целовала мужчину? - вдруг спросила Герда.

Лили замерла. Ее кружево медленно опустилось на колени. Вышло так, что вопрос сорвался с уст Герды против ее воли. Она никогда не задавалась этим вопросом раньше, потому что Эйнар всегда был сексуально неуклюжим и не проявлял инициативы. Но Герда никогда не чувствовала такую тоску. Без Герды Эйнар никогда бы не нашел Лили.

- Может, Хенрик был первым? - спросила Герда, - он первым поцеловал тебя?

Лили подумала об этом, и её брови взлетели вверх. Через половицы был слышен просаженный картофельной водкой голос моряка. “Не ври мне”, - кричал он, - “я знаю, когда ты мне лжешь!”

- В Блютус, - начала Лили, - был мальчик по имени Ханс.

Герда впервые услышала о Хансе. Лили рассказывала о нем с упоением, держа в воздухе прижатые друг к другу ладони. Казалось, словно она находилась в трансе, рассказывая Герде о его трюках на древнем дубе, нежном голосе и воздушном змее в виде подводной лодки, который утонул в болоте.

- И ты ничего не слышала о нем с тех пор? - спросила Герда.

- Я знаю, что он переехал в Париж, - сказала Лили, возобновляя вязание крючком, - он арт-дилер, и это все, что я знаю. Он предлагает искусство американцам.

Затем Лили встала и пошла в спальню, где Эдвард VI рычал во сне, и закрыла за собой дверь. Через час Эйнар вернулся так, словно Лили вовсе не появлялась. Кроме запаха мяты и молока все было так, словно на самом деле Лили никогда не существовало.

Через две недели ни одна из картин Герды так и не была продана. Герда винила в отсутствии успеха экономику. Со времен великой войны прошло семь лет, и датская экономика умирала, задыхаясь от спекуляций. Герде не удалось удивить и проявить себя. Они с Эйнаром поженились, и его репутация мешала ей. Эти маленькие темные рисунки болот и штормов, некоторые из которых были нарисованы не более чем серой краской на черном фоне, приносили ежегодно все больше и больше крон. Тем временем Герда не зарабатывала ничего, кроме одноразовых выплат от корпоративных директоров. Она написала личные портреты Анны и слепой женщины у ворот Тиволи, а теперь и Лили не осталась незамеченной. Но в конце-концов, кто будет обменивать работы Герды, смелой американки, на работы Эйнара, утонченного датчанина? Какой критик во всей Дании, где художественные стили девятнадцатого века до сих пор считались новыми и сомнительными, посмел бы похвалить ее стиль? Так чувствовала Герда, и даже Эйнар признал, что это может быть правдой.

- Я ненавижу это чувство, - говорила иногда Герда, а её щеки пылали от зависти, которая никак не могла исчезнуть.

Однако одна из картин Герды привлекла некоторый интерес. Это был триптих, нарисованный на шарнирных досках. Герда начала его на следующий день после бала в Мэрии. Триптих изображал девушек в полный рост. Погруженная в свои мысли девушка с усталыми и красными веками. Бледная, напуганная и чрезмерно возбужденная девушка со впалыми щеками. Волосы еще одной выскользывают из зажима, губы

влажны. При рисовании Герда использовала тонкую кроличью кисть и яичную темперу, которая придала коже девушек нежное свечение. Эту картину Герда решила не покрывать лаком. Стоя перед картиной, один или два критика достали свои карандаши из нагрудных карманов. Сердце Герды забило о ребра, как только она услышала звук карандаша в блокноте. Один критик откашлялся, второй - француз с небольшой серой бородавкой на краю глаза, - спросил Герду:

- Одна из них вы?

Но картина с названием “Тройная Лили” не смогла спасти выставку. Расмуссен, невысокий человек, который недавно отправился в Нью Йорк, чтобы поменять картины Хамершоу и Кпаер на акции металлургических компаний Пенсильвании, упаковывал картины Герды для возвращения.

- Я сохраню одну из девушек для отправки товара, - сказал он, записывая это в своей записной книжке.

Прошло несколько недель. На почту прибыла вырезка из журнала парижского искусства, и в ней упоминалось о галерее Расмуссена. В статье было описано скандинавское современное искусство Дании, а также краткое упоминание множества талантливых людей. Невероятно, но они заметили Герду.

“Дикий восторг воображения”, - писали о Герде, - “Ее картина милой девушки по имени Лили была бы пугающей, не будь она так красива”. В статье ничего не рассказывалось об остальных картинах Герды, это был словно беглый обзор. Расмуссен направил вырезку Герде, которая прочла ее со смесью невыразимых чувств. Более поразительным, чем похвала, ей показалось полное отсутствие в статье имени Эйнара. Итоги датского искусства были подведены, и Эйнар нигде не упоминался. Она спрятала вырезку в ящик шкафа из мореного ясеня, положив её под письма от Тедди и своего отца из Пасадены, описывающего апельсиновый урожай, охоту на койотов и то, что Герда могла бы присоединиться к обществу художников в Санта-Монике, если когда-нибудь решит покинуть Данию. Герда никогда бы не показала Эйнару эту статью. Она принадлежала только ей. Слова восхваления принадлежали ей. Герда не чувствовала желания делиться, но не могла просто прочесть рецензию, а затем убрать ее в ящик. Нет, она должна была действовать, и сразу же написала критику свои мысли.

“Благодарю вас за вдумчивый обзор”, - начала она, - “он будет иметь особое место в моем пакете вырезок. Ваши слова очень добры. Я надеюсь, что вы увидите мои работы в следующий раз, когда будете в Копенгагене. Мы живем в небольшом, но изысканном городе, и что-то подсказывает мне, что вы не видели его должным образом. Есть одна вещь, о которой я бы хотела вас спросить. Мой муж, Эйнар Вегенер, пейзажист, потерял след близкого друга детства. Единственное, что

мой муж знает о нем, это то, что сейчас он живет в Париже и работает арт-дилером. Вы случайно не знаете его? Его имя Ханс Аксгил, барон. Он из Блютус, что в Ютландии. Мой муж хотел бы найти его. По всей видимости, в детстве они были необычайно близки. Когда мой муж вспоминает о молодости, говорит о Хансе и детстве в Блютус, который на самом деле был обычным болотом, то превращается в довольно ностальгирующего мужчину. Я думаю, вы могли бы по крайней мере знать Ханса, ведь мир искусства теснее, чем все мы думаем. Если у вас есть его адрес, пожалуйста, отправьте его мне, и я передам его Эйнару. Он был бы очень признателен”.

**новостные газеты Копенгагена*

Глава 7

Спустя неделю после бала художников Лили встречалась с Хенриком на Конгес Хаве три вечера подряд. Лили соглашалась встречаться с ним только в сумерках, которые наступали поздно после ужина.

Каждую ночь, вытянув юбку из шкафа и готовясь к свиданию, Лили испытывала тяжелое чувство вины. Герда читала газеты в передней комнате. Лили чувствовала, что Герда наблюдает за тем, как она использует ее пудру, губную помаду и наполняет лифчик свернутыми носками.

Лили ходила на цыпочках вокруг Эдварда VI, развалившегося на небольшом овальном коврикe перед зеркалом. Она изучала свой профиль в зеркале - сначала слева, затем справа. Ей было жаль оставлять Герду одну, с газетой в свете лампы, но недостаточно жаль, чтобы отказаться от встречи с Хенриком на условленном месте у фонтана.

- Ты уходишь? - спросила Герда в первую ночь, когда Лили направилась к двери.

- Да, прогуляюсь, - ответила Лили, - на свежем воздухе слишком хорошо, чтобы сидеть дома.

- Так поздно?

- Если ты не возражаешь.

- Я не возражаю, - ответила Герда, кивая на стопку газет у своих ног и давая понять, что будет читать перед сном, - ты будешь одна?

- Я буду не одна, - Лили не могла смотреть на Герду, произнося эту фразу. Ее глаза были опущены в пол:

- Я встречаюсь с Хенриком, - быстро добавила она, - мы просто прогуляемся.

Лили все же взглянула на Герду. Её скулы дергались, и казалось, будто она скрипела зубами. Сев в кресло, Герда резко расправила газету у себя на коленях.

- Не задерживайся допоздна, - наконец сказала она.

Хенрик заставил Лили ждать двадцать минут. Она уже начала беспокоиться, что возможно, он изменил свое мнение, заподозрив в ней что-то. Это пугало ее. Она боялась оставаться на улице в одиночестве, но в то же время она была в восторге от чувства свободы. Частый пульс у нее в горле убеждал её в том, что Лили может делать все, что захочет.

Когда Хенрик пришел, он задыхался, и над его верхней губой выступил пот. Он начал с извинения:

- Я занимался живописью и потерял счет времени. Такое случалось с вами когда-нибудь, Лили? Вы забывали когда-нибудь, кто вы, и где находитесь?

Они мало разговаривали, около получаса гуляя в теплой ночи. Лили чувствовала, что ей нечего сказать. Хенрик взял ее за руку. Улицы были пусты. Рядом не было никого кроме дворовой собаки, и Хенрик поцеловал Лили.

Следующие две ночи они встречались снова. Каждый раз Лили выскальзывала из квартиры под поднимающимся над краем газеты взглядом Герды. Каждый раз Хенрик опаздывал, и под его ногтями была краска. Даже кудри его были забрызганы.

- Я хотел бы встретиться с Гердой, - сказал Хенрик, - чтобы доказать ей, что я не из тех мужчин, которые убегают от женского обморока.

На третью ночь они гуляли допоздна, после звона последнего трамвая, после часу ночи, когда общественные здания были уже закрыты. Лили держала Хенрика за руку, когда они шли по городу, глядя на плоские черные отражения витрин и целуясь в темноте арочных проемов. Лили знала, что должна вернуться в Дом Вдовы, но что-то в ней хотело остаться на этой улице навсегда.

Лили была уверена, что Герда ждет ее, не сводя взгляда с входной двери. Но в квартире было темно. Вернувшись домой, Лили умылась, разделась и забралась в постель, превратившись в Эйнара. На следующий день Герда сказала Лили, что она должна прекратить встречаться с Хенриком.

- Как ты думаешь, это справедливо? - спросила она, - обманывать его вот так? Что он подумает?

Но Лили не совсем поняла, что Герда имеет в виду. Что подумает Хенрик о чем?.. Но Герда так и не смогла сказать Лили, что та забывает, кем является на самом деле.

- Я не хочу прекращать наши встречи, - ответила Лили.

- Тогда, пожалуйста, прекрати ваши встречи ради меня.

Лили ответила, что попытается, но даже говоря это, знала, что это невозможно. Лили стояла в передней комнате. По пустому мольберту Эйнара она понимала, что лжет Герде, но ничего не могла с этим поделать. Лили с трудом держалась.

После этого Лили и Хенрик стали встречаться тайно, в конце дня, перед тем, как Лили должна была вернуться домой к ужину. Сначала Лили было трудно видеть Хенрика в солнечном свете дня. Она боялась, что он заметит, как она некрасива. Лили повязывала на голове шарф, делая узел под подбородком. С ним она чувствовала себя комфортно, держа Хенрика за руку в знаменитом доме кино Риальто или в беззвучном читальном зале

библиотеки Королевской Академии с затемненными зелеными шторами. Однажды вечером Лили попросила Хенрика встретиться на берегу озера Орстед Паркен* в десять часов. Два лебедя скользили по воде. Хенрик опоздал, но когда он пришел, поцеловал Лили в лоб.

- Я знаю, что у нас есть всего несколько минут, - сказал он, пока его волосы щекотали ей шею.

В ту ночь Герда была на приеме в американском посольстве. Она задерживалась, и Лили хотела бы предложить Хенрику поужинать вместе в ресторане на Грабродреторв*. Они могли бы прогуляться по Лангелинье*, как и любая другая пара в эту прекрасную летнюю ночь. Ей с трудом в это верилось, но она собиралась порвать с Хенриком, привыкшим к встречам с Лили.

- Я должна тебе кое-что сказать, - начала она.

Хенрик взял ее за руку и поцеловал, а затем прижал к своей груди:

- О, Лили, не говори ничего больше, - попросил он, - я уже знаю. Не беспокойся ни о чем, но я все знаю.

Хенрик приподнял брови, и Лили отдернула руку от него. В парке было тихо, и только рабочие пересекали его по пути домой, спеша к своим обеденным столам. Чиркая спичками одну за другой, возле фонаря стоял мужчина. Мимо них прошел человек, оглянувшись через плечо.

“Что известно Хенрику?”, - спросила себя Лили, но тут же все поняла.

Брови Хенрика приподнялись выше, и по телу Лили пронеслась страшная дрожь. И вдруг между ними возникло третье лицо, словно Эйнар стоял рядом с интимным кругом близости Лили и Хенрика, наблюдая за происходящим: он, Эйнар, в платье молодой девушки, заигрывает с молодым человеком. Это было ужасное зрелище. Лили снова содрогнулась. Мужчина вошел в туалетный домик, а затем раздался громкий треск опрокинутого ведра.

- Боюсь, я не могу больше видеть тебя, - наконец-то выдавила Лили, - я встретила с тобой сегодня, чтобы попрощаться.

- О чем ты говоришь? - спросил Хенрик, - почему ты говоришь мне это?

- Я просто не могу тебя больше видеть. Не сейчас, - ответила она.

Хенрик протянул руку к Лили, но она отстранилась.

- Но это не имеет для меня никакого значения... Это то, что... Это то, что я пытался сказать... Ты думаешь, что я не буду...

- Не сейчас, - повторила Лили, уходя от него. Она пересекла газон, и трава хрустела у нее под ногами до самого выхода из парка.

- Лили! - крикнул Хенрик из-под ивы.

У Лили будет несколько часов, чтобы снять платье, искупаться и начать новую картину. Эйнар будет ждать Герду. Когда она вернется домой, он возьмет у нее шляпу и спросит: “Ты хорошо провела вечер?”.

Кто, кроме Герды, поцеловал бы его в лоб так, чтобы они оба поняли, что Герда была права?

*Ørstedsparken**- Орстед Паркен- Парк в центре Копенгагена, Дания.

*Grabrodtorv**- Центральная пешеходная площадь в Копенгагене.

*Langelinie**- прогулочная улица в парке, в центре Копенгагена.

Глава 8

Герда и Эйнар отправились в отпуск в Ментон - французский портовый город на границе с Италией, как они делали это каждое лето. После долгого лета Герда попрощалась с Копенгагеном с чувством облегчения. Когда поезд гремел на юг через Приморские Альпы, Герда чувствовала, будто оставляет что-то позади себя.

Благодаря помощи Анны, которая в мае пела в опере в Монте-Карло, в этом году Герда и Эйнар сняли квартиру через дорогу от муниципального казино в Ментоне, на проспекте Бойер. Владелец апартаментов был американец, поспешивший после войны во Францию скупать швейные фабрики Прованса. Он разбогател и теперь жил в Нью-Йорке. Свои денежные переводы он пересылал каждой домохозяйке к югу от Лиона.

В квартире был холодный мраморный пол, а спальня была окрашена в красный цвет. В гостиной стояла китайская ширма, украшенная морскими ушками. Передние окна выходили на маленькие террасы, достаточно широкие для рядов герани в горшочках и двух проволочных стульев. На этих террасах Герда и Эйнар сидели в жаркие ночи. Ноги Герды, стройные, как рельсы, обдувал редкий ветерок от лимонных и апельсиновых деревьев. Герда была утомлена. Она и Эйнар могли провести вечер, не сказав ничего кроме “спокойной ночи”.

На пятый день их отпуска погода испортилась. Промчавшись через средиземное море до каменистых пляжей, ветра Сирокко из Северной Африки ворвались в открытые двери террасы и опрокинули китайскую ширму. Герда и Эйнар дремали в красной спальне, когда услышали грохот. Они нашли ширму за спинкой дивана. Ширма скрывала стойку с домашними платьями, изготовленными владельцем на собственных заводах. Белые платья с цветочным рисунком развевались на стойке, словно ребенок дергал их за подол.

Платья были довольно простыми. Герда решила, что с их уродливыми манжетами и кнопками спереди эти платья предназначены для кормления грудью - так просто и практично. Она испытывала неприязнь к женщинам, носившим такие платья, и решила установить китайскую ширму.

- Дай мне руку, - сказала Герда.

Эйнар стоял рядом со стойкой с платьями, и их подола касались его ног. Его лицо замерло. Герда видела, как вены пульсируют на его висках. Его пальцы, которые она всегда считала пальцами музыканта, а не художника, дрожали.

- Я хотел попросить Лили посетить нас, - сказал он, - она никогда не была во Франции.

Герда давно не видела Лили. Летом бывало время, когда Эйнар объявлял, что Лили придет к обеду, и Герда, хмурая со дня своей неудачной выставки, думала: «О, Иисус! Последнее, что я хочу делать прямо сейчас, это обедать с собственным мужем, одетым в женскую одежду». Но Герда оставляла эти мысли при себе, кусая губы до крови. Она знала, что не может остановить Эйнара. Она знала, что в случившемся между Хенриком и Лили виновата она сама.

В течении нескольких дней перед отъездом в Ментон Лили начала появляться без предупреждения. Герда уходила на деловые встречи, а вернувшись, обнаруживала Лили у окна в свободном платье, кнопки которого были расстегнуты сзади. Герда помогала ей их застегнуть и одевала на шею Лили нить янтарных бус. Она не переставала поражаться, видя своего мужа в платье с вырезом, обнажавшим бледные плечи, но ни разу ничего не сказала ни Эйнару, ни Лили. Вместо этого Герда всегда приветствовала Лили дома так, словно она была забавным иностранным другом. Помогая ей с обувью, Герда делилась с ней новостями и сплетнями. Герда опрокидывала флакон духов на указательный палец, а затем опускала кончик пальца на шею Лили и внутреннюю сторону ее руки. Герда стояла рядом с Лили перед зеркалом, и шептала. Ее голос звучал мягко и интимно:

- Так... Сейчас... Вот так очень красиво.

Все это Герда проделывала с чувством искренней преданности. Она всегда верила, что могла бросить вызов кому угодно в мире, но только не своему мужу. То же самое было с Тедди. Она могла отнестись пренебрежительно к своей матери, отцу, ко всем в Пасадене и Копенгагене, но в ее груди был бездонный колодец терпимости к человеку, которого она любила. Она никогда не ставила под сомнение свою любовь, потому позволила Лили войти в их жизнь. Она сделает что угодно, лишь бы Эйнар был счастлив. Что угодно.

Но все же, эта открытая преданность не могла не раздражать Герду. После расставания Лили с Хенриком Герда сопровождала ее на улицах Копенгагена. Лили убеждала её, что никогда не увидит Хенрика вновь; что они в ссоре, но даже при этом Герда знала, что есть десятки других молодых людей, которые могли польстить Лили так, что она покраснеет и упадет в их объятия. Так Герда и Лили прогуливались через парк, держа друг друга под руку. Глаза Герды следили за потенциальными женихами, зная, что Лили с ее влажными карими глазами могла привлечь внимание молодых датских мужчин. Герда фотографировала Лили у ворот Русенборг. Тонкий кирпичный замок за спиной Лили получился размытым и неопределенно угрожающим. Однажды Лили пошла с Гердой в театр марионеток и села рядом с детьми. Ее лицо было неуверенным, а ноги казались такими же маленькими, как у детей.

- Герда? - снова позвал Эйнар. Он прислонился к стойке с платьями. Китайская ширма по-прежнему находилась за диваном, - ты не будешь возражать, если Лили посетит нас тут?

Герда вернула ширму в вертикальное положение. Так как они были во Франции, Герда не писала картин. Она не встретила никого достаточно интересного, чтобы попросить его позировать для портрета. Погода была плохой и влажной, и это создавало еще одну проблему, потому что краска долго сохла в сырую погоду.

В течении лета Герда начала менять свой стиль, используя более яркие цвета; особенно розовый, желтый и золотой. Она также приукрасила достоинство линий, и ее картины стали еще больше. Для Герды это был новый способ живописи, и ей требовалось больше времени, чтобы начать новый холст. Она едва ли чувствовала себя уверенно в этих картинах после незначительных пастельных тонов радости, которые требовали ее прежние картины. Герду рвало на части внутреннее чувство восторга: ничто не делало ее счастливее, чем написание портретов Лили.

Герда собиралась начать полномасштабный портрет Лили на террасе. Ветер развеивал ее волосы и подол домашнего платья. Маленькие коричневые розы оттеняли лицо Лили - такое же, как у ее мужа в этот самый момент. От беспокойства его кожа была настолько красной, что казалось вот-вот лопнет.

Герда и Лили пришли в Л'Орхидэ в парке Бонапарта. «Ресторан известен своими кальмарами», - так написал Ханс, предложив встретиться вечером. Магазины на улице были уже закрыты на ночь. Мешки вчерашнего мусора лежали на обочине, а булыжники свободно болтались на дороге, разбитой легковыми автомобилями. Письмо Ханса лежало в кармане Герды, и она терла его угол об обручальное кольцо, когда они с Лили шли в сторону гавани по улице Сан-Мишель.

Одной из самых приятных датских традиций для Герды стало то, что здесь обручальное кольцо носили на правой руке. Когда она вернулась в Данию вдовой, то поклялась, что никогда не снимет золотое кольцо, которое ей подарил Тедди. Но, когда Эйнар сделал ей предложение и подарил свое золотое кольцо, она не знала, как сумеет снять кольцо Тедди. Она думала о нем, вспоминая, как неумело Тедди искал в карманах маленькую коробочку из черного бархата. Герда была рада, что ей не придется снимать кольцо Тедди, и теперь носила оба кольца. Она играла ими, рассеянно крутя их на пальцах.

Герда никогда не рассказывала Эйнару о Тедди Кроссе.

Она вернулась в Данию в День Примирения. К тому времени ее фамилия снова была Вэуд, и она была вдовой уже шесть месяцев.

“Он умер без причины”, - говорила она, когда друзья спрашивали ее про первого мужа. “Когда тебе двадцать четыре, и ты живешь в чистой сухой жаре Калифорнии, то в конце-концов умрешь”, - думала Герда, - «и причина только одна - жестокость мира”. На самом деле, это была бессмыслица. Тедди не имел ни «западного строения», ни другой несправедливой судьбы. Иногда, закрывая глаза, Герда думала: может, им не суждено было быть вместе? Может быть, его любовь к ней никогда не была так велика, как ее любовь к нему.

Герда и Лили почти дошли до ресторана. Остановившись, Герда сказала:

- Не сердись, но у меня есть небольшой сюрприз для тебя, - она убрала челку с глаз Лили, - я сожалею, что не сказала тебе раньше, но я подумала, что тебе будет проще узнать об этом непосредственно тут.

- Узнать о чем?

- О том, что мы ужинаем с Хансом.

Лицо Лили побелело. Она сразу поняла, о ком идет речь. Лили прижалась лбом к витрине закрытой мясной лавки, за которой висели шкуры поросят, похожие на розовые вымпелы. Тем не менее, Лили спросила:

- С кем? С Хансом?

- Пошли, не паникуй. Ханс хочет тебя видеть.

Парижский критик с бородавкой возле глаза быстро ответил на письмо Герды. Он выслал адрес Ханса, а так же поинтересовался работами Герды. Внимание со стороны критика заставило Герду задуматься. “Париж заинтересовался моим искусством!” - твердила она себе, открывая коробку с канцелярскими принадлежностями и наполняя перо чернилами.

«Во-первых, - начала она свой ответ критику, - есть ли для меня жизнь в Париже? - поинтересовалась она. «Должна сказать, что мой муж и я думаем оставить Данию, в которой никто меня не знает. Будет ли наша жизнь удачнее в Париже?»

Герда написала и Хансу:

“Мне кажется, мой муж никогда не забывал о вас, - начала она. «Когда он задумывается перед мольбертом, я знаю, что он вспоминает, как вы висели на дубе над болотом. Его лицо смягчается, и это выглядит так, словно он вновь тринадцатилетний мальчик с блестящими глазами и гладким подбородком”.

В настоящее время у тридцатипятилетнего Ханса Аксгила были запястья, покрытые светлыми волосами, и тонкий нос. Он стал большим и крепким мужчиной. Его широкая шея поднималась из груди, и это заставило Герду вспомнить старый пенёк на заднем дворе ее калифорнийского сада. Эйнар описывал Ханса как маленького коротышку с болота. Ханса прозвали «грецким орехом», потому что летом его кожа становилась бледно-коричневой, словно загрязнялась от вечной грязи Блютус. Бесконечная грязь, бассейн которой служил для его матери постелью во время его рождения, когда экипаж перевернулся в ливень. Вокруг не было ничего, кроме сидящих на вереске горничных, спичек и холщового пальто кучера, предложенного в качестве покрывала для ребенка.

Теперь, конечно, Ханс был человеком с большим германским будущим. Он пожимал руки людей обеими руками. Когда он рассказывал историю, собеседники сцепляли руки за его затылком. Ханс не пил ничего, кроме шампанского и газированной воды. Он ел только рыбу. Однажды он съел отбивную из оленины, после чего потерял аппетит на месяц. Он был арт-дилером, присматривая голландских мастеров для богатых американцев, которые покупали их картины для пополнения коллекций.

- Это бизнес, - говорил Ханс с улыбкой, открывавшей резцы, словно сверла, - и зачастую это аморально. Не всегда, но достаточно часто, - говорил он.

Любимым видом спорта Ханса был теннис.

- Лучший корт во Франции из красной глины; белые теннисные мячи с липкими швами, и сидящий в кресле арбитр.

Ресторан находился через дорогу от гавани. На тротуаре стояло восемь столов под полосатыми зонтиками, установленными на жестяном якоре и камнях. Парусники прибывали в гавань; отдыхающие британцы стояли на причале, держась за руки; их спины и колени загорали. На столах в ресторане стояли вазы с ноготками и лежали листы белой бумаги, прикрывающие скатерть.

Когда они подходили к столу, за которым сидел Ханс, Герда забеспокоилась о своем платье. До сих пор она беспокоилась только о том, что Ханс может узнать Эйнара в Лили. Что бы сделала Герда, если бы Ханс наклонился к ней через стол и спросил: «Это маленькое существо - мой старый друг Эйнар?»

Это казалось невообразимым, но даже если так, что Герда ответила бы на такой вопрос? Что бы сделала Лили?

Герда посмотрела на счастливую и загорелую от лежания на купальном плоту Лили. Сейчас на ней было одно из домашних платьев. Герда покачала головой. Нет, сейчас здесь находилась только Лили. Даже Герда видела рядом с собой только Лили. «К тому же, - подумала Герда, - «когда официант выдвинул стулья из-за стола, Ханс подошел и поцеловал сначала меня, а затем Лили».

Ханс больше не напоминал мальчика из юности, которого описывал Эйнар.

- Теперь расскажите мне об Эйнаре, - попросил Ханс, когда кальмары были поданы.

- Боюсь, он один в Копенгагене, - ответила Герда, - слишком занят, даже в отпуске.

Лили кивнула, промокнув рот салфеткой. Ханс откинулся на спинку стула, прокалывая вилкой кальмара:

- Похоже на Эйнара, - сказал он.

Ханс рассказал, как Эйнар просил его принести коробку пастели, чтобы нарисовать картинки на болотных валунах. Ночью рисунки смывались дождем, и на следующий день Ханс приносил коробку снова, чтобы Эйнар нарисовал новый эскиз.

- Иногда он рисовал вас, - заметила Лили.

- О, да. В течении нескольких часов я неподвижно сидел на краю дороги, чтобы он мог сделать эскиз моего лица на камне.

Герда заметила, как во время беседы Лили выгнула плечи назад, выставив вперед грудь. Герда забыла (или почти забыла), что у Лили не было груди. Вместо неё была пара авокадо, завернутых в шелковые носовые платки и заправленные в летний лифчик, который Герда купила утром. Герда также заметила, как Лили с темными глазами Эйнара, живыми под тушью на кончиках ресниц, говорила с Хансом о Ютландии. Заметила, как Лили кусала губы, отвечая на вопросы Ханса, и как задираала вверх подбородок.

- Я знаю, Эйнар хотел бы увидеть вас когда-нибудь, - сказала Лили, - на следующий день после того, как вы уехали из Блотус, Эйнар признался мне, что это был худший день в его жизни. Он говорил, что вы были единственным человеком, который видел в нем художника, даже когда он только собирался им стать, - в свете лампы рука Лили,

протянутая к плечу Ханса, выглядела слишком тонкой и прекрасной, чтобы принадлежать мужчине.

Вечером после встречи с Хансом Лили и Герда поднимались на железном лифте в свою квартиру. Герда была утомлена и хотела, чтобы Эйнар снял свою одежду и стер помаду.

- Ханс не понял, не так ли? - сказала она, сложив руки на груди, которая была больше, чем у Лили. В потолке лифта было две дырочки, через которые свет падал на линии на лбу и вокруг губ Эйнара, на которых оранжевая помада собралась в сгустки. Внезапно над янтарными бусами на шее Эйнара появился маленький плавник.

Герда уснула прежде, чем пришел Эйнар. Проснувшись, Герда обнаружила Лили, лежавшую в ее ночной рубашке под тонким одеялом. Волосы Лили были спутаны, а лицо было чистым в слабом свете. Лили лежала на спине, легкое одеяло укрывало ее грушевидную грудь и бугор между ног. Никогда раньше Лили не спала с Гердой. Они вместе завтракали в шелковых красочных кимоно с узорами, вместе покупали чулки, за которые всегда платила Герда, будто мать или эксцентричная бездетная тетка. Но Эйнар никогда не ложился в постель в образе Лили. Сердце Герды сжималось в груди. Она чувствовала себя словно косточка внутри фрукта. Было ли это тоже частью игры? Могла ли Герда поцеловать Лили так, как своего мужа?

Они не часто были близки. Как правило, Герда винила в этом себя. Она поздно ложилась спать, занимаясь живописью или чтением. Когда Эйнар уже спал, Герда вытягивала из-под него простыню и ложилась рядом. Иногда она толкала его, надеясь разбудить, но Эйнар крепко спал, и вскоре она тоже засыпала.

Иногда Герда просыпалась среди ночи и клала свою голову ему на грудь. Их глаза встречались в тишине утра, и часто Герда долго прикасалась к нему. Но когда она начинала гладить его грудь, а затем бедра, Эйнар протирал глаза и выскакивал из кровати.

- Что-то не так? - спрашивала Герда, по-прежнему завернутая в одеяло.

- Ничего, - отвечал он ей сквозь шум воды в ванной, - ничего.

Иногда они занимались любовью. Как правило, это было спровоцировано Гердой, но в конечном итоге всегда оставалось чувство, будто это было неуместно. Словно Герда больше не хотела прикасаться к нему; словно Эйнар был уже не ее муж.

Теперь в ее постели появилась Лили. Ее тело, которое напоминало Герде длинную катушку, лежало на половине Эйнара. Веснушки на ее спине и единственное родимое пятно в форме Зеландии, - черное, как пиявка, - смотрели на Герду. Бедрa Лили под летним одеялом возвышались, как спинка дивана на съемной квартире. Откуда же у нее эти изогнутые бедра?словно изогнутый мост, вившийся вверх от итальянской границы до Ниццы. Бедрa, изогнутые, как вазы Тедди с тонкими шейками, выходившие из гончарного круга под его ногами. Казалось, что это бедра женщины, а не мужчины. Герда чувствовала себя так, словно не знала, кто находится в ее постели. Сидя на узкой террасе апартаментов, Герда думала об этих бедрах до рассвета, а дождь охлаждал комнату так, что Лили пришлось натянуть одеяло на подбородок. Часть её бедра исчезла под туго натянутым одеялом. Герда снова легла спать, а когда проснулась, увидела Лили с двумя чашками кофе. Лили улыбнулась, а затем попыталась скользнуть под одеяло, но кофейные чашки помешали ей. Герда наблюдала, как кофе разливается по всей кровати, и Лили заплакала.

Позже, во второй половине дня, когда превратившийся в Лили Эйнар находился за дверью спальни, Герда сняла постельное белье. Она взяла мокрое одеяло молочного цвета со смешанным запахом Эйнара, Лили и кофе, и вынесла его на террасу перед железной дорогой. Одеяло выглядело словно привидение на углу. Что-то в Герде хотело его сжечь.

Вскоре одеяло занялось огнем. Герда наблюдала, как пламя обрамляет его, смешивая мысли о Тедди и Эйнаре. Обрывки одеяла и черный дым поднимались с террасы, аккуратно взлетая и погружаясь в летний бриз, и наконец осели на парафиновых листьях лимонных и апельсиновых деревьев в парке. Женщина с улицы окликнула Герду, но та проигнорировала ее, закрыв глаза.

Герда никогда не рассказывала Эйнару о пожаре в гончарной студии Тедди на Колорадо-стрит. В ее главном помещении был неглубокий камин, украшенный плитками с апельсинами в любимом стиле Тедди. Однажды, в январе, в порыве уборки, Герда воткнула рождественские гирлянды в очаг, где уже тлел низкий огонь. Белый густой дым начал подниматься из хрупкой зелени, а потом появилось потрескивание. Все выстрелило с такой силой, что Герда присела. Тедди вышел из своей мастерской. Он остановился в двухстворчатом дверном проеме, и на его лице Герда могла прочесть вопрос: «Что ты наделала?»

Затем они вместе наблюдали, как пламя поднимается по гирлянде, а после, почти сразу же, комнату заполнил огонь. Тедди вытащил Герду на Колорадо-стрит. Они находились на улице не больше нескольких секунд, когда языки пламени пробили сдвоенные зеркальные окна. Герда и Тедди

выскочили на улицу в плотное движение. Водители замедляли ход, лошади пугались яростно горящего здания, автомобили мчались прочь. Все, что Герда хотела сказать в тот момент, прозвучало бы глупо. "Извинения будут пустыми", - повторяла она себе снова и снова, пока пламя поднималось выше уличных фонарей и телефонных линий, которые обычно проседали под тяжестью голубых соек. Так и было, и Герда не смогла сказать ничего, кроме:

- Что я наделала?

- Я всегда могу начать все сначала, - ответил Тедди.

После пожара внутри дома все покрылось трещинами. Сотни ваз, плитки, две печи для обжига, картотека Тедди, заполненная заказами, самодельный гончарный круг, - все было разбито на черные кусочки. На губах Герды застыло пустое извинение. Она чувствовала, что ее язык прилип к небу, словно к кусочку льда, который не таял. В течении нескольких минут Герда не могла ничего сказать, а тем временем крыша здания рухнула так же легко, как горящее развевающееся одеяло.

- Я не хотела...

Герда хотела бы знать, что Тедди поверил ей. Появился репортер из американского еженедельника. Его карандаш был занесен над блокнотом, и Герда спрашивала себя, поверит ли кто-нибудь в Пасадене ее словам?

- Я знаю, - отвечал Тедди снова и снова. Он взял Герду за руку, чем остановил ее от дальнейших извинений. Они наблюдали, как пламя толкнуло вниз переднюю стену. Они смотрели, как пожарные разматывали свои плоские шланги. Герда и Тедди молча наблюдали, пока влажный ком не встал у Тедди в горле и не вырвался из его уст зловещим кашлем.

Глава 9

Когда Эйнар спросил ее встрече с Хансом, Герда рассказала ему вещи, которые он не смог вспомнить.

- Ты имеешь в виду, что забыл? - спросила Герда на следующее утро, - забыл, что попросил Ханса снова встретиться с тобой?

Эйнар мог вспомнить лишь часть предыдущей ночи. Когда Герда напомнила ему, как Лили встала на цыпочки, чтобы поцеловать Ханса, Эйнару стало настолько неловко, что он выставил проволочный стул на террасу и сидел там почти час, глядя на лимонные деревья в парке. Это было нереально. Казалось, словно Эйнар и вовсе не присутствовал на встрече с Хансом.

- Он был рад встретиться с Лили, и очень тепло говорил об Эйнаре. Он хотел встретиться с тобой снова, ты помнишь? - спросила Герда. Она плохо спала, и ее глаза потерялись в глазницах.

- Ты сказал ему, что он может снова увидеть Лили сегодня.

- Это был не я, - ответил Эйнар, - это была Лили.

- Да, - сказала Герда, - это была Лили. Я постоянно забываю.

- Если ты хочешь, чтобы она пришла снова, почему ты об этом не сказала?

- Конечно, я хотела, чтобы Лили пришла. Просто ... - Герда сделала паузу, - просто я не уверена, что ты хотел, чтобы я о ней говорила.

Она повернулась к спинке дивана и начала перебирать пальцами морские ушки на китайской ширме.

- Ты же этого не хотела, - сказал Эйнар, - разве нет?

Эйнар задавался вопросом, почему Герда не могла позволить Лили приходить и уходить, ни о чем не беспокоясь. Если визиты Лили её не огорчали, то почему Герда так волновалась? Герда спокойно встречала Лили, только когда приходило время писать ее портрет. Если бы только Герда не приставала со своими вопросами, не говоря уже о взгляде, когда Лили выскальзывала из квартиры... Возвращаясь, Лили всегда знала, что Герда ожидает её у двери. Этого было достаточно, чтобы заполнить Лили маленькой яростью, которая превращалась в оружие. И тем не менее, Эйнар знал, что он и Лили одинаково нужны Герде.

Ханс ожидал Лили в четыре часа. Они договорились встретиться в передней части муниципального коттеджа, расположенного на набережной по Дю Миди позади каменистого пляжа. Утром Герда была

занята картиной. Эйнар пытался рисовать в фойе, из которого открывался вид на каменную темно-красную церковь Сан-Мишель в утренней тени. Каждые пятнадцать минут Герда бормотала “проклятье”, словно раздавался мягкий гонг каминных часов.

Когда Эйнар заглянул к ней, Герда прислонилась к табурету. Она нанесла несколько оттенков синего по краям холста. На коленях у нее лежал блокнот с зачеркнутыми и нечеткими эскизами. Эдвард IV свернулся у ее ног. Герда подняла голову. Её лицо было почти таким же белым, как шубка Эдварда.

- Я хочу нарисовать Лили.

- Она не появится здесь, - сказал Эйнар, - до встречи с Хансом у нее нет свободного времени. Может быть, после?

- Пожалуйста, приведи ее, - Герда не смотрела на него, а голос ее был тише, чем обычно.

На мгновение Эйнар почувствовал, как его жена бросает ему вызов. Но у него была собственная картина, которую нужно было закончить.

Эйнар сказал себе, что мог бы позвать Лили во второй половине дня. Ему нужно было завершить утреннюю картину, которую он игнорировал так долго, и нужно было купить продукты на открытом рынке. Но Герда впервые хотела, чтобы он пригласил Лили *для нее*. Она хотела, чтобы он пожертвовал собственной картиной ради нее. Эйнар этого не хотел. Он чувствовал, что Герда заставляет его выбирать.

- Может быть, ты сможешь провести с ней час прежде, чем она встретится с Хансом?

- Эйнар, - сказал Герда, - пожалуйста.

Некоторые из домашних платьев теперь висели в шкафу в спальне. Герда уже говорила, что они некрасивые, и их стиль подходит только нянькам. Но Эйнар нашел в их простоте то, что каждая, даже самая обыкновенная женщина во всем мире смогла бы носить их. Он пролистал вешалки на свинцовой трубе, перебирая маленькие накрахмаленные воротнички. Платье с пионами было немного прозрачное, платье с лягушками было велико в груди и испачкано. Утро было теплым. Эйнар вытер губы рукавом. Что-то заставляло его чувствовать себя так, словно его душа поймана в ловушку кованой клетки. Его сердце билось о ребра, будто Лили встряхивала его изнутри, заставляя себя бодрствовать и потирая бока о прутья тела Эйнара.

Он выбрал платье. Оно было белым, с розовыми ракушками, а его подол спускался до лодыжек. Белый и розовый цвета контрастно отличались на фоне его загоревших под французским солнцем ног.

Ключ торчал из замочной скважины. Эйнар хотел закрыть дверь, но знал, что Герда никогда не войдет без стука. Однажды, в самом начале их семейной жизни, Герда наблюдала за Эйнаром, когда он находился в ванной, напевая песню Ханса: «...*Когда-то на болоте жил старик, его маленький сын и ленивая маленькая собака...*». Этому никто не должен был видеть, но Эйнар знал, что его молодая жена видела купающегося мужа, радостно напевавшего себе под нос. Из ванной Эйнар мог видеть возбуждение, заполняющее лицо Герды.

- Не останавливайся, - попросила она, подходя ближе, но Эйнар едва мог найти в себе силы дышать. Он чувствовал, как стыд разливается по телу, а его костлявые руки скрестились на теле вместо фигового листа. Герда поняла, что сделала что-то не так, и выходя из ванной, сказала:

- Мне очень жаль, я должна была постучать.

Эйнар снял одежду и повернулся спиной к зеркалу. В ящике тумбочки лежал рулон медицинской ленты и ножницы. Лента была с липкой текстурой, похожей на полотно. Эйнар отмерил кусок ленты, разделив его на пять частей. Каждый кусок Эйнар приклеил к краю спинки кровати. Затем он закрыл глаза, чувствуя, как скользит вниз по туннелю собственной души. Эйнар заправил свой пенис назад, между ног.

Нижнее белье было сделано из эластичной ткани. Эйнар был уверен, что такое белье придумали американцы. “Нет смысла тратить много денег на шелк, если ты наденешь его один-два раза” - сказала Герда, протягивая ему пакет с бельем. Эйнар был слишком застенчив, чтобы не согласиться. Трусики были квадратными и серебристыми, как ушки, которыми была украшена китайская ширма. Пояс с подвязками, окаймленный тонким кружевом, был сделан из хлопка. На нем было восемь маленьких крючков из латуни для поддержания чулок, и Эйнар нашел этот механизм волнующе сложным. Когда в шелковых носовых платках начали гнить авокадо, Эйнар стал класть в чашки бюстгальтера две морские губки.

Натянув платье через голову, Эйнар представлял косметичку своей палитрой. Мазки на лоб, легкие мазки на веки. Линии на губах, смешанные полосы на щеке. Это было похоже на написание картины, будто кисть Эйнара превращала чистый холст в зимний пейзаж Каттегат.

Одежда и румяна были неотъемлемой частью, но на самом деле преобразование заключалось в том, что внутренний туннель со звуком, похожим на обеденный колокольчик, пробуждал Лили. Лили всегда любила звук хрустального звона. Ее влажная рука, будто рука кукловода, заполняла Эйнара, убеждая ее, что с этого момента яркий гремящий мир принадлежит ей.

Эйнар сел на кровать и закрыл глаза. На улице было шумно. Отворенные на террасе двери дребезжали от ветра. Под закрытыми

веками он видел цветные огни, вспыхивающие вперемешку с черным, будто фейерверк. Так выстреливала предыдущая суббота в ментонской гавани. Он слышал, как медленно бьется его сердце; чувствовал клейкую ленту, приклеенную к его пенису. Трепетный вздох поднялся к горлу Эйнара. Он судорожно вздохнул, и гусиная кожа пупырышками покрыла его руки, побежав вниз по позвоночнику. Содрогаясь, Эйнар превратился в Лили. Теперь Эйнар был в отъезде. Лили останется с Гердой до утра. Она будет гулять с Хансом по набережной, а Эйнар будет лишь темой для разговора:

- Он немного скучает по Блютус, - скажет Лили всему миру.

Было только два часа. Орех раскололся пополам, словно выброшенные на берег раскрытые устрицы.

Лили вернулась в гостиную.

- Спасибо, что пришла так быстро, - сказала Герда. Она говорила с Лили тихо, словно та могла расколоться от резкого звука ее голоса.

- Садись вот тут, - попросила Герда, поправляя подушки на диване, - положи одну руку на спинку дивана и поверни голову к ширме.

Герда рисовала весь остаток утра и большую часть дня. Лили сидела на краю дивана, изучая сцену, нарисованную на ширме с морскими ушками: рыбацкая деревня и поэт в легкой постройке из ивы. Лили проголодалась, но заставила себя игнорировать голод, пока Герда не остановится. Она делала это для Герды, это был ее подарок - единственная вещь, которую Лили могла ей дать. Она должна, даже если придется ждать, пока Герда скажет ей, что делать.

Позже, в тот же день, Ханс и Лили отправились на прогулку по улицам Ментона. Они остановились около витрины, за которой продавались лимонное мыло, фигурки, вырезанные из оливкового дерева и пакеты засахаренного инжира. Ханс и Лили говорили о Ютландии, о боровах, топтавших эту землю на протяжении четырехсот лет; о людях, дети которых поженились, смешивая кровь, сгущая грязь.

Отец Ханса умер, и теперь Ханс носил титул барона Аксгил, хотя и ненавидел этот титул.

- Вот почему я покинул Данию, - сказал он, - Мертвая аристократия. Если бы у меня была сестра, моя мама хотела бы, чтобы я женился на ней.

- Ты женат?

- Нет.

- Но разве ты не хочешь жениться?

- Я хотел лишь однажды. Была девушка, на которой я хотел жениться.

- Что с ней случилось?

- Она умерла. Утонула в реке, - ответил Ханс, и затем добавил, - Прямо на моих глазах.

Ханс заплатил старухе за мандариновое мыло для рук.

- Но это было довольно давно, я был практически мальчишкой.

Лили не могла ни о чем ни думать, ни говорить. На улице, рядом с возмужавшим Хансом была только Лили в простом домашнем платье.

- Почему ты не замужем? - спросил Ханс, - Я думаю, что такая девушка, как ты, должна быть замужем и заниматься рыбным промыслом.

- Я бы не хотела заниматься рыбным промыслом, - Лили посмотрела на небо. Оно было пустым и безоблачным, и не таким синим, как в Дании. Над Лили и Хансом светило солнце.

- Пройдет некоторое время, прежде чем я буду готова выйти замуж. Но я хочу, когда-нибудь...

Ханс остановился перед открытым магазином, чтобы купить Лили бутылочку апельсинового масла.

- Но ты не знаешь наверняка, - сказал он, - сколько тебе лет?

Сколько лет было Лили? Она была моложе тридцатипятилетнего Эйнара. Между Эйнаром и Лили стояли годы, придавшие лбу морщинки, а плечам - сутулость. Годы, наградившие Эйнара смирением. Осанка Лили была первой, на что можно было обратить внимание. Вторым было ее мягкое звонкое любопытство. Так говорит Герда, - это был запах Лили, запах девушки, которую еще не испортили.

- На самом деле, я не могу сказать.

- Тебе не кажется, что ты относишься к тому типу девушек, которые слишком скромны, чтобы признать свой возраст? - спросил Ханс.

- Я не думаю, - ответила Лили, - Мне двадцать четыре.

Ханс кивнул. Это был первый факт о Лили. По его словам, Лили предполагала, что должна была испытывать чувство вины за ложь, но вместо этого она чувствовала себя намного свободнее, словно наконец-то признала неудобную правду. Лили было двадцать четыре года, - конечно, она не была такой взрослой, как Эйнар. Если бы она сказала это, Ханс бы заподозрил ее странный обман.

Ханс заплатил продавцу. Бутылка с апельсиновым маслом была квадратной и коричневой. Пробка была не больше, чем кончик мизинца Лили. Лили попыталась открыть ее, но не смогла, боясь нечаянно её потерять.

- Поможешь мне? - попросила Лили.

- Ты не такая беспомощная, как все, - сказал Ханс, - попробуй еще раз. Лили снова попробовала открыть бутылку. На этот раз маленькая пробка поддалась, и запах апельсина поднялся к ноздрям Лили. Запах заставил ее вспомнить о Герде.

- Почему я тебя не помню, когда мы были маленькими? - спросил Ханс.

- Ты уехал из Блютус, когда я была очень маленькой.

- Возможно, но Эйнар никогда не говорил, что у него есть такая красивая маленькая кузина.

Вернувшись домой, Лили нашла Герду сидящей в гостиной.

- Слава богу, ты вернулась, - сказала она, - я хочу поработать подольше сегодня вечером.

Герда подвела Лили, которая все еще держала пакеты с мылом и апельсиновым маслом, к спинке дивана. Она устроила Лили напротив мольберта, взяла голову Лили в свои ладони и повернула ее в сторону китайской ширмы.

- Я устала, - сказала Лили.

- Тогда поспи, - сказала Герда. Ее халат был испачкан розовыми и серебряными масляными красками.

- Просто положи голову на руки. Я постараюсь написать картину быстрее.

На следующий день Ханс встретил Лили у ворот коттеджа. Они снова гуляли по узким улицам, окружавшим горы Сен-Мишель, а затем направились вниз к гавани, чтобы понаблюдать за двумя рыбаками, перебиравшими сети с морскими ежами. В конце августа в Ментоне было еще жарко, а воздух был влажным. "Тут намного теплее, чем в самый жаркий летний день в Копенгагене", подумала Лили. Лили не знала такой жары раньше, - в конце-концов, это был ее первый выезд из Дании, - и этот жар утомлял ее. Стоя рядом с Хансом и наблюдая за мокрой сеткой, набитой морскими ежами, Лили чувствовала, как домашнее платье прилипает к её телу. Тело Ханса было так близко к ее собственному, что она подумала, что, возможно, почувствовала его руку на своей руке, горевшей на солнце. Была ли это рука Ханса? Возможно, просто горячий ветер.

Двое цыганских детей подошли к Лили и Хансу, пытаясь продать им маленьких резных слонов.

- Они из слоновой кости, - сказали они, указывая на бивень слона, - это для вас.

Дети были маленькими, с темными кругами вокруг глаз. Они смотрели на Лили так, что заставляли ее чувствовать себя небезопасно.

- Пойдем, - сказала она Хансу. Он положил свою руку на ее теплую влажную спину, уводя прочь.

- Я думаю, мне нужно прилечь, - сказала Лили.

Но когда Лили вернулась домой, Герда ждала ее, и Лили позировала перед мольбертом, сидя на диване.

- Сядь, - сказала Герда, - я еще не закончила.

На следующий день Ханс и Лили поехали вверх по мосту в Вильфранш на Тарга Флорио Ханса, и спицевые колеса перебирали каменистую дорогу к морю.

- В следующий раз не оставляйте Эйнара в Дании, - громко говорил Ханс, и его голос звучал совсем как в детстве, - старый добрый Эйнар должен отдыхать!

Теплый ветер бил в лицо Лили, а ближе к вечеру она снова почувствовала боль в желудке. Хансу пришлось снять номер в отеле De L'Univers для Лили, чтобы она отдохнула.

- Я буду внизу, выпью чашечку кофе и анисовую настойку, - сказал он, наклонив свою шляпу.

Позже Лили нашла Ханса в вестибюле ресторана "Де ля Регенс". Из-за своего состояния она с трудом шла.

- Иногда я не знаю, что со мной происходит, - сказала она.

На другой день поездки Ханс и Лили отправились в Ниццу, чтобы сделать художественные покупки для картин в антикварных магазинах.

- Почему Герда никогда не ездит с нами? - спросил Ханс.

- Я думаю, она слишком занята живописью, - ответил Лили.

- Она работает больше всех, кого я знаю. Даже больше Эйнара. Однажды она станет известной, ты увидишь!

Говоря это, Лили чувствовала на себе взгляд Ханса. Она подумала, что замечательно, что такой человек, как Ханс, обратил внимание на ее мнение.

В одном из магазинов их обслуживали женщины с мягким белым пушком на подбородке. Лили нашла овальный погребальный портрет молодого человека. Его щеки были странного цвета, а глаза закрыты. Лили купила его за пятнадцать франков, и Ханс быстро перекупил портрет за тридцать.

- Ты хорошо себя чувствуешь? - спросил он.

Каждый день перед прогулками с Хансом Лили позировала Герде на диване. Она держала книгу о французских птицах, Эдвард IV лежал у нее на коленях, а ее руки нервно подергивались. Кроме шума с улицы в квартире было тихо, а каминные часы тикали так медленно, что в течении дня Лили вставала, чтобы проверить, правильно ли они идут.

Лили смотрела наклоняясь вниз с террасы, ожидая увидеть Ханса у ворот. Он кричал ей с улицы: «Лили! Спускайся!», и она бежала по

лестничным пролетам, будучи слишком нетерпеливой, чтобы дожидаться кабины лифта.

Но прежде, чем прибыл Ханс, Герда хлопнула в ладоши и сказала:
- Вот оно! Держи голову так же, как сейчас! «Лили ждет Ханса»!

Однажды Лили и Ханс сидели в открытом кафе у подножия Сент-Мишель. Пять или шесть цыганских детей в грязной одежде подошли к столу, продавая снимки пляжа, тонированные цветными карандашами. Ханс купил несколько для Лили. Воздух был густым, горячее солнце пекло шею Лили. Пиво в ее стакане было темным. После недельных встреч с Хансом Лили начала наполняться ожиданием, и теперь ей стало интересно, что Ханс думает о ней. Он решил прогуляться по набережной с Лили, и она взяла его под локоть. Ханс с его темными посмеиваниями, его развевающейся льняной рубашкой, его коричневой кожей, загоревшей в августовском солнце, с его давно потерянным прозвищем «Грецкий Орех», - он знал Лили, но не Эйнара. Ханс не видел его с тех пор, как они были мальчишками. Но Лили чувствовала острые кончики пальцев Ханса на своей коже вместо Эйнара.

- Я очень рада, что встретила тебя, - сказала она.

- И я тоже.

- И что мы смогли еще раз узнать друг друга таким образом.

Ханс кивнул. Он смотрел через набор открыток, держа их в руках, словно карты в казино.

- Да, ты потрясающая девушка, Лили. В один прекрасный день ты обязательно сделаешь кого-нибудь счастливым.

Должно быть, Ханс понял, что чувствовала Лили, поэтому отложил свою сигару и фотографии, и сказал:

- О, Лили! Ты думаешь, что может, мы с тобой... Мне очень жаль. Я слишком стар для тебя. Я стал брюзгой, и не подхожу для такой, как ты.

Ханс рассказал о девушке, которую он любил и потерял. Когда Ингрид забеременела, его мать попросила его никогда не возвращаться в Блютус. Они поселились в Париже, через дорогу от Пантеона, в квартире, оклеенной обоями. Ингрид с длинными веснушчатými руками была тощая для своего растущего живота. Они пошли поплавать в августовский день.

- А он отличался от сегодняшнего дня, - добавил Ханс, кивнув в сторону неба.

На реке со слоем белых скал и пожелтевшей листвой Ингрид попробовала воду рукой. Ханс наблюдал за ней с берега и жевал кусок

ветчины. А потом Ингрид подвернула лодыжку и упала. Она закричала, и поток воды потянул ее вниз.

- Я не смог добраться до нее вовремя, - сказал Ханс. Но, не считая этой трагедии, его жизнь сложилась хорошо.

- Поэтому я и покинул Данию, - сказал он, - Жизнь там слишком аккуратная и организованная, слишком уютная для меня.

Герда иногда говорила, что когда друзья приглашали ее на вечеринки, она не могла рисовать.

“Слишком уютно, чтобы работать” - говорила она, встряхивая свои серебряные браслеты, “Слишком уютно, чтобы быть свободным”.

- Теперь я сам по себе. Пока я не уверен, что смогу жениться. Я слишком долго был один.

- Не думаешь ли ты, что брак - это единственная вещь, на которую мы все должны надеяться больше всего в жизни? Разве брак не формирует человека лучше, чем одиночество?

- Не всегда.

- Я думаю, что формирует. Брак - это создание третьего лица, - сказала Лили, - в браке создается кого-то еще. Больше, чем просто двое... Кто-то из вас двоих.

- Да, но это не всегда к лучшему, - ответил Ханс, - В любом случае, откуда ты можешь знать об этом?

Лили что-то ответила, проверяя наличие кошелька. Ее рука почувствовала холодное железо спинки стула.

- Он пропал, - сказала она так тихо, что Ханс приподнялся и спросил:

- Что?

- Мой кошелек исчез, - повторила она.

- Цыгане! - воскликнул Ханс, вскакивая на ноги.

Кафе находилось на площади с шестью переулками. Ханс пробежал несколько футов вниз по одному из переулков, а затем забежал в соседний. От бега его лицо покраснело.

- Давай пойдем в полицию, - сказал он наконец, оставляя франки на столе и предупредив об этом женщину, чья сумка болталась на спинке стула. Ханс взял руку Лили. Должно быть, он заметил бледность ее щек, и нежно поцеловал ее.

Все, что было в кошельке, - немного денег и губная помада, но кошелек принадлежал Герде. Кремового цвета, с петелькой для руки. Помимо помады и нескольких платьев, двух пар обуви, лифчика и нижнего белья у Лили больше ничего не было. Она была свободна от вещей, и для Лили это было счастье привлекательности в первые дни. Она

шла, и не было ничего лишнего, что могло бы ее отягощать. Лишь ветер колыхал подол ее платья.

Полицейский участок находился в центре парка, среди апельсиновых деревьев. Вечернее солнце отражалось в витринах, и Лили могла слышать, как владельцы магазинов закрывают железные ставни. Лили вспомнила, что ее очки тоже остались в кошельке - смешная пара с откидными линзами, присланные отцом Герды из Калифорнии. Герда была бы недовольна их потерей, решив, что Лили не замечает никого и ничего вокруг себя.

Лили и Ханс подошли к полицейскому участку, возле которого семья белых кошек каталась на спине. И только тогда Лили поняла, что не может сообщить об украденном кошельке. Она замерла на ступеньках.

Лили нельзя было найти. У нее не было паспорта. Почему-то до сих пор никто даже не удосужился спросить её фамилию.

- Давай не будем суетиться по этому поводу, - сказала она, - это всего лишь глупый старый кошелек.

- Но тогда ты никогда не получишь его обратно.

- Но игра не стоит свеч, - ответила Лили, - и Герда ждет. Я просто поняла, что уже опаздываю. Я уверена, что она ждет меня. Она хотела рисовать в этот вечер.

- Она поймет.

- Что-то подсказывает мне, что она хочет видеть меня прямо сейчас, - сказала Лили, - я просто чувствую это.

- Давай же, ведь мы уже пришли! - Ханс потянул Лили за запястье, заставляя сделать первый шаг. Ханс был по-прежнему по-отечески игрив. Он снова потянул её, и на этот раз давление на ее запястье стало сильнее. Должно быть, со стороны оно напоминало агрессивное рукопожатие.

Лили никогда не узнает, что он подумал.

Ханс посмотрел вниз, на переднюю часть ее платья. На белом домашнем платье с ракушками расплывалось круглое пятно почти черной крови. Кровь просачивалась наружу, растекаясь подобно волнам от броска гальки в пруд.

- Лили? Ты ранена?

- Нет, нет, - ответила она, - я в порядке, все будет хорошо. Но я должна идти домой, вернуться к Герде, - Лили чувствовала, как сжимается внутри, отступая обратно вниз по туннелю, - обратно в логово Лили.

- Давай я помогу! Чем я могу тебе помочь?

Но Ханс показался таким далеким, словно его голос звучал из трубы.

Это было похоже на бал в Мэрии. Кровь была густой, но Лили ничего не чувствовала. У Лили не было ни малейшего представления о том, откуда течет кровь. Она была так встревожена и поражена, будто ребенок, случайно убивший животное. Тихий голос в ее голове кричал: “быстрее!” - отчаянный тихий голос одинаково паниковал и наслаждался короткой августовской драмой в Ментоне во второй половине дня.

Лили оставила Ханса на ступеньках полицейского участка. Она убежала от него, перепрыгнув сразу три ступеньки, как цыганские дети убежали от нее. Пятно на платье распространялось так упорно и ужасающе, как распространяется болезнь.

Глава 10

Новым направлением в рисовании Герды стало писать пастелью разных цветов, особенно желтым, розовым и голубым. До сих пор она писала только портреты, используя краски в стеклянных бутылках с ненадежными пробками, которые приобрела в Мюнхене. Ее прежние картины были серьезными и официальными, новые - легкомысленными в своем цвете. Как однажды заметила Лили, они напоминали ириски. Картины были большими, и к настоящему времени почти все изображали только Лили: на улице, в поле маков, в лимонной роще или напротив холмов Прованса.

Рисуя, Герда не думала ни о чем. Ее мозг чувствовал только свет и краски, которые она смешивала. Это напоминало вождение автомобиля на солнце, будто бы картина писалась вслепую, но в духе веры. В лучшие дни экстаз наполнял Герду. Когда она поворачивалась от ящика с красками к холсту, белый свет блокировал все, кроме ее воображения. Во время рисования, когда мазки точно захватывали плавные линии головы Лили, глубину ее теплых глаз, Герда слышала шелест в голове, напоминавший ей бамбуковую трость отца, которой он постукивал апельсиновые деревья. Хорошая картина как результат сбора урожая - красивый и плотный глухой стук апельсинов, ударяющих о глиняную почву Калифорнии.

Герда была удивлена приемом картины с Лили, которую представили в Копенгагене. Расмуссен предложил повесить их в своей галерее на две недели в октябре. Ее оригинальный триптих "Тройная Лили" продан сразу после короткого спора между шведом в фиолетовых перчатках из свиной кожи и молодым профессором из Королевской Академии. Портрет Лили, спящей облокотившись на спинку дивана, принес более 250 крон. Это было меньше, чем зарабатывал Эйнар, но больше, чем когда-либо зарабатывала Герда.

- Мне нужно видеть Лили каждый день, - сказала Герда Эйнару. Она начинала скучать по Лили, когда ее не было рядом. Герда всегда была жаворонком, и вставала задолго до рассвета от первого гудка парома или первого стука на улице.

Этой осенью Герда проснулась так рано, что в квартире было еще тихо, и она не могла видеть дальше, чем на расстоянии вытянутой руки. Она села на кровати. Рядом с ней, лежал Эйнар. Он спал, а у его ног лежал Эдвард VI. Герда и сама еще пребывала в полудреме, и ей было интересно: где же сейчас Лили? Герда быстро поднялась с постели и начала искать. "Куда же ушла Лили?" - спросила себя Герда, поднимая брезент в передней комнате и открывая шкаф из морёного ясеня. И только когда она

открыла входную дверь (ее губы продолжали нервно повторять вопрос), - Герда полностью проснулась.

Однажды утром, осенью, Герде и Эйнару впервые с апреля понадобился камин. Печь была трехпалубной: три черные железные коробки, стоявшие на четырех ножках. Герда положила в печь бумагу и очищенные березовые бревна. Кора загорелась.

- Но Лили не может приходить каждый день, - протестовал Эйнар, - Я не думаю, что ты понимаешь, как трудно отсылать Эйнара прочь и приводить Лили. Это слишком сложно, чтобы поступать так каждый день, - он одевал Эдварду VI свитер, подаренный женой рыбака сверху, - я люблю это, я люблю ее, но мне тяжело.

- Я должна рисовать Лили каждый день, - сказала Герда, - мне нужна твоя помощь.

Услышав это, Эйнар сделал странную вещь: он пересек студию и поцеловал Герду в шею.

В Эйнаре был датский холод – так о нем думала Герда. Она не могла вспомнить, когда муж в последний раз целовал ее в любимое место на губах. В последнее время по ночам было темно и тихо, за исключением случайных пьяниц, которых тащили к двери доктора Мёллера через улицу.

Кровотечения Эйнара возобновились. После инцидента в Ментоне все было в порядке, но потом, в один прекрасный день, Эйнар снова прижимал к носу носовой платок. Герда наблюдала за пятном, просачивающимся через хлопок. Это беспокоило ее и напоминало о последних месяцах Тедди Кросса.

Но кровотечения прекратились так же внезапно, как начались, не оставив никаких следов, кроме красных больных ноздрей Эйнара.

Однажды вечером, ровно за неделю до того, как на подоконниках собрался первый мороз, Герда и Эйнар спокойно ужинали. Она что-то рисовала в своем блокноте, поднося вилку с сельдью ко рту. Эйнар сидел, сложив руки и, как казалось Герде, мечтательно помешивал кофе. Она оторвалась от эскиза, изучая новую картину Лили у майского дерева. Через стол было видно, как истощало лицо Эйнара. Его позвоночник держался ровно. Эйнар извинился, оставив небольшое красное пятно на стуле. В течение следующих дней Герда пыталась спросить его о кровотечениях, о их причинах и источнике. Но каждый раз Эйнар стыдливо отворачивался. Казалось, словно Герда била его своими вопросами по щекам.

Герда понимала, что Эйнар надеялся скрыть от нее кровотечения, очищая себя старыми тряпками для краски, которые он позже выбрасывал в канал. Но она знала. Это был запах свежего мяса, это был его неурегулированный желудок. Кровавые тряпки, зацепившиеся за каменную опору на мосту канала, на следующее утро служили Герде напоминанием об этом.

Однажды утром Герда пошла на почту, чтобы сделать конфиденциальный звонок. Вернувшись, она застала Лили лежащей на вишнево-красной кушетке, позаимствованной из отдела реквизита в Королевском Театре. Ее ночная рубашка также была заимствована: выбывающая певица-сопрано, чье горло стало старым, носила это платье, когда играла Дездемону. Герде показалось, что она никогда не знала, как выглядит Лили. Если бы Лили была занята, то не лежала бы так. Ее ноги были раскинуты, а лодыжки пьяно вывернуты. Лежа с открытым ртом, она смотрела так, словно приняла морфий. Герде понравился образ, хотя она и не планировала его. Каждую ночь Эйнара мучили спазмы в животе, и Герда боялась кровотечений.

- Я организовала встречу для тебя, - сообщила Герда Лили.

- Что за встреча? - дыхание Лили начало успокаиваться, ее грудь поднималась и опускалась.

- С врачом.

Лили села. Она встревожилась. Это был один из немногих случаев, когда Герда могла видеть черты Эйнара в лице Лили: вдруг темные пятна усов пробились на ее верхней губе.

- Со мной ничего плохого не происходит, - сказала Лили.

- Я не говорю о том, что происходит, - Герда подошла к кушетке. Она завязала атласные ленты на рукавах Лили, - но ты больна. Я обеспокоена твоими кровотечениями, - продолжила Герда. Ее руки были заправлены в накладные карманы халата, где она хранила карандаши, фотографию Тедди Кросса в волнах на пляже Санта-Моника, и небольшой кусок окровавленного платья Лили, в котором она была в Ментоне, вернувшись в арендованную квартиру с именем Ханса на губах.

Герда наблюдала за лицом Лили. Казалось, та скользит по острию стыда. Но Герда знала, что поступила правильно, записав Эйнара к врачу.

- Мы должны знать, почему это происходит. Вдруг ты что-то повредил себе, - начала она.

Герда содрогнулась, озноб пробежал по ее спине. Что происходит с ее браком? - интересовалась она, перебирая ленты, вплетенные в воротник ночной рубашки. Она хотела знать. Она хотела мужа, она хотела Лили.

- О, Эйнар!

- Эйнара тут нет, - сказала Лили.

- Пожалуйста, передай ему, чтобы он встретился со мной на Центральном вокзале в 11:04, поезд до Рингстед, - сказала Герда. - Я иду в магазин поставок.

Она подошла к шкафу и принялась искать шарф.

- Что мне делать, если Эйнар не вернется вовремя? - спросила Лили, - что делать, если я не смогу найти его?

- Он вернется, - сказала Герда, - ты не видела мой шарф? Синий с золотой бахромой?

Лили опустила глаза на колени.

- Я так не думаю, - сказала она.

- Он был в моем гардеробе. В ящике. Возможно, ты позаимствовала его.

- Я думаю, что оставила его в кафе "Аксель", - сказала Лили, - я уверена, что он лежит у них за стойкой. Я пойду и заберу его сейчас же. Герда, мне очень жаль, я больше ничего не брала и больше ничего не трогала.

Герда почувствовала острые шипы, обвивающие ее плечи. Она сказала себе что-то очень неправильное, но потом отмела эту мысль. Нет, она не собирается позволить шарфу расстроить ее брак. К тому же, не она ли сказала Лили, чтобы та брала, что захочет? Не Герда ли больше всего на свете хотела угодить Лили?

- Ты останешься тут, - сказала Герда, - но пожалуйста, убедись, что Эйнар придет на вокзал.

Стены кафе "Аксель" были желтыми от табака. Студенты из Королевской академии приходили туда за фрикадельками и пивом, которые между четырьмя и шестью часами продавались за полцены. Когда Герда была студенткой, она занимала столик и набрасывала эскиз, держа папку на коленях. Когда знакомые спрашивали, что она рисует, она резко захлопывала блокнот и говорила:

- Кое-что для профессора Вегенера.

Герда спросила бармена о синем шарфе:

- Моя кузина думает, что оставила его тут, - сказал она.

- Кто ваша кузина? - спросил бармен, закидывая на руку чайное полотенце.

- Маленькая девушка, не такая высокая, как я. Застенчивая, - Герда помолчала. Трудно было описать Лили, думая о том, что она плывет по миру сама по себе, с ее развевающимся белым воротником и карими глазами, поднимающимися на красивых незнакомцев. Ноздри Герды раздулись.

- Вы имеете в виду Лили? - спросил бармен.

Герда кивнула.

- Красивая девушка, приходит и садится там, у двери. Я уверен, что вы знаете это, но парни лезут из кожи вон, пытаюсь привлечь ее внимание. Она поделилась пивом с одним из них, а затем, когда он отвернулся, она исчезла. Да, она забыла шарф здесь.

Бармен протянул Герде шарф, и она повязала его вокруг головы. На шарфе держался слабый запах молока и мяты.

Воздух на улице был холодным и соленым. Летний загар Герды потускнел, а руки подергивались. Она подумала о том, как красива Пасадена в октябре, с ее выжженными сан-габриэльскими сливочно-коричневыми горами и бугенвилиями, поднимающимися по трубам.

Центральная станция эхом отзывалась от звука шагающих ног. Голуби бормотали на деревянных стропилах сверху, а их меловой навоз катился вниз по красно-дубовым балкам. Герда купила пучок мяты у новоиспеченного продавца конфет, чьи клиенты бросали бумажные обертки на землю.

Подойдя к билетному киоску, Эйнар выглядел потерянным. Щеки его были серыми от вытирания, а волосы покрыты тоником. Он бежал, с тревогой вытирая лоб. Только когда Герда увидела его в толпе, она подумала о том, какой он маленький, ведь его голова едва доставала до чужой груди. Увидев его, она поняла, что не преувеличивала его слабость. Она говорила себе, что поверила, будто Эйнар со своими костлявыми запястьями и маленьким изогнутым задом был практически ребенком. Эйнар поднял глаза на голубей, словно впервые оказался на центральном вокзале. Он робко спросил девушку в фартуке, который час. Что-то в Герде успокоилось. Она подошла к Эйнару и поцеловала его, поправляя лацкан.

- Вот твой билет, - сказала она, - внутри адрес доктора. Я хочу, чтобы ты с ним встретился.

- Сначала я хочу, чтобы ты мне кое-что сказала, - начал Эйнар, - я хочу, чтобы ты согласилась, что со мной все в порядке - он качался на каблуках.

- Конечно, с тобой все в порядке, - сказала Герда, обхватив руками воздух, - но я все равно хочу, чтобы ты встретился с доктором.

- Зачем?

- Из-за Лили.

- Бедная девочка, - сказал он.

- Я имею в виду, если ты хочешь, чтобы Лили осталась с нами, тогда я думаю, что доктор должен узнать о ней.

Дневные покупатели, в основном женщины, толкали Эйнара и Герду; их сетчатые сумки были наполнены сыром и селедкой.

Герда удивилась, что продолжает говорить о Лили, как о посторонней. Но она раздавила бы Эйнара (она могла представить, как его тонкие кости свалились бы в кучу), если бы призналась вслух в том, что Лили - не более, чем ее муж в платье. Глупо, но это было правдой.

- Почему ты делаешь это сейчас? - спросил Эйнар. Красная кайма его век практически заставила Герду отвернуться в другую сторону.

- Я люблю Лили так же, как и ты. Больше... - она замолчала, - доктор может ей помочь.

- Как? Как кто-то, кроме тебя и меня, может помочь Лили?

- Давай подождем и посмотрим, что скажет доктор.

- Я не хочу ехать. Лили не хочет, чтобы я ехал.

Герда выпрямила спину, подняв голову:

- Но я хочу, чтобы ты поехал, - сказала она, - я твоя жена, Эйнар.

Она указала ему на восьмой путь, провожая, и ее рука упала ему на спину.

- Давай, - сказала она, когда он проходил мимо нового торговца конфет, шагая через брошенные обертки. Фигура Эйнара скользнула в толпу покупателей; его голова стала одной из ста в основном женских голов, забитых поручениями и детьми. Глядя на Эйнара в толпе, Герда видела только себя.

Глава 11

Эйнар сел у окна, и солнце свернулось у него на коленях. Поезд проходил мимо домов с красными черепичными крышами, и детей, гуляющих во дворах. Напротив него сидела старуха, обхватив руками сумочку. Она предложила мятую в упаковке из фольги:

- Едешь в Хельсингер?
- В Рингстед, - ответил Эйнар.
- Я тоже.

Квадрат из сплошного кружева поддерживал белые волосы старухи, а ее глаза ее были снежно-голубыми, уши - маленькими и свободными.

- У вас там друг? Встреча?
- Медицинское обследование.

Эйнар кивнул, и старуха сказала:

- Понятно, - она потянула кардиган, - в институт радиации?

- Я думаю, да. Моя жена назначила встречу, - сказал он, вскрывая конверт, который ему отдала Герда. Внутри лежала светло-бежевая карточка с запиской для Лили, которую Герда написала на прошлой неделе:

*“Иногда я чувствую себя в ловушке. Ты когда-нибудь так себя чувствовала? «Это правда я? Это Копенгаген?»
Целую”.*

- Ваша карточка говорит о докторе Хекслере, - сказала женщина, - на обороте написан адрес доктора Хекслера, это рядом со мной. Я буду счастлива принять вас. Некоторые говорят, что доктор Хекслер руководит лучшим институтом радиации в Дании, - женщина прижала сумку к груди, - многие утверждают, что он может вылечить практически все.

Эйнар поблагодарил женщину и снова сел на свое место. За окном было тепло. Что если он пропустит встречу? Когда Герда попросила его встретиться с ней на центральном вокзале, в его голове пробежала яростная вспышка видений: Герда задрала подбородок высоко над головой, ожидая прибытия поезда на станцию. Эйнар подумал о том, чтобы бросить ей вызов и никогда больше не появляться. Он представлял себе, как подбородок Герды медленно опускается, проходят минуты и часы, и становится все более очевидным, что Эйнар не придет. Герда вернется домой, откроет дверь квартиры в Доме Вдовы, а Эйнар будет ждать ее за столом.

- Я не хочу встречаться с доктором, - сказал бы он.
- Хорошо - остановившись, ответила бы она.

- Мы приехали, - сказала старуха, - берите свои вещи.

Красные восковые шишки с тисовых деревьев лежали вдоль улицы Рингстед. Утром шел дождь, после которого оставался влажный запах свежести. Старуха глубоко вздохнула. Она шла быстро, и ее бедра извивались под юбкой.

- Не нервничай, - сказала она.

- Я не нервничаю.

- Нет ничего такого в том, чтобы нервничать.

Они вышли на улицу из домов за низкими стенами с белыми железными воротами. Автомобиль с открытым верхом проехал мимо них, щелкая двигателем. Водитель - мужчина в кожаной шляпе для гольфа, - махнул рукой на старуху.

- Вот мы и пришли, - сказала женщина, останавливаясь на углу у голубого здания напротив гавани, - настолько незаметного, что можно было принять его за пекарню. Она сжала руку Эйнара под локтем, затем подняла воротник и направилась к морю.

Эйнару пришлось ждать в кабинете доктора Хекслера почти час. Половина комнаты напоминала гостиную с ковровым покрытием, диваном и паучьим растением на подставке. На другой половине был резиновый пол, мягкий стол, и стеклянные банки с прозрачными жидкостями. Войдя, доктор Хекслер сказал:

- Разве медсестра не попросила вас снять одежду?

У доктора Хекслера был удлиненный подбородок с достаточно глубокой ямочкой. Его волосы были серебристыми, и когда он сел в кресло напротив Эйнара, стали заметны его шотландские носки. Женщина из поезда говорила, что доктор в равной степени был известен своим розарием, который находился за окнами клиники и был пострижен на зиму.

- Проблемы в браке? - спросил он, - я правильно понял?

- Не совсем.

- Как долго вы женаты?

- Шесть лет, - сказал Эйнар. Он вспомнил их свадьбу в церкви святого Альбана в парке. Молодой дьякон был англичанином, и тем утром он ударил его, словно битой.

“Это особая свадьба. Я вижу здесь что-то особенное. Через десять лет вы будете необыкновенными людьми”, - сказал он голосом таким же легким, как воздух, плывущий сквозь окна из розового стекла, опускаясь на круг свадебных гостей.

- Есть дети? - спросил доктор Хекслер.

- Нет.

- Почему нет?

- Я не уверен, правильно ли вы ведете беседу.

Лицо доктора Хекслера осталось каменным. Эйнар смог представить его в своем розарии с таким же выражением лица - серьезным разочарованием, обнаруживавшим завядший цветок.

- Есть регулярное совокупление?

К этому моменту Эйнар разделся до трусов. Груда одежды на стуле выглядела грустно, белая рубашка колыхалась из талии брюк.

Доктор Хекслер махнул Эйнару, чтобы он сел на диван-кровать. Через шланг с воронкой на конце он приказал медсестре принести кофе и блюдо засахаренного миндаля.

- Есть ли эякуляция? - продолжил он.

Вокруг Эйнара воздвигались кирпичи унижения. Каждое оскорбление от Герды, а теперь и от доктора Хекслера, было простым кирпичом боли, укладываемым вместе с остальными в одну стену.

- Иногда, - ответил Эйнар.

- Достаточно. Хорошо, - доктор Хекслер закрыл страницу в блокноте.

- Ваша жена говорила, что вам нравится переодеваться в женщину.

- Она так сказала?

Вошла медсестра с красно-рыжими волосами. Она поставила на стол кофе и миндаль.

- Сахар? - спросила она.

- Госпожа Вегенер рассказала мне о девушке, - продолжил доктор Хекслер, - о девушке по имени Лили.

- Простите, мистер Вегенер? - спросила медсестра, - сахар?

- Нет. Мне ничего не нужно.

Медсестра налила кофе доктору Хекслеру и ушла.

- Мистер Вегенер, я специалист. Практически нет проблем, с которыми бы я не встречался. Если вы смущены, то помните, в этом нет ничего предосудительного.

Эйнар не знал, почему, но вдруг ему захотелось поверить, что доктор Хекслер поймет его. Что если он скажет Хекслеру о туннеле, ведущем в логово Лили, что если Эйнар должен будет признать, что Лили - это не он, а кто-то другой, доктор Хекслер его поймет. Хекслер постучал по губам карандашом, и сказал:

- Ах, да. Не нужно беспокоиться, я с таким уже сталкивался.

- Иногда мне кажется, что нужно найти Лили, - начал Эйнар. Он подумал об этом, как о голоде. Не такой голод, как за час до обеда. Это больше походило на то, когда вы пропустили несколько приемов пищи, когда вы пусты. Когда вы беспокоитесь о том, откуда придет ваша следующая трапеза, если она вообще когда-либо придет.

- Иногда я задыхаюсь, когда думаю о ней, - сказал Эйнар.

- Куда вы идете, чтобы найти ее? - спросил доктор Хекслер. Его толстые очки делали его глаза огромными, как маринованные яйца в банке с маслом.

- Она внутри меня.

- А она всегда там?

- Да, всегда.

- Что бы вы подумали, если бы я попросил вас прекратить одеваться, как эта женщина? - доктор Хекслер наклонился вперед в своем кресле.

- Думаете, я должен, доктор? Вы думаете, что я болен? - Эйнар чувствовал себя маленьким в своих кальсонах, а впадина диванных подушек почти поглотила его. Теперь Эйнар захотел кофе, но едва мог дотянуться до стола.

Доктор Хекслер включил контрольную лампу. Серебряная чаша бликовала от света.

- Давайте посмотрим, - сказал доктор. Он коротко положил руку на плечо Эйнара, когда тот встал.

- Пожалуйста, встаньте, - сказал доктор Хекслер, пересаживаясь на стул на колесиках. Колесики задрожали. Он направил свет на живот Эйнара. Несколько веснушек вокруг его пупка выглядели ярко-коричневыми, а несколько черных волос напоминали Эйнару пыль, которая собралась в углу.

- Чувствуете ли вы что-нибудь, когда я это делаю? - спросил доктор Хекслер, положив ладонь на живот Эйнара.

- Нет.

- И это?

- Нет.

- А что здесь?

- Нет.

- Ясно, - доктор сидел перед Эйнаром на стальном табурете. Больше всего на свете Эйнару хотелось, чтобы доктор Хекслер объявил, будто в Лили и Эйнаре нет ничего плохого. Что их общее тело - это не больше, чем безнравственность, и это так же нормально, как длинный подбородок доктора Хекслера, в глубокую ямочку на котором можно было почти вставить ключ.

- Как там внизу? - спросил он, указывая на выступ в промежности Эйнара, - могу я взглянуть?

Когда Эйнар опустил трусы, лицо доктора замерло, и только его ноздри, с перами, забитыми черными точками, двигались.

- Кажется, все, - сказал он, - вы можете одеваться. У вас хорошее здоровье. Больше вы ничего не хотите мне сказать?

Только накануне Эйнар запихнул тряпку в свои кальсоны. А если Герда рассказала об этом доктору? Эйнар чувствовал себя загнанным в угол.

- Я должен еще кое-что добавить, - начал он.

Когда Эйнар рассказал ему о кровотечениях, плечи доктора Хекслера сжались.

- Да, ваша жена что-то говорила об этом. Есть ли что-нибудь в крови? Она свертывается?

- Я так не думаю, - еще один кирпич был возведен на место. Единственное облегчение Эйнар нашел в том, что закрыл глаза.

- Пришло время для рентгена, - сказал доктор Хекслер. Кажется, он удивился, когда Эйнар сказал ему, что никогда раньше не делал рентгена.

- Это покажет нам, в чем проблема, - объяснил доктор Хекслер, - рентген также поможет вытеснить «это» из вас.

По тому, как поднялись брови доктора Хекслера, Эйнар понял, что он гордится технологиями своей клиники. Доктор рассказал о гамма-лучах и естественном радиии, выделяющихся из них.

- Ионизирующая радиация превращается в чудодейственное средство для всех видов болезней. Она хорошо работает на язвах, сухости кожи головы и, безусловно, импотенции, - сказал он, - это стало методом выбора.

- Что она сделает со мной?

- Она заглянет в вас, - сказал доктор Хекслер, а затем добавил, как бы обидевшись, - это вылечит вас.

- Я действительно нуждаюсь в этом?

Но доктор Хекслер уже отдавал приказы через воронку. Когда все было готово к процедуре, худой человек с большим адамовым яблоком вывел Эйнара из кабинета доктора Хекслера. Это был Владемар, помощник доктора Хекслера. Он повел Эйнара в комнату с плиточными стенами и полом со стоком и сливом в углу, покрытым сеткой. Белые брезентовые полоски свисали с каталки, стоявшей посреди комнаты, а пряжки блестели под огнями.

- Давайте привяжем вас, - сказал Владемар, и Эйнар снова спросил, нужно ли это. Владемар кивнул, и его адамово яблоко поднялось.

По форме рентгеновская машина напоминала перевернутую букву L. Ее металлический корпус был окрашен в мутно-зеленый цвет. Большой серый глаз линзы выглянул над каталкой. Линза была направлена на участок кожи между пупком Эйнара и его пахом. В комнате было черное стеклянное окно, за которым, как предположил Эйнар, доктор Хекслер инструктировал Владемара, какие круглые рычаги тянуть.

Это произошло с Эйнаром, когда огни в комнате потускнели. Машина наклонилась, а затем зажужжала. Ее корпус тонко вибрировал, словно разогреваясь перед началом врачебных испытаний. Каким-то образом Эйнар понял, что рентгеновские лучи ничего не покажут, а доктор Хекслер потребует повторения процедуры, или отправит его ко второму специалисту, а тот – к третьему. И Эйнар не возражал, потому что все это, казалось, стоило предпринять ради Герды и Лили.

Эйнар ожидал, что свет рентгеновского луча будет золотым и испещренным, но он был невидимым, и Эйнар ничего не почувствовал. Сначала Эйнар подумал, что машина не работает. Он почти сел и спросил:

- Что-то не так?

Затем рентгеновский аппарат переключился на более высокую передачу, и жужжание поднялось на октаву. Помятый зеленый металлический корпус загремел сильнее. Тогда Эйнару показалось, что он почувствовал что-то в своем желудке, но он не был в этом уверен. Он подумал о живом животе с червями, которые гнездились в болотах Блютус. Он задался вопросом: ощущает ли он теплое шипучее чувство, или это только его воображение? Он приподнялся на локтях, чтобы посмотреть, но на его сером в полутьме животе ничего не изменилось.

- Пожалуйста, успокойтесь, - сказал доктор Хекслер через воронку, - ложитесь.

Но ничего не происходило, или то, что казалось Эйнару, было ни на что не похоже. Машина гроыхала, и в его животе появилось чувство пустоты. Он не мог сказать, чувствовал ли он что-то горячее, или нет. Затем ему показалось, что он почувствовал ожог, но когда он снова посмотрел, то увидел, что его живот такой же, как раньше.

- Лежите, мистер Вегенер, - снова загремел голос Хекслера, - это серьезная процедура.

Эйнар не мог понять, как долго работала машина. Прошло две минуты, или двадцать? И когда это закончится? Комната потемнела еще больше. Теперь она была почти черной, и вокруг серого качалось желтое кольцо света. Эйнару было скучно, а затем внезапно захотелось спать. Он закрыл глаза, и ему показалось, что его тело становится тяжелым. В последний раз он подумал о том, чтобы снова посмотреть на живот, но его руки не двигались, и он не смог подняться на них. Как же он так устал? Его голова была похожа на свинцовый шар, прикрепленный к шее. Эйнар почувствовал в горле свой утренний кофе.

- Постарайтесь уснуть, мистер Вегенер, - сказал Хекслер. Машина взревела еще громче, и Эйнар почувствовал, как что-то горячее прижимается к его животу. Тогда Эйнар понял, что что-то не так. Он приоткрыл глаза на достаточное время, чтобы увидеть, как кто-то прижался лбом к черному стеклянному окну, расплывавшемся от тепла. «Если бы Герда была здесь», подумал мечтательно Эйнар, «она бы отстегнула меня и отвезла домой. Она бы пинала зеленую машину, пока она не остановится».

Грохот металла потряс комнату, но Эйнар не мог открыть глаза, чтобы увидеть, что происходило. Если бы Герда была здесь, она кричала бы на Хекслера, чтобы он выключил чертову машину. Если бы Герда была

здесь... Но Эйнар не мог закончить мысль, потому что он спал... Нет, он был вне сна.

Глава 12

Рентгеновский аппарат доктора Хекслера продолжал звенеть, и Герда прижалась лбом к черному стеклянному окну. Возможно, она ошибалась, возможно, ее мужу не нужно было обращаться к врачу. Она задумалась: стоит ли ей слушать свои протесты? По другую сторону стекла Эйнар лежал, привязанный к каталке. С закрытыми глазами он выглядел прекрасным, а сквозь стекло его кожа казалась мягкой и серой.

- Вы уверены, что ему удобно? - спросила Герда доктора Хекслера. По большей части, она боялась, что Эйнар ускользнет от нее. Ей иногда доставляло беспокойство, что Эйнар никогда не ревновал, если какой-нибудь мужчина на улице пробежал глазами по ее груди. Единственный раз, когда он прокомментировал это, был, когда он оделся как Лили, а затем он добавил: «Как тебе повезло».

В своей консультации за неделю до этого доктор Хекслер сказал, что существует вероятность опухоли в тазобедренном суставе, которая может вызывать как бесплодие, так и запутанное состояние мужественности Эйнара.

- Я никогда ее не видел, но читал об этом. Она может оставаться необнаруженной, и проявляется лишь в странном поведении.

Часть Герды желала, чтобы эта теория имела смысл. Вторая ее часть хотела верить, что маленький скальпель, искривленный, как коса, сможет рассечь эту опухоль, ее кроваво-оранжевую и тугую, как хурма, кожуру, - и Эйнар вернется к их браку.

Из-за другой стороны темного окошка послышался металлический удар, но доктор Хекслер сказал:

- Все в порядке.

Эйнар корчился на каталке, ноги прижимались ремнями. Ремни были так натянуты, что Герда думала, что они могут порваться, и тело Эйнара отбросит через всю комнату.

- Когда вы закончите? - спросила она Хекслера, - вы уверены, что все идет хорошо?

Она погладила кончики волос, думая о том, как ненавидит свою грубость, и что если с Эйнаром что-нибудь случится, она не будет знать, что делать.

- Рентген требует времени, - ответил Владемар.

- Это причиняет ему боль? Похоже, ему больно.

- Не совсем, - сказал доктор Хекслер, - может быть небольшой поверхностный ожог, но не более того.

- Он почувствует небольшую боль в животе, - добавил Владемар.

- Это принесет пользу, - продолжил доктор Хекслер. Он был спокоен, с короткими черными ресницами, вьющимися вокруг глаз. Он проговаривал каждый слог, каждое предложение, а его голос был низким и властным. В конце-концов, машина привлекала самых богатых людей Дании, - мужчин с животами, которые в своем волнении за производство резиновых ботинок, минеральных красителей, суперфосфатов и портландцемента потеряли контроль над всем, что висело ниже пояса.

- И если это дьявол в вашем муже, - добавил Владемар, - я его уничтожу.

- В этом красота рентгена, - сказал Хекслер, - он сжигает плохое и оставляет хорошее. Не будет преувеличением назвать это чудом, - оба мужчины улыбнулись, и когда их зубы отразились в черном стекле, Герда почувствовала маленькое сожаление в груди. Когда процедура закончилась, Владемар перевел Эйнара в комнату с двумя маленькими окнами и складной ширмой на колесиках.

Он спал, пока Герда рисовала. Она рисовала Лили, спящую на кровати в институте. Если рентгеновский луч обнаружил опухоль, и доктор Хекслер удалил ее, что тогда произойдет? Неужели она больше никогда не увидит Лили на лице Эйнара, на его губах, в бледных зеленых венах, которые бежали по его запястьям, как реки на карте? Она связалась с доктором Хекслером в первую очередь чтобы успокоить Эйнара... Или это могло успокоить ее тоже? Нет. Она позвонила Хекслеру из маленькой будки на почте, потому что знала - она должна что-то сделать для Эйнара. Разве это не ее обязанность - удостовериться, что он получил надлежащее внимание? Если она пообещала себе что-нибудь, то никогда не позволила бы своему мужу ускользнуть. Не после Тедди Кросса. Герда подумала о крови, растекающейся из носа Эйнара и просачивающейся через платье Лили.

Эйнар повернулся. Он побледнел, и Герда положила на его лоб теплую ткань. Часть ее надеялась, что Хекслер даст указания Эйнару жить свободно под личиной Лили, чтобы она могла устроиться продавцом за стеклянным прилавком универмага Фоннесбех. Часть Герды желала быть замужем за самым скандальным человеком в мире. Ее всегда раздражало, что люди считали, будто выйдя замуж, она станет искать спокойной жизни.

“Я знаю, что ты будешь счастлива, как твои мать и отец”, - написала ей кузина из Ньюпорт-бич после свадьбы Герды с Эйнаром.

“Но я не такая”, - говорила себе Герда, сжигая письмо в железной печи, - “Мы не такие, как они“. Это произошло задолго до появления Лили, но даже тогда Герда знала, что вышла замуж за человека, который покажет ей то, чего она никогда не знала. В первый раз то же самое Герда

почувствовала в Тедди, и хотя с ним это чувство оказалось ошибкой, Эйнар был другим. Он был странным. Он почти не принадлежал этому миру, и чаще всего Герда чувствовала, что тоже не принадлежит ему.

Обледеневшие кусты доктора Хекслера дрожали от ветра под окном. Другое окно палаты выходило на море. Облака на небе были черными и жирными, как чернила на воде. Рыбацкое судно изо всех сил пыталось вернуться в гавань.

Но как Герда могла оставаться замужем за мужчиной, который иногда хотел жить, как женщина?

- Я не позволю, чтобы что-то подобное меня остановило, - сказала Герда себе, рисуя в блокноте. Герда и Эйнар делали то, что хотели. Никто не мог заставить ее поступать так, как ей не хотелось. Возможно, им придется перебраться туда, где их никто не знал. Туда, где о них ничто не говорило - ни сплетни, ни фамилии, ни ранее сложившаяся репутация. Ничего, кроме их картин и тихого шепота Лили. Герда была готова на это. Она не была уверена, ради кого или чего, но она была готова.

Эйнар снова пошевелился в постели, изо всех сил стараясь поднять голову. Лампочка над его головой оставила на лице желтый свет, и его щеки потускнели. Разве он не выглядел хорошо сегодня? Возможно, Герда не уделяла достаточно внимания Эйнару в течении последних нескольких месяцев. Может, он заболел на ее глазах, а она до сих пор не замечала? Как бы она ни была занята, - писала, продавала свои работы, писала Хансу в Париж о том, чтобы устроить визит Лили, о наличии квартиры в Марэ с двумя фонарями (один для нее и один для Эйнара), - за всем этим, возможно, Герда пропустила что-то серьезное, исчезающее в лице ее мужа. Она подумала о Тедди Кроссе.

- Герда, - заговорил Эйнар, - я в порядке?

- Будешь. Отдохни еще немного

- Что случилось?

- Это был сильный рентгеновский снимок, не о чем беспокоиться

Эйнар прижался лицом к подушке и снова уснул. Вот он, муж Герды, с его прекрасной кожей и маленькой головой с висками, которые слегка помяты, почти как у младенца. С носом, трепещущим от дыхания, с запахом скипидара и талька. Кожа вокруг его глаз покраснела, почти сгорела. Герда сменила ткань у него на лбу.

- Наконец-то, - сказала Герда, когда пришел доктор Хекслер.

Они с Гердой вышли в коридор.

- С ним все будет в порядке?

- Он будет чувствовать себя лучше завтра, и еще лучше послезавтра.

Герде показалось, что она заметила беспокойство в морщинках у рта доктора Хекслера.

- Рентген ничего не показал, опухоли нет?

- Ничего.

- Тогда что с ним случилось? - спросила Герда.
- С точки зрения его физического здоровья, вообще ничего.
- Как на счет кровотечений?
- Трудно быть уверенным, но скорее всего, это все его диета.
Убедитесь, что он избегает твердых фруктов и рыбных костей.
- Вы действительно думаете, что это все его питание? - Герда сделала шаг назад, - Вы действительно думаете, что он совершенно здоровый человек, доктор Хекслер?
- Его здоровье в норме. Но здоровый ли он человек? Нет. У вашего мужа все плохо.
- Что я могу сделать?
- Вы закрываете на ключ свой гардероб, чтобы он не видел вашу одежду?
- Конечно, нет!
- Вы должны сделать это немедленно.
- Какой в этом смысл? Кроме того, у него есть свои платья.
- Немедленно избавьтесь от них. Вы не должны поощрять это, миссис Вегенер. Если он думает, что вы одобряете это, он может решить, что все в порядке вещей, и нет смысла противиться Лили, - доктор Хекслер сделал паузу, - и тогда у него не будет никакой надежды. Вы же не поощряете это, не так ли? Вы не говорили ради него, что одобряете это?
Именно этого Герда боялась больше всего: что ее обвинят в *рождении* Лили. Что она сама каким-то образом навредила мужу. Стены коридора были тускло-желтыми и поцарапанными, а рядом с Гердой висел портрет доктора Хекслера вроде тех, которые она обычно писала.

Однажды, всего за несколько недель до этого, Герде поступил телефонный звонок от Расмуссена. Он рассказал ей, что Лили пришла в Галерею.

- Я, конечно, узнал ее по вашим картинам,- сказал Расмуссен, - Но что-то в ней было не так. Она казалась слабой.

Расмуссен сказал, что дал Лили стул, и она быстро уснула, а на ее губах надулся один серебристый пузырь. Вскоре после этого баронесса Хаггард пришла в галерею со своим египетским шафером. Баронесса любила думать о себе, как о самой современной аристократии и не смогла преодолеть иронию “модернизма”, как она выражалась. Наткнуться на сюжет картины, спящий перед самими картинами. Галерея наполнилась мягким звуком кожаных перчаток баронессы, которая аплодировала в этот момент. В галере висело всего пять картин, написанных в разгар позднего августа на юге Франции. Каждая из них зажигалась так, словно позади медленно восходило солнце Ментона. Они показывали Лили такой же,

какой она была сейчас на стуле: осторожная, внутренняя, экзотическая по размеру и уравновешенная; с большим носом, костлявыми коленками и маслянистыми веками.

- Баронесса купила все пять, - сообщил Расмуссен, - а Лили спала всю сделку. Герда, с ней что-то не так? Надеюсь, что нет. Вы не слишком ее перегружаете? Позаботьтесь о ней, Герда, ради вашего же блага.

- Вы действительно не обеспокоены кровотечениями? - спросила Герда доктора Хекслера

- Не так сильно, как тем, что он - женщина, - сказал доктор, - даже рентген не способен вылечить это. Хотите, я поговорю с Эйнармом? Я могу сказать ему, что он сам себя травмирует.

- Он? - наконец спросила Герда, - я имею в виду, действительно ли он?

- Да, конечно. Надеюсь, вы согласитесь со мной, миссис Вегенер, что если это не прекратить, то нам придется принять более решительные меры. Что ваш муж не может прожить так большую часть жизни. Конечно, Дания очень открыта, но речь идет не об открытости. Это касается здравомыслия. Разве вы не согласны со мной, миссис Вегенер? Вы согласны с тем, что в его желаниях нет ничего нормального? Что вы и я, как ответственные граждане, не можем позволить вашему мужу свободно бродить в виде Лили? Даже в Копенгагене, даже в отдельных случаях, даже под вашим наблюдением. Надеюсь, вы согласитесь со мной, что мы должны сделать все возможное, чтобы изгнать этого демона из него, потому что так оно и есть. Разве вы не согласны со мной, миссис Вегенер? Демон, миссис Вегенер, вы согласны?

И именно тогда тридцатилетняя калифорнийка Герда, которая могла припомнить по крайней мере три случая, когда она чуть не убила себя случайно (например, когда делала стойку на тиковых перилах Фредерика VII, когда семья впервые привезла ее в Данию в десять лет) она поняла, что доктор Хекслер знал очень мало, если вообще знал что-либо. Она ошиблась! Герда услышала стон Эйнара за углом ширмы.

Часть 2

Париж, 1929

Глава 13.

Недалеко от бульвара де Себастополь, к северу от Центрального рынка, находилась небольшая улица, тянувшаяся на два квартала. Когда-то ее называли улица Пуавр. Её перечный склад процветал, но провалился. Затем эта улица была известна под названием Сен-Симон, и на ней располагалась гостиница для возвращавшихся солдат. На улице Де Ла Луи отсутствовал сине-белый уличный знак, но теперь это была известная улица. Здания были черными, с угольной пылью на подоконниках, на заброшенных газовых фонарях, в ложе писсуара, на рваном тенте табачного магазина, который также торговал пшеничной водкой и девочками. Двери на улице были пронумерованы, но это ничего не значило. Никто, кроме владельца табачной лавки, носящего красно-рыжие усы, которые ловили крошки его утренней булки, казалось, не жил или не вел здесь какой-либо бизнес. Дом номер двадцать два был с дверью и окном из пузырного стекла. За этим окном располагался коридор, пахнувший, как писсуар. В верхней части лестницы находилась еще одна дверь, продавленная ударами ботинок, а дальше - стойка с женщиной по имени Жасмин-Картон и ее кошкой Мэй-Софи.

Мадам Жасмин-Картон была толста, но еще молода. Толстые коричневые волосы росли на ее предплечьях, на которых иногда звенели ее золотые браслеты. Однажды она сказала Эйнару, что одна из ее девочек уехала и вышла замуж за греческого принца, оставив мадам Жасмин-Картон с кошкой Мэй. Она также сообщила, что на протяжении многих лет среди ее посетителей были важные послы, премьер-министры и десятки других графов.

За пять франков мадам Жасмин-Картон дала Эйнару ключ, прикованный к латунной лампочке. Ключ впустил его в зал номер три, - узкую комнату с креслом, покрытым зеленой шерстью, задумчиво опустевшей проволочной корзиной для мусора и двумя маленькими окнами с черными шторами. На потолке светилась лампочка, освещавшая зеленое кресло. За запахом аммиака тянулся след чего-то соленого, горького и мокрого.

Стоял май - два солнечных теплых дня на один холодный. В узкой комнате всегда было холодно. Зимой Эйнар сидел в зеленом кресле в пальто и смотрел на пар, выходящий изо рта во время дыхания. Эйнар уже давно не приезжал к мадам Жасмин-Картон, и не мог знать, что в августе

тусклые с прожилками испарин стены уже пожелтели от табака. Но он воображал себе это.

Сегодня Эйнар снял пиджак с накладными карманами и модными петлями. Герда купила этот пиджак для Эйнара, так как она покупала практически все его вещи. Герда верила в то, что Эйнар ничего не знает о парижской моде. За исключением, конечно, одежды Лили. Платья с капюшоном с шелковыми завязками на талии; перчатки, украшенные на локтях жемчужными застежками; туфли с ремешком, украшенным горным хрусталем - все это Лили покупала сама. В банке из-под мармелада Эйнар откладывал недельное пособие для Лили, и через два-три дня она протягивала руку к банке и брала деньги. «Деньги Лили» - такой была запись в бюджете Эйнара. Он искал франки в карманах габардиновых брюк, чтобы дать Лили больше, и если не находил, то иногда Лили бежала к Герде, которая, по-видимому, только благодаря Лили знала слово “да” и “больше”.

Эйнар поднял одну из черных штор в комнате. За мутным стеклом находилась девушка в купальном костюме и черных чулках. Одна ее нога стояла на гнупом стуле. Девушка танцевала, хотя музыки не было. Из другого окна выглядывало лицо человека. Его маслянистый нос прижался к стеклу, а дыхание оставляло пятно тумана. Девушка, казалось, знала об Эйнаре и другом мужчине, - прежде, чем сдернуть одежду, она огляделась, не взглянув при этом на их лица с плоскими носами, и опустила подбородок.

Девушка сняла перчатки, похожие на перчатки Лили, с мясистой трубки своей руки. Девушка была некрасивой - черные волосы, наэлектризованные и сухие; лошадиная челюсть, слишком широкие бедра и слишком впалый живот. Но в ее скромности было что-то прекрасное, - подумал Эйнар. В том, как она аккуратно сложила на спинку гнупого стула свои перчатки, а затем купальник, и, наконец, чулки, словно знала, что они снова ей понадобятся.

Вскоре девушка сняла все, кроме обуви. Она танцевала более энергично, ее пальцы на ногах и руках вытянулись. Она откинула голову назад, обнажив бело-голубую трахею.

Эйнар посещал мадам Жасмин-Картон почти шесть месяцев, приходя туда во второй половине дня, когда Герда встречалась с коллекционерами или одним из редакторов журнала в “*La Vie Parisienne*” или “*L'illustration*”, которые наняли ее, чтобы набросать свои истории. Но Эйнар ездил туда не за тем, зачем остальные мужчины, прижимавшие свои носы к маленьким окнам, а их языки походили на морских ежей, плещущихся в ведре рыбака. Он хотел наблюдать за танцами девушек, изучать изгибы их тел, вздымание груди, смотреть на бедра, устрашающе бледные и дрожащие, как пенка в чашке с парным молоком. Он почти слышал хруст коленных сухожилий через толстое стеклянное окно. Ему

также нравилась нижняя часть предплечья, где вены, горячие от стыда и обиды, текли зеленым цветом; и еще подушечка плоти, которая раздувалась под пупком - эта часть женского тела заставила Эйнара подумать о подушечке, на которой выносили кольца на свадьбе. Он посещал мадам Жасмин, чтобы смотреть на женщин и наблюдать, как двигаются их тела. Как девушка с наэлектризованными черными волосами будет держать подбородок, трогая чашеобразную грудь. Как девушка после нее, блондинка с жилистым телом, обошла вокруг черной комнаты, держа руки на бедрах с торчащими косточками. Или как девушка из прошлого вторника, которую Эйнар никогда раньше не видел, раздвинула свои веснушчатые бедра и сверкнула гениталиями. Бедра быстро сомкнулись, а затем она просто ходила и пританцовывала. Пот стекал по ее шее, а розовое изображение ее гениталий горело в глазах Эйнара, даже когда он закрывал их, пытаясь забыть, кто он и где. И позже, когда он лег рядом с Гердой и попытался заснуть, пока горела прикроватная лампа, а толстый карандаш Герды царапал блокнот, в котором был почти готовый рисунок, изображающий Лили.

Эйнар и Герда теперь жили в Марэ. За три года до этого они покинули Копенгаген, это была идея Герды. Однажды в дом вдовы пришло письмо, и Эйнар помнил, как Герда быстро прочла его, а затем подняла крышку железной печи и бросила его в огонь. Он помнил короткий желтый свет, который лился из печи, пока пламя пожирало письмо. После этого Герда сказала Эйнару, что Ханс хочет, чтобы они переехали в Париж.

- Он думает, да я и тоже, что так будет лучше, - сказала она.

- Но почему ты сожгла письмо? - спросил Эйнар.

- Потому что я не хотела, чтобы Лили видела это. Я не хочу, чтобы она знала, что Ханс хочет увидеть ее снова.

Они арендовали квартиру в каменном таун-хаусе на улице Виель Де Темпл. Квартира находилась на четвертом этаже. Она была с потолочными люками, вырезанными в круглой крыше, и окнами, выходящими на улицу. Тыльная сторона дома выходила во двор, где в летние месяцы на карнизах цвела герань, а на веревках сохло белье. Таун-хаус стоял прямо по улице от отеля "Рохан", вход от которого сворачивал по тротуару к двум огромным дверям его ворот.

Улица была узкой, с большими пустующими либо построенными под правительственные учреждения или склады для импортеров сухих товаров домами; с еврейскими магазинами, где Эйнар и Герда покупали сушеные фрукты и бутерброды по воскресеньям, когда все остальное вокруг было закрыто.

В их квартире были обустроены две мастерские. Эйнар взгромоздил несколько пейзажей болот на небольшом мольберте. Герда поставила

картины Лили, которые продавались еще до того, как успевала высохнуть краска, и влажную доску, на которой она смешивала краски до тех пор, пока они не оказывались в самом лучшем виде. Коричневые волосы Лили превратились в мёд после купания в августовском море; красноватый румянец охватил ее горло, оставив серебристо-белой плоть на внутренней части локтей. В каждой рабочей комнате стояла кушетка, покрытая килимами. Иногда Герда спала там ночью, когда слишком уставала, чтобы добраться до кровати, которую они с Эйнармом делили в маленькой комнате в задней части квартиры, где царила темнота, которая казалась Эйнарму похожей на кокон. С выключенными лампами в их спальне было слишком темно, и Эйнар даже не видел свою руку, вытянутую перед лицом. Ему это нравилось. Он лежал так до рассвета, пока не начинал скрипеть прачечный шкив, и кто-то из соседей начинал вывешивать белье.

Летом, по утрам Лили просыпалась и обходила все до Бей-Дюпон-Сольферино на набережной Тюильри. В бассейне был ряд раздевалок, выполненных из полосатого холста, похожих на высокие узкие палатки. В них Лили переодевалась в купальное платье, тщательно подстраиваясь под облегающую юбку, чтобы выглядеть как можно скромнее, как она думала. С тех пор, как они с Гердой покинули Данию, ее тело изменилось. Ее грудь стала мясистой, мышцы обмякли, наполнив чашечки купального костюма. Лили заправила волосы назад под резиновую шапочку для купания, подтягивающую ее щеки и придавая ей экзотический вид - глаза Лили были наклонены, а рот опущен. Лили научилась носить с собой ручное зеркальце, и в летней раздевалке она смотрела на себя, изучая в зеркале каждый дюйм своего тела. Лили сидела у бассейна, глядя на полотно воды. К ней подошел охранник и поинтересовался, не нужна ли ей помощь.

После этих слов Лили скользнула в бассейн, держа голову над водой. Она плавала в течении тридцати минут. Ее плечи поворачивались, и каждая рука поднималась над головой, словно винт ветряной мельницы, пока другие женщины пили свой кофе, ели круассаны и смотрели на маленькую Лили, - такую изящную, такую длиннорукую, о которой они еще долго будут кудахтать.

Лили это нравилось больше всего. Ее голова скользила по поверхности бассейна, как утка. Другие дамы, сидя в своих купальных платьях, смотрели на нее с равнодушием, и сплетничали, глядя на то, как она выходит из бассейна, подхватив полотенце кончиком пальца и поглаживая себя по рукам, высыхая в сверкающем свете, отраженном от Сены. Лили смотрела на течение реки, и думала, что все возможно, потому что она и Герда покинула Данию. Лили думала, что на берегах, залитых водой Сены, она будет свободна. Париж освободил ее. Герда освободила ее. Лили думала, что Эйнар ушел. Эйнар отпустил ее. Дрожь пробежала по ее влажному позвоночнику, а плечи содрогнулись.

Перед раздевалкой, вернув розовое полотенце дежурному, Лили сняла купальное платье так, будто находилась в сильном трансе. Ее поглотили мысли о своей жизни и о реальности происходящего. Лили слегка вздохнула, когда обнаружила, что между ее покрытых гусиной кожей бедер лежала сморщенная плоть. Ей было так противно, что она захлопнула бедра; спрятала ее, сомкнув колени. Лили услышала приглушенный звук, словно звякнули две тарелки. Звон разрастался, напоминая Лили и Эйнару о девушках у мадам Жасмин-Картон, которые неторопливо плясали, скрестив колени так, что он мог чувствовать их привкус даже сквозь мутное стекло.

Эйнар был маленьким датским человеком, перерождавшимся в раздевалке для лучших балов Парижа. Сначала он был смущен, и его лицо оставалось пустым в ручном зеркале. Он не знал, где находится, не мог даже разобрать полоски с обратной стороны кабины. Эйнар не узнавал плеск воды от дам, плавающих кругами. На вешалке раздевалки висело простое коричневое платье с поясом, на полу стояли черные туфли на каблуках. Рядом лежал кошелек с несколькими монетами и губной помадой, а так же шифоновый шарф с грушами. Внезапно Эйнар подумал, что даже являясь мужчиной, не сможет вернуться в квартиру, не надев всю эту одежду. Затем он посмотрел на двойную нить датских янтарных бусин. Его бабушка всю жизнь носила их. Когда она занималась сельским хозяйством на сфагновых полях, бусины на ее шее щелкали по груди, когда она нагибалась, чтобы заполнить яму красной лисицы. Она отдала бусы Герде, которая ненавидела янтарь, а Герда отдала их Эйнару. А Эйнар вспомнил, что отдал их маленькой девушке по имени Лили.

Осознание приходило к Эйнару очень медленно. Задумавшись о янтарных бусинах, он вздрогнул от стука дежурного в дверь раздевалки, когда тот снова поинтересовался, не нужна ли мадемуазель помощь. Эйнар как можно быстрее надел коричневое платье и туфли, сгорая от стыда и сжимая пояс. Теперь ему казалось, что он ничего не знает о хитрых застежках женского платья. В его кошельке было несколько франков, но Эйнар решил не брать такси обратно до дома, потому что было бы слишком неудобно пересекать на нем улицы Парижа. Шарф висел на спинке стула, трепыхаясь сам по себе, и Эйнар не мог повязать его на голову или на шею. Казалось, шарф мог задушить его - этот прозрачный шифон с желтыми грушами, будто бы принадлежавший теперь кому-то другому.

Эйнар в одежде Лили и с резиновой шапкой для купания, которая еще была на его голове, вышел из дамского бассейна, бросив франк в протянутую руку дежурного. Его взгляд скользнул по поверхности бассейна под шепот сплетен французских леди, которые останутся сидеть у бассейна до тех пор, пока не придет время возвращаться домой и помогать своим польским служанкам готовить обед для своих детей, а

неряшливый Эйнар с красными глазами в одежде Лили вернется к Герде, которая еще утром подготовила холст и сделала набросок новой картины с Лили.

Однажды, в начале мая, Эйнар сидел на скамейке под изгородью деревьев. Ветер разбрасывал струйку фонтана, бросая капли к ногам и окрашивая песчаный гравий в темный. Утром Лили плавала. Затем Эйнар побывал у мадам Жасмин-Картон и увидел через маленькое черное окно, как мужчина и женщина занимаются любовью на полу. Это стоило ему в три раза дороже обычного вступительного взноса. Мадам Жасмин-Картон рекламировала зрелище в течении месяца на карточках, прикрепленных над окнами.

Карта заметок с аккуратно распечатанной информацией о публичной связи напомнила Эйнару о записках, при помощи которых Лили и Герда связывались друг с другом в первые дни в Дании. В воздухе словно запахло Копенгагеном, неспособным выдержать звук тех секретов, которые они с Гердой должны были сказать друг другу.

Парень за окном был высоким и стройным. Не более чем подросток с синевато-белой кожей, сонными голубыми глазами и ребрами, которые можно было пересчитать. Он быстро снял дешевый твидовый костюм, а затем помог женщине, которая была старше него, выбраться из платья. Не считая себя, Эйнар никогда не видел сексуально возбужденного мужчину; его пенис выглядел как копьё, направленное по своей траектории. Парень краснел, дрожал и злился. Женщина легко поняла и как раз в этот момент получила удовольствие. Они метались по полу темного полукруглого помещения, прижимаясь к каждому окну, в одном из которых виднелось лицо человека достаточно взрослого, чтобы быть дедушкой Эйнара.

Парень быстро кончил, и его семя вылетело тяжелой дугой в морщинистое лицо женщины. Затем он встал и поклонился. Держа твидовый костюм свертком подмышкой, он вышел из комнаты. Только тогда, посмотрев на свои колени, Эйнар обнаружил соленое пятно, словно он опрокинул чашу с морской водой. Эйнар знал (ему казалось, что он всегда это знал), что ему хотелось, чтобы парень проделал то же самое с Лили. Поцеловал бы ее перед тем, как ее грудь раскраснелась, и его рот скривился от удовольствия.

После этого визита к мадам Жасмин-Картон Эйнар оказался на лавочке. Он распахнул пальто, чтобы дать высохнуть брюкам, которые он отмыл в уборной. Дети толкали обручи по гравийным дорожкам и брызгались в фонтане, а одна девчушка управляла бумажным змеем в форме летучей мыши. Итальянские гувернантки с припаркованными по кругу колясками громко разговаривали. Эйнар отвернулся от них,

смущенный пятном на своих брюках. Когда утром он был в бассейне, солнце было теплым, но теперь оно скользнуло за облака. Колени Эйнара не высохли. Влажная шерсть напоминала ему собак из деревни Блютус, когда они возвращались с охоты на лягушек. Собаки были мокрыми, их шерсть была влажной, и Эйнару никогда не забыть этот сырой запах.

Маленькая девочка с воздушным змеем вскрикнула. Леска выскользнула у нее из рук, и теперь змей метался в небе. Когда змей упал, девочка указала на него пальцем и побежала, а бант в волосах шлепал ее по ушам. Гувернантка закричала, чтобы девочка остановилась. Женщина выглядела рассерженной, ее итальянское лицо стало красно-бурым. Она крикнула девочке по имени Мартина ждать ее у коляски. Змей падал, бумага черного цвета трепыхалась на ветру, а затем змей упал рядом с ногой Эйнара.

Гувернантка схватила смятого бумажного змея симпатичной рукой и что-то прошипела. Затем она взяла Мартину за запястье и потащила ее к коляске. Остальные гувернантки стояли под деревьями, а их коляски ютились у бордюров. Вернувшись к остальным, Мартина и ее гувернантка с подозрением посмотрели через плечо, а затем уехали. Скрип их колясок медленно затихал.

Эйнар знал, что что-то должно измениться. Он превратился в человека, которого боялись гувернантки в парке. Человек с подозрительным пятном на одежде. Стоял май 1929, и Эйнар решил дать себе ровно год. Парк тускнел, солнце скрывалось за облаками. Живая изгородь из деревьев со свежими дрожащими листьями выглядела холодной. И снова ветер сбил струю воды из фонтана и распылил ее на гравий.

Если ровно через год с Лили и Эйнаром ничего не разрешится, он придет в парк и убьет себя.

Это решение заставило Эйнара выпрямиться. Он больше не мог выносить хаос в своей жизни. У Герды был серебряный пистолет из Калифорнии. Она выросла с ним, заправленным в чулок. Если через год ничего не изменится, Эйнар вернется в парк и под черной майской ночью приставит пистолет к виску.

Эйнар услышал шаги и поднял взгляд с колен. Это была Мартина в своем желтом фартуке. Девочка выглядела испуганной, но восторженной. Она подошла ближе и протянула свою мягкую руку. Между девочкой и Эйнаром лежал хвост воздушного змея - прядь тряпья на веревке. Мартина улыбнулась, а потом нахмурилась, и Эйнар понял, что она хочет дружить с ним. Она схватила хвост и рассмеялась. Смеясь, Мартина сказала "мерси", и все, что Эйнар знал о себе, сжалось в одно: хлопковый фартук обтягивает его талию; его голова в руках Герды; Лили в желтых туфлях в Доме Вдовы; сегодня утром Лили плавала в бассейне; Эйнар и Лили были

едины, но пришло время разделить их на две части. У него остался один год.

- Мартина! Мартина! - позвала ее гувернантка. Обувь Мартины просела сквозь гравий.

«Один год», - сказал себе Эйнар.

- Мерси! - весело сказала из-за плеча Мартина. Она помахала рукой, а Эйнар и Лили помахали в ответ.

Глава 14

Герде никогда не работалось сложнее, чем спустя три года жизни в Париже. По утрам, когда Лили занималась покупками или купанием в бассейне, Герда выполняла свои задания для журналов. Редактор из “Ла Ви Паризиен”, звонящий почти каждую неделю, впадал в суетливые разговоры, требуя как можно быстрее написать последнюю постановку оперы “Кармен”, или сделать эскиз, сопровождающий рассказ о выставке костей динозавра в Гран-пале.

«На самом деле, нет необходимости приниматься за такую работу», - говорила себе Герда. Ее имя появлялось в журналах несколько лет, а редактор всегда кричал по телефону о потребностях в художественных работах. Герда зажимала телефонную трубку между подбородком и плечом, глядя, как Лили выскальзывает из квартиры:

- О, почему бы и нет? Да! Я сделаю эскиз!

«Да, я сделаю его к утру», - подумала про себя Герда.

- Я действительно должна идти, - сказала она, положив трубку, а затем подошла к окну, чтобы посмотреть на уходящую прочь к Марис Бери Лили в розовом весеннем пальто при свете дня, ярком на фоне тусклого дождя со стороны улицы. Настоящая работа Герды начнется только когда вернется Лили. Она приготовит чашку чая для Лили, и скажет: «Присядь тут». Герда посадит ее на табурет, рядом с горшечной пальмой, и поставит блюдце с чашкой чая в руки Лили.

Независимо от погоды, Лили всегда возвращалась замерзшей, и ее руки дрожали. Герда боялась, что ее организму не хватает белка, но не могла заставить Лили есть больше. Кровотечения возвращались раз в две недели, - медленные капли крови, пробивающиеся над верхней губой Лили. Затем Лили ложилась в постель на несколько дней, словно эти малиновые капли отнимали у нее всю энергию. Герда водила Эйнара к одному или двум французским врачам, но как только они начинали расспрашивать их (“есть ли что-нибудь еще, что я должен знать о вашем муже?”), она понимала, что у всех у них будет не больше ответов, чем у доктора Хекслера. Герда волновалась, когда Лили лежала в постели, просыпаясь днем и окрашивая простыни, которые Герда позже бросала в мусоросжигательный завод за квартирой. Но спустя несколько дней, иногда через неделю, кровотечение прекращалось так же быстро, как и начиналось.

- Как скучно провести неделю в постели, - говорила Лили, бросая подушку на ковер.

Если бы Герда посчитала свои картины, то обнаружила бы, что на данный у нее момент около ста работ с Лили: Лили купается в бассейне, Лили на свадьбе, Лили осматривает морковь на рынке. Но большая часть

картин изображала Лили на фоне пейзажей, на вереске, в оливковых рощах, напротив голубого моря Каттегат. Глаза у Лили всегда карие и огромные, подчеркнутые тонким изгибом ее выщипанных бровей. Волосы заправлены за ухо, чтобы показать янтарную сережку, свисающую на шею.

Эйнар больше не писал.

- Мне трудно представить себе болото, - говорил он из своей студии, где были аккуратно сложены его холсты и краски. Он продолжал по привычке заказывать в Мюнхене бутылки с краской, хотя лучшие в мире краски продавались через реку в Севилье, где продавец держал вечно беременную кошку, чей вздутый живот касался пола. Вместе со своим хозяином кошке нравилось посещать человека по имени Дю Бруль, который часто говорил, что его козлиная борода дергается, когда к нему приходит самая важная покупательница.

- Некоторые полагают, что дама не умеет рисовать, - сказал он, когда кошка влезла в коробку с бутылками краски, завернутыми в газетную бумагу, и постанывала, словно собралась рожать.

Центральная комната квартиры на улице Вьей Дю Тампль была достаточно большой для длинного стола и двух стульев для чтения у газового камина. В комнате стояла красная бархатная тахта, большая и круглая, с мягкой колонной, поднимающейся из ее центра, как в обувных магазинах, и дубовое кресло-качалка с коричневой кожаной подушкой, присланной из Пасадены.

Герда начала называть квартиру "коттедж", хотя с ее потолками и двустворчатыми дверьми с медными замками, отделяющими комнаты. квартира не была похожей на коттедж. Но почему-то эта квартира заставляла Герду вспоминать о коттедже на обочине Арройо-Секо, в который они с Тедди приехали после того, как покинули Бейкерсфилд. Солнечный свет, льющийся из кирпичного дворика, каждый день помогал просыпаться Тедди с новой идеей о том, какой горшок выйдет из-под его колеса, или какие из двух цветов надо смешать для глазури. Когда они с Гердой жили там, Тедди работал быстро и свободно. В саду на заднем дворе росло дерево авокадо, которое приносило больше плодов, чем они могли съесть и раздать.

- Я хочу быть похожим на дерево авокадо, - сказал Тедди, - хочу постоянно что-то производить.

Теперь, в Париже, в коттедже, Герда думала о себе, как о дереве авокадо. Ее кисти, словно ветки, а картины с Лили - словно листья, которые продолжали падать и падать.

Некоторое время Герда сожалела, что Эйнар забросил свою карьеру. Многие его картины висели в квартире в красивых рамках. Они были постоянным и иногда печальным напоминанием об их перевернутых жизнях. Так было, по крайней мере, для Герды. Эйнар никогда не признавался, что скучает по жизни художника. Но Герда иногда скучала по нему, и ей было трудно понять, как человек, потративший всю свою жизнь на рисование, может просто остановиться. Она предположила, что его старое стремление - необходимость превратить холст в совокупность идей и страхов, - теперь воплотилось в Лили.

Через год после переезда Герды и Эйнара в Париж Ханс начал продавать картины с Лили. С появлением журналов имя Герды воспарило в Париже: в кафе вдоль бульвара Сен-Жермен, в салонах, где художники и писатели лежали на коврах из зебры, попивая дистиллированные ликеры из желтых слив. Герда пыталась держаться подальше от их круга, который собирался ночью на двадцать седьмой улице Де Флюса. Она относилась к ним с подозрением, и они это знали. Их ночные сплетни о том, кто из художников был или не был современным, не интересовали Герду. Она знала, что в их обществе остроумия и пустоты нет места для Лили и Эйнара. Но спрос на картины с Лили продолжался, и как только Герда почувствовала, что не успевает писать, у нее появилась идея. Она рисовала Лили в полях люцерны в сельской Дании. Позируя для такой картины, Лили стояла в студии, уперев руки в бедра. С портретом Лили Герда управлялась достаточно легко, хотя ей приходилось воображать на лице Лили мягкий датский солнечный свет, но фон поля с травой, растущей за спиной Лили, не очень интересовал Герду. Чтобы правильно нарисовать траву и далекие озера, Герде понадобилось бы несколько дней. Сначала должен был высохнуть горизонт, затем озера, затем первый слой травы, затем второй и третий.

- Ты не хочешь закончить это для меня? - однажды спросила Герда Эйнара. Стоял май 1929 года, и Эйнар отсутствовал весь день. Он вернулся в квартиру, сказав, что провел день в местечке Вогезы.

- Смотрел, как дети играют с воздушным змеем.

Он выглядел особенно худым в своем твидовом костюме и с пальто в руках.

- Все в порядке? - спросила Герда, развязывая ему галстук. Затем она пошла приготовить себе чашку чая. В плечах Эйнара Герда увидела печаль, новую меланхолию, которая была намного чернее, чем все, что Герда видела прежде. Они сжались. Его руки были холодными и безжизненными.

- Я не успеваю. Почему бы тебе не начать писать некоторые мои фоны? Ты лучше меня знаешь, как должно выглядеть поле люцерны.

Эйнар подумал об этом, сидя с Эдвардом VI на коленях. Его рубашка была помята, рядом с ним на столе стояла тарелка с грушами.

- Думаешь, я смогу? - спросил он.

Она провела его в свою мастерскую, и показала полузаконченный портрет.

- Я думаю, что на горизонте должно быть озеро с чайками, - сказала она.

Эйнар уставился на недорисованную картину. Он смотрел на нее безучастно, словно не узнавал девушку, изображенную на ней. Затем понимание медленно наполнило его глаза.

- Кое-чего не хватает, - сказал он, - да, должно быть озеро, а также одна ива, растущая у берега ручья. И, возможно, дом. Слишком далеко, на горизонте. Просто обозначь его как бледно-коричневое пятно. Но, возможно, там будет ферма.

Большую часть ночи Эйнар провел с картиной, пачкая краской рубашку и брюки. Герда была рада снова увидеть его за работой. Она уже начала думать о других картинах, которые могла бы разделить с Эйнаром. Даже если это означало, что Лили будет меньше появляться днем, Герда хотела, чтобы Эйнар работал. Готовясь ко сну, она слышала из своей мастерской звон стеклянных бутылок с краской. Она не могла дождаться утра, чтобы позвонить Хансу и сказать, что Эйнар снова пишет; что она нашла способ создавать еще больше картин с Лили.

- Ты никогда не поверишь, кто мне помогает, - скажет она.

Воспоминания трехлетней давности о Хансе на северном вокзале снова вернулись к ней. Это было, когда они с Эйнаром впервые приехали в Париж и записали в своей книжке лишь несколько адресов. Ханс ждал их на вокзале, в шубе из верблюжьей шерсти, словно бежевая колонна в толпе черной шерсти.

- Все будет хорошо, - заверил он Герду, целуя ее в щеку.

Ханс обхватил обеими руками шею Эйнара и поцеловал его в лоб. Он отвез их в гостиницу на левом берегу, в нескольких кварталах от Школы Изящных искусств, затем поцеловал их на прощание. Герда вспомнила, что Ханс встретил их с распростертыми объятиями, а затем быстро исчез. Она смотрела, как его голова исчезла за дверью в фойе. Должно быть, Эйнар испытывал то же разочарование, что и Герда.

- Ты думаешь, Ханс не хотел, чтобы мы приезжали? - спросил он. Герда тоже задавалась этим вопросом, но напонила Эйнару, насколько Ханс занят. По правде говоря, она чувствовала серьезное недовольство Ханса в его позе, - такой же прямой и стальной, как одна из колонн, поддерживающих крышу станции.

- Ты думаешь, мы слишком датчане на его вкус? Слишком провинциальные? - спросил Эйнар, и Герда, которая посмотрела на

своего мужа с карими глазами и дрожащими пальцами, с Эдвардом VI на руках, ответила:

- Это он. А не мы.

В отеле они заняли две комнаты, отделанные красным, одна из которых имела занавешенную нишу. Фактотум** с гордостью заявил, то Оскар Уайльд провел в этом номере свои последние две недели своей жизни.

- Он находился в нише, - сказала владелица с опущенным подбородком.

Герда не обратила внимания на эту историю. Она казалась слишком удручающей и давила на Эйнара. Они жили в этих двух комнатах в течении нескольких месяцев, пока искали квартиру. Через несколько дней отель с его обоями и пятном ржавчины в раковине, словно от кровотечений, стал скучным. Эйнар настоял на том, чтобы заплатить за жилье, не дотягивающее до лучших квартир, имеющих в отеле "Рейн" или "Эдуард VII".

- Там действительно не придется терпеть, - сказала Герда, предложив ему более роскошную обстановку, возможно, вид, и приличную горничную, которая подает вечерний кофе.

- Ты действительно терпишь? - спросил Эйнар, заставив Герду бросить эту тему. Пока они путешествовали, Герда почувствовала напряжение между ними.

В углу номера стояла небольшая печка, на которой Герда кипятила воду для кофе. Они с Эйнаром спали в нише, в постели, провалившейся посередине. Они поставили ее рядом со стенкой, разделявшей соседние комнаты. Эйнар поместил в своей половине номера мольберт. Герда заняла вторую комнату, чувствуя облегчение, когда захлопнулась дверная защелка, и она, наконец, осталась одна. Но беда была в том, что Герда не могла рисовать одна. Ей нужна была Лили.

Они жили в Париже всего месяц, когда Герда сказала:

- Я хочу отпраздновать наш приезд вместе с Лили.

Герда увидела ужас в глазах мужа, его зрачки расширились и сужались. Лили еще не появлялась в Париже. Это была одна из причин, по которой они покинули Копенгаген. После визита к доктору Хекслеру от него пришло письмо. Герда открыла письмо и прочитала угрозу Хекслера сообщить об Эйнаре и Лили в органы здравоохранения.

«Он может стать опасным для общества».

Герда представила, как доктор Хекслер диктует письмо через шланг с воронкой на конце рыжей медсестре. Письмо шокировало ее тем, что все, кроме Герды, считали своим долгом вмешаться в будущее Лили, и это

глубоко ее огорчило. Когда Эйнар, вернувшись домой из поездки с Анной, вошел в квартиру, Герда быстро бросила письмо в железную печь прежде, чем успела себя остановить.

- Ханс написал, - сказала она, - он считает, что мы должны переехать в Париж.

Затем она добавила:

- И мы переедем немедленно.

Лили прибыла в Париж, постучав в дверь гостиничного номера Герды. Волосы Лили стали длиннее. Они были темного коричневого цвета, с блеском хорошей мебели. Их украшал гребень, усыпанный мелким жемчугом. На Лили было платье, которого Герда раньше не видела. Это было пурпурное шелковое платье с глубоким вырезом, спускавшимся к груди.

- Ты купила новое платье? - спросила Герда.

По какой-то причине этот вопрос заставил Лили покраснеть. Пятна красного цвета вспыхнули на ее горле и груди. Герде было любопытно, насколько Эйнар изменился. Стали ли его груди достаточно рыхлыми, чтобы сдавить их новым корсетом, или же он подложил себе пару искусственных?

Герда и Лили пошли к Дворцу Гарнье, чтобы послушать Фауста. Герда немедленно обратила внимание на людей, заметивших Лили, когда та плыла вверх по лестнице с золотыми перилами.

- Тот мужчина с черными волосами смотрит на тебя. Если мы не будем осторожны, он может подойти.

Их места располагались рядом с парой, которая только что вернулась из Калифорнии.

- Двенадцать месяцев в Лос-Анджелесе, - сказал мужчина, - моей жене пришлось вырвать меня.

Мужчина упомянул о посещении Пасадены в Новый год, где они посмотрели Фестиваль Роз.

- Даже в гривы лошадей были заплетены цветы, - сообщила жена.

Затем началась опера, и Герда откинулась на спинку стула. Но ей было трудно сосредоточиться на докторе Фаусте, терзавшегося в своей темной лаборатории, пока по правую руку от нее сидела Лили, а слева от Герды сидел мужчина, недавно вернувшийся домой с Апельсинового бульвара. Ноги Герды дрожали, и она бездумно терла кость на запястье. Герда знала, что сегодня что-то начало раскрываться. Что Карлайл говорил о ней? «Не останавливай старую-добрую Герду, когда она начнет движение. Никто не сможет остановить ее»?

В антракте Лили и жена мужчины извинились и вышли. Мужчина среднего возраста с бородой наклонился к Герде и спросил:

- Есть ли какой-нибудь способ увидеть вашу кузину позже?

Но Герда отказала ему во встрече с Лили в Опере. Так же, как позже она откажется от своих собственных желаний - откажется, потому, что едва узнавала их.

Когда они с Эйнарсом жили в отеле Оскара Уайльда, Ханс встретил Герду в темном вестибюле и проводил ее до своего офиса на улице Риволи. Ханс согласился поговорить с ней о ее карьере. Но в какой-то момент, когда они пересекали Понт-Неф, рука Ханса легла на ее спину, и он сказал:

- Полагаю, мне не нужно говорить, какая ты хорошенькая.

Когда это произошло в первый раз, она убрала его руку, полагая, что Ханс, должно быть, сделал это случайно. Но затем это случилось снова, через неделю. И опять. В четвертый раз Герда сказала себе, что не может позволить ему так трогать ее. Как ей снова смотреть в глаза Эйнару? - подумала она, пока рука Ханса ласкала ее спину, когда они переходили реку. При этом Герда не чувствовала ничего ни внутри себя, ни снаружи. Это была всего лишь рука на ее спине. Герде лишь пришло в голову, что ее муж не трогал ее очень давно.

Ханс и Герда продолжили общение в кабинете без окон, за передней комнатой с картотекой, в которой Ханс искал имена контактов для Герды. Он открыл папку, провел пальцем по списку покровителей, и сказал:

- Вы должны написать ему... и ему... но обязательно избегайте его.

Стоя рядом с Хансом, Герде показалось, что ощутила его пальцы на своей руке, но это было невозможно, так как он держал папку обеими руками. Герде казалось, что она снова ощущала его прикосновение на своей спине, но нет - Ханс не выпускал папку из рук.

- Как ты думаешь, у нас все будет в порядке? - спросила она.

Улыбка чуть не сломала губы Ханса.

- Что ты имеешь в виду?

- Эйнар и я. В Париже. Как ты думаешь, мы можем нормально здесь устроиться?

Улыбка исчезла с лица Ханса.

- Да, конечно. И у вас есть друг.

Затем Ханс добавил:

- Но не забывайте обо мне.

Его лицо почти незаметно прижалось к ней. Между ними что-то было - не папка, а что-то еще. Они ничего не сказали друг другу.

“Но Ханс не предназначен для меня”, - подумала Герда. “Если у кого-то и должен быть Ханс, то это должна быть Лили”. Даже при том, что в заднем офисе было прохладно, она внезапно почувствовала тепло и липкость, словно покрытую влажной пленкой грязи. Неужели она сделала что-то необратимо неправильное?

- Я хочу, чтобы ты стал моим дилером, - сказала она, - я бы хотела, чтобы ты поработал с моими картинами.

- Но я работаю только со старыми мастерами и картинами девятнадцатого века.

- Может быть, тебе пора начать работать с современными художниками?

- Но это не имело бы никакого смысла. Послушай, Герда, я кое-что хотел сказать тебе, - он подошел ближе к ней; папка все еще была в его руке. Свет в комнате был серым, и Ханс выглядел как подросток, еще не привыкший к своему новому, более крупному телу.

- Не произноси больше ни слова, пока не согласишься работать со мной.

Герда нехотя перешла на противоположную сторону стола. Между Гердой и Хансом лежала настольная бумага. Герде вдруг захотелось позволить ему удержать себя и не дать убежать в гостиничный номер через Понт-Неф, где дрожа у печки, ее ждал Эйнар.

- Позволь мне сказать так, - сказала она, - я даю тебе шанс взять меня в дело прямо сейчас. Если ты решишь не делать этого, я уверена, ты когда-нибудь пожалеешь об этом.

Она потеряла мелкий шрам на щеке.

- Почему же я пожалею об этом?

- Ты пожалеешь об этом, потому что в один прекрасный день ты скажешь себе “я мог бы ее представлять. Герда Вегенер могла быть моим открытием”.

- Но я и не отсылаю тебя, - сказал Ханс, - разве ты не понимаешь? Но Герда поняла. По крайней мере, она понимала намерения Ханса. Чего она не могла понять, так это торопливого сердцебиения, словно полет колибри в груди. Почему она не осуждала Ханса за то, что он сделал такой неприятный шаг? Почему она не напоминала ему, насколько это повредит Эйнару? Почему она не могла заставить себя произнести его имя?

- Это сделка? - спросила она.

- Что?

- Ты собираешься представлять меня, или мне придется уйти?

- Герда, будь разумной.

- Я думаю, что это самый разумный ответ, который я могу дать.

Оба стояли, опираясь на противоположные концы стола. Стопки документов сдерживались бронзовыми пресс-папками в форме лягушек. На каждой Герда видела его имя - Ханс Аксгил, Ханс Аксгил, Ханс Аксгил. Это напомнило ей о том времени, когда она была маленькой, и писала в тетрадке свое имя: «Герда, Герда, Герда».

- Я сделаю это, - сказал он.

- Что?

- Представлю тебя.

Герда не знала, что сказать. Она поблагодарила его и собрала вещи, протянув руку:

- Полагаю, рукопожатие уместно, - сказала она.

Ханс взял ее за руку, и ее рука потерялась в его руке, почти зажатая в ловушку; но потом он отпустил ее.

- Принеси мне несколько картин на следующей неделе, - сказал он.

- На следующей неделе, - ответила Герда и вошла в переднюю комнату офиса Ханса, где солнечный свет и городской шум лились в окна, и хлопала печатная машинка клерка.

**La Vie Parisienne - “Ла Ви Паризиен”, дословно «Празжская жизнь», - модный в 20-х годах 20 века еженедельник, освещавший светскую жизнь Парижа.*

***Фактотум - доверенное лицо, исполняющий поручения приближенный человек.*

Глава 15

Запах крови разбудил Эйнара. Он встал с постели, стараясь не тревожить Герду. Во сне она выглядела обеспокоенной, ее лицо исказилось.

Кровь стекала по внутренней стороне его бедра медленной горячей линией. Пузырь крови стекал из его ноздри. Эйнар проснулся, как Лили.

В запасной спальне лучи рассвета падали на шкаф из морёного ясеня. Герда отдала верхнюю часть шкафа Лили. Нижние ящики оставались заняты Гердой, и были заперты на замок.

В зеркале Лили увидела свой окровавленный нос и ночную рубашку с единственным пятном крови. Лили не похожа на Герду. Кровь никогда не волновала ее. Кровотечения приходили и уходили, и Лили засыпала и просыпалась с ними, как отрешенная. Это было частью ее жизни, считала она, одеваясь, перебирая юбку на бедрах и расчесывая волосы.

Наступил июнь, и прошел месяц с тех пор, как Эйнар, сидя на скамейке в парке, решил, что ему придется расстаться с Лили. Лили чувствовала угрозу, словно время уже не было бесконечным.

У рынка Бюсси уже высохла утренняя роса. На рынке находились ряды продавцов, у каждого из которых был прилавок, защищенный цинковой крышей. Продавцы раскладывали изделия из потрескавшегося фарфора и стеллажи с одеждой. Одна женщина продавала только украшения из слоновой кости. У другого человека была коллекция балетных тапочек, с которыми он с трудом расставался. И еще была женщина, продававшая прекрасные юбки и блузки. Ей было за сорок, она носила короткие седые волосы, и ей не хватало нескольких передних зубов. Ее звали мадам Ле Бон, она была родом из Алжира. На протяжении многих дней она знала вкус Лили, и охотилась на распродаже в Пасси за женственными юбками, которые она любила, и белыми блузками с аппликацией на воротнике. Госпожа Ле Бон знала размер обуви Лили и помнила, что Лили не будет носить туфли, которые обнажают ее неистовый носок. Она покупала для Лили лифчики, маленькие в бюсте, и старомодные корсеты из китового уса, которые помогали ей с этой проблемой. Госпожа Ле Бон знала, что Лили нравятся кристаллические серьги-капли, а зимой – крохотная меховая муфта.

Лили просматривала товар мадам Ле Бон, когда заметила молодого человека с высоким лбом, покупавшего книжки с картинками в соседнем ларьке. Его верхнее пальто висело на руке, а чемодан с холстом стоял у его ног. Он держался под странным углом, словно сместил весь свой вес на одну ногу. Человек казался незаинтересованным в книжках с картинками. Он листал страницы, а затем переводил взгляд на Лили. Дважды их глаза встретились, а через секунду он улыбнулся.

Лили отвернулась, держа в руках клетчатую юбку.

- Очень мило, - сказала мадам Ле Бон, стоя на стуле. Она создала небольшую примерочную, подвешивая простыню к прачечной.

- Примерь, - сказала она, натягивая ткань.

Сквозь простынь внутрь примерочной попадал солнечный свет. Юбка хорошо села на фигуру. Из-за простыни Лили слышала голос иностранца, спрашивающего мадам Ле Бон, продает ли она мужскую одежду.

- Боюсь, для тебя ничего нет, - ответила она, - только для твоей жены.

Иностранец засмеялся. Лили слышала, как вешалки гремят по трубе стойки. Когда она вышла из примерочной, мужчина складывал и разворачивал кардиганы на столе. Он провел пальцами по перламутровым пуговицам и проверил манжеты на износ.

- У вас есть хорошие вещи, - сказал он, улыбаясь сначала мадам Ле Бон, а затем и Лили. Его голубые глаза были большими, а на щеках красовались ямочки. Мужчина был высоким, и ветер донес запах его лосьона после бритья. Закрыв глаза, Лили могла представить, как он наливает желтый тоник на ладони, а затем хлопает себя по шее, словно она уже знала его.

Мадам Ле Бон завернула юбку в клетку. Мужчина оставил кардиган, подошел к Лили и нежно коснулся ее.

- Простите меня, - медленно сказал он на французском, - мадемуазель... - мужчина поплелся за Лили, - я просто заметил ...

Но Лили не хотела с ним разговаривать. Только не сейчас. Она взяла пакет с юбкой, быстро поблагодарила госпожу Ле Бон и нырнула за прилавок в следующую будочку, где лысый человек продавал поврежденные фарфоровые куклы.

Когда Лили вернулась домой, Герда прибиралась, обводя квартиру влажной тряпкой. Сегодня утром должен был приехать Карлайл для летнего свидания. Квартира нуждалась в уборке. В углах клубились комья пыли, но Герда отказалась нанять горничную.

- Мне она не нужна, - сказала она, убирая пыль перчатками, - я не из тех женщин, у которых есть горничная.

По правде говоря, именно такой она и была.

- Он будет здесь через час, - сказала Герда. Коричневое шерстяное платье прилипло к ней, - ты останешься одетым, как Лили? - спросила она.

- Я думал, что могу...

- Но я не думаю, что он должен встретиться сначала с Лили. Не раньше, чем с Эйнармом.

Герда была права. И все же, часть Эйнара хотела, чтобы Лили первой встретила Карлайла, как если бы Лили была лучшей половиной. Он повесил клетчатую юбку в платяной шкаф и разделся вплоть до стриженного шелкового нижнего белья. Шелк был мягким и серым, как устрица. Когда Эйнар шел, белье издавало едва слышный шелест. Он не хотел заменять шелковое нижнее белье шерстяными шортами и майкой, от которых зудело тело, и было жарко в такой теплый день. Эйнар не хотел полностью прятать Лили. Он терпеть не мог этого. Закрыв глаза, Эйнар видел только Лили, но не мог представить себе картину, в которой Лили встречается с Карлайлом

Он надел брюки, затем вышел из квартиры.

- Куда ты идешь? - спросила Герда, - он будет здесь с минуты на минуту!..

Небо было безоблачным. Здания бросали на улицу длинные прохладные тени. Корзина в канаве промокла. Эйнар чувствовал себя одиноким. Ему показалось, что никто в мире не знает его. Ветер пробежал по улице. Казалось, что он пробирается сквозь ребра. Эйнар подошел к короткой улице к северу от Ле-Аль*. Вокруг было малолюдно. Прислонившись к дверной раме, стоял владелец табачной лавки; толстая женщина ожидала автобуса; быстро идущий человек в слишком тугом для него костюме сжимал в руках котелок. На лестнице в коридоре у номера двадцать два, ведущего к двери мадам Жасмин-Картон, лежал платок с пятном от вина.

- Сегодня вы рано, - сказала она, поглаживая кошку.

Она передала Эйнару ключ от зала номер три. Этот номер стал его привычной комнатой. Кресло, покрытое зеленой шерстью; два окна с черными шторами на противоположных концах комнаты, и всегда пустая корзина из проволочной сетки - слабая иллюзия того, что кроме Эйнара комнатой больше никто не пользовался. Эйнар всегда поднимал шторы на окне справа. Он потянет за тугий шнур, и штора свернется. Он не мог сосчитать, сколько раз сидел в зеленом кресле, наблюдая, как клубится дым в окне, а девушка с обнаженными гениталиями танцует за окном. Это стало почти ежедневной привычкой, как плавание в бассейне или прогулка до угла улицы Этьен-Марсель, чтобы забрать почту с главпочтамта, большая часть из которой предназначалась Герде. И мадам Жасмин-Картон никогда не предъявляла ему счет менее, чем в пять франков. Она никогда не предлагала скидку, хотя Эйнар не был уверен, хотел бы он ее получить, или нет. Однако, мадам Жасмин-Картон позволяла ему оставаться в зале № 3 столько, сколько он хотел. Иногда он сидел в зеленом шерстяном кресле по полдня. Он спал там. Однажды он принес багет, яблоко, сыр Грюйер и пообедал, пока женщина с животом, висевшим, как песочный мешок, танцевала вокруг качающейся лошади.

Но Эйнар никогда не заглядывал за окно слева. Так было потому, что он знал, что оно скрывало. Каким-то образом он знал, что как только заглянет за него, то уже никогда не вернется к наблюдению за окном справа. Однако сегодня казалось, что в зале № 3 существует только одно окно, - маленькое черное слева. Поэтому Эйнар откинул штору в левом окне и заглянул в него.

За окном была окрашенная в черный цвет комната с деревянным дощатым полом, разделенным швом. На полу стояла небольшая коробочка, тоже окрашенная в черный цвет. Молодой человек поставил на нее одну ногу. Его ноги были волосатыми, и заставили Эйнара подумать о руках мадам Жасмин-Картон. Парень был среднего роста, немного мягким и гладковыбритым. Его язык высунулся изо рта, а руки лежали на бедрах. Он покачивал ими, из-за чего его полувозбужденный пенис с весом корюшки шлепал по ногам. По его улыбке Эйнар мог с уверенностью сказать, что мальчик влюблен в самого себя.

Эйнар не знал, сколько он наблюдал за тем, как мальчик подпрыгивает, как его член растет и сжимается, поднимаясь и опускаясь, словно рычаг. Эйнар не помнил, как упал на колени, но в такой позе на полу он пришел в себя. Он не смог вспомнить, как расстегивал брюки, но они оказались спущены на лодыжки. Он не помнил, когда снял пальто, галстук и рубашку, но они лежали в куче на зеленом кресле.

В комнате мальчика были и другие окна. И в одном, прямо напротив Эйнара, виднелся человек с легкой усмешкой на лице. Эйнар не мог различить ничего, кроме усмешки, которая будто бы освещалась личной лампой. Оттого, как пылала эта улыбка, казалось, что Эйнар понравился ему так же, как паренек. Но через несколько минут Эйнар разглядел глаза мужчины. Он заметил, что глаза были синими, и казалось, сосредоточились не на мальчике, у которого пенис теперь лежал в руке, а другая рука сжимала сосок размером с сантиметр, а на Эйнаре. Мужчина разомкнул губы, и его улыбка загорелась еще ярче.

Эйнар снял брюки и бросил их в зеленое кресло. Сейчас он был частично Эйнар, частично Лили. Человек в нижнем белье Лили и жилете, нежно спадавшем с ее плеч. Эйнар видел свое слабое отражение в стекле окна. По какой-то причине он не ощущал язвительности. Он почувствовал - это был первый раз, когда он когда-либо использовал это слово, чтобы описать Лили - она *красивая*. Теперь Лили чувствовала себя расслабленной: голые белые плечи и симпатичная маленькая впадинка у основания ее горла отражались в стекле. Казалось, что в мире не было ничего естественнее, чем мужчина, смотрящий на нее в интимном белье на ремешках. Внутри Эйнара что-то захлопнулось, промелькнув, как тень на холсте, и сказало ему как никогда ясно: Эйнар стал призраком. Без брюк и полосатого галстука, подаренных ему Гердой в его последний день рождения, осталась только Лили. Он знал это. Он знал это. Эйнару

оставалось одиннадцать месяцев. Его год ускользал. В маленькой комнате было тепло, и в своем отражении он увидел, как на лбу Лили выступил пылающий как полумесяц пот.

Танцовщик продолжал двигаться, не замечая Эйнара и другого мужчины. Глаза паренька были закрыты, бедра раскачивались, а на запястьях рук виднелись черные волосы. Человек в противоположном окне продолжал смотреть, и его улыбка расширилась еще больше. Свет каким-то образом изменился, и Эйнар увидел, что глаза незнакомца почти превратились в золото.

Стоя у окна, Эйнар начал ласкать свою грудь через одежду. Его соски были жесткими, болезненными. Когда он трогал их, в нем мелькало подводное чувство. Колени его стали слабыми, на спине выступил пот. Эйнар отступил от окна, чтобы мужчина смог лучше его видеть. Чтобы он увидел, как бедра Эйнара обернуты в шелк, а его ноги настолько же гладкие, насколько волосаты ноги танцовщика. Эйнар хотел, чтобы этот мужчина увидел тело Лили. Эйнар отступил достаточно далеко, чтобы мужчина смог разглядеть его полностью, и вот уже несколько минут ласкал себя, имитируя движения, которые он наблюдал в течение нескольких месяцев в окно справа.

Когда Эйнар снова подошел ближе к окну и заглянул в комнату, парня и мужчины уже не было. Внезапно Эйнар смутился. Как он пришел к тому, чтобы демонстрировать свое странное тело, свою мягкую грудь, бледные и мягкие бедра, серебристые под освещением, паре незнакомых людей? Он сел в кресло на груду одежды, прижав колени к груди. Затем раздался легкий стук в дверь. Последовало два удара. Затем снова.

- Да? - сказал Эйнар.

- Это я, - ответил мужской голос.

Эйнар ничего не ответил, оставшись сидеть в кресле. Это было то, чего он хотел больше всего на свете, но не мог заставить себя сказать это вслух.

Раздалось еще два удара в дверь. Во рту у Эйнара пересохло, сердце забилось в горле. Эйнар хотел, чтобы мужчина знал, что он в зале. Опустившись в кресле, Эйнар хотел, чтобы этот человек знал, что все в порядке. Но ничего не произошло, и Эйнар подумал, что... В этот момент в нем словно что-то оборвалось.

Но затем мужчина быстро вошел. Он стоял, прижимаясь наполненной дыханием грудью к его спине. Мужчина был ровесником Эйнара, но с сединой на висках. Темнокожий, с большим носом, одетый в черное пальто, застегнутое до горла. Вокруг него витал слабый соленый запах. Эйнар остался сидеть, а мужчина остановился в футе или двух от него и кивнул. Эйнар поднес руку ко лбу.

Мужчина улыбнулся. Его зубы выглядели острыми и угловатыми. Казалось, у него больше зубов, чем у остальных мужчин. На нижней челюсти все зубы были целыми.

- Ты очень красивая, - сказал мужчина.

Эйнар опустился на стул. Мужчине понравилось то, что он увидел. Он расстегнул пальто и распахнул его. Под ним пальто оказался шерстяной костюм бизнесмена в широкую полоску. Галстук был повязан в форме ромба, а мужчина выглядел опрятно, за исключением одного: его ширинка была расстегнута, и сквозь нее выглядывал пенис.

Мужчина шагнул к Эйнару. Еще шаг. Головка его члена выглядывала из-за крайней плоти. Пахло соленым, и Эйнару вспомнились пляжи Ютландии и Скагена, где тело его матери опустили в море в рыболовной сети, очищенной от жабр. Затем пенис мужчины оказался только в нескольких дюймах от его рта, и Эйнар закрыл глаза. В его голове пронеслась череда образов: бухта с водорослями, кирпичи торфа, уложенные в полях, и белый валун, покрытый слюдой. Ханс, поднимавший воображаемые волосы Эйнара, чтобы связать фартук на его шее.

Рот Эйнара приоткрылся. Он едва не почувствовал что-то горькое и теплое, и когда язык Эйнара вырвался изо рта, человек сделал последний шаг ближе. В тот момент, когда Эйнар понял, что Лили здесь, и очень скоро Эйнар должен будет исчезнуть, - именно в тот момент раздался тяжелый стук в дверь, а затем еще один. Это была мадам Жасмин-Картон, сердито и с отвращением кричащая, чтобы они немедленно вышли из зала. Ее кошка Мэй мяукала так же бурно, как хозяйка, будто кто-то наступил на ее давно потерянный хвост.

Был уже полдень, когда Эйнар вышел от мадам Жасмин-Картон. Она дала ему меньше минуты, чтобы одеться и покинуть помещение навсегда. Он оказался на черной улице, в помятой одежде и с галстуком в руке. Владелец табачного магазина стоял в дверях, поглаживая усы и глядя на Эйнара. На улице не было больше никого. Эйнар надеялся, что мужчина будет ждать у здания мадам Жасмин-Картон, что они пойдут в маленькое кафе за углом, чтобы выпить кофе, и, возможно, графин красного вина. Но мужчины не было. Лишь владелец табачной лавки и маленькая собака.

Эйнар вошел в туалет. Его металлические стены пахли влажностью. Рядом с писсуаром Эйнар поправил одежду и завязал галстук. Маленькая собака последовала за ним. В течение нескольких месяцев Эйнар подумывал о посещении Национальной библиотеки, и наконец отправился туда.

Библиотека занимала блок зданий, граничащих с улицей Вивьен, улицей Кольбер, улицей Ришелье и улицей де Петиц-Шамп. Ханс

организовал билет для Эйнара, написав в администрацию библиотеки от своего имени. Посреди кабинета стоял письменный стол, где Эйнар должен был заполнить свой бюллетень, зарегистрировав цель своего визита: исследование потерянной девушки. Он также написал на листах бумаги названия книг, которые хотел бы просмотреть. Библиотекарша была девушкой с пышными щеками и ракушечно-розовым лбом, закрытым челкой. Звали ее Энн-Мари, и она говорила так тихо, что Эйнар вынужден был наклониться к ее лицу и почувствовать ее арахисовое дыхание. Когда он вручил ей клочки бумаги с названиями полдюжины научных книг о сексуальных проблемах, она покраснела, но отправилась выполнять свою работу.

Эйнар сел за длинный стол для чтения. Студент, сидевший через несколько стульев от него, оторвался от своего блокнота и снова вернулся к работе. В комнате было холодно, в свете лампы плыли пылинки. Длинный стол был поцарапан. Шелест страниц заполнил комнату. Эйнар беспокоился, что выглядит подозрительно, придя в библиотеку в мятых брюках, и с прилипшим к нему слабым запахом пота. Не лучше ли ему найти уборную и посмотреть на себя в зеркало?

Энн-Мари принесла книги к его столу. Она сказала только:

- Мы закрываемся сегодня в четыре.

Эйнар провел рукой по книгам. Три из них были на немецком языке, две - на французском, а последние написаны в Америке.

Эйнар открыл самую последнюю под названием «Сексуальная текучесть», написанную профессором Иоганном Хоффманом и опубликованную в Вене. Профессор Хоффман проводил эксперименты на морских свинках и крысах. В одном из экспериментов он пересадил грудные железы крысе-самцу, достаточно богатые, чтобы прокормить детеныша второй крысы. «Беременность, однако, - писал профессор Хоффман, - остается неуловимой».

Эйнар оторвал взгляд от книги. Студент рядом с ним заснул на своем блокноте. Энн-Мари была занята погрузкой тележки. Эйнар подумал о себе, как о крысе-самце. В его голове крыса несется в колесе. Теперь она уже не может остановиться. Слишком поздно. Эксперимент продолжается. Что всегда говорила Герда? «Худшая вещь в мире - сдаваться!». Ее руки хлестали по воздуху, звенели серебряные браслеты. Она всегда это говорила. «Давай, Эйнар! Когда же ты научишься?»

Эйнар подумал об обещании, которое он дал себе в парке в прошлом месяце. Что-то должно измениться. Май проскользнул в июнь точно так же, как месяцы проскальзывали в года. Лили родилась на лакированном сундуке более четырех лет назад.

В четыре часа Энн-Мари позвонила в медный колокольчик.

- Пожалуйста, оставьте свои материалы на столе, - объявила она. Ей пришлось потереть за плечо студента, чтобы разбудить его. Прощаясь с Эйнармом, она сжала губы так, что они побледнели, а затем кивнула на прощание.

- Спасибо, - сказал он, - вы не представляете, насколько это было полезно.

Она снова покраснела, а потом сказала, слегка улыбаясь:

- Должна ли я отложить эти книги? Они понадобятся вам завтра?

Ее рука, бледная и по размеру не больше морской звезды, мягко упала на руку Эйнарма:

- Я думаю, что знаю некоторые другие книги. Я вытащу их для вас утром. Они могут быть тем, что вы ищете, - она помолчала, - я имею в виду, если вы этого хотите.

**Ле-Аль (Les Halles) - парижский рынок свежих продуктов, раньше расположенный в самом центре города.*

Глава 16

Герду многое беспокоило. Нога Карлайла волочилась через гравий Тюильри. Каждую ночь он замачивал ногу по колено в ванне соли Эпсоста и белого столового вина, - бальзам, который впервые придумал его сосед по комнате в Стэнфорде. Он пошел дальше, чтобы стать просто хирургом в Ла-Хойя.

Карлайл стал архитектором зданий в Пасадене - бунгало из апельсиновых рощ были построены и в районах. Это были небольшие дома для учителей женских школ Поли и Уэстридж; для полицейских и мигрантов из Индианы и Иллинойса, которые управляли пекарнями и типографиями вдоль Колорадо-стрит. Карлайл посылал фотографии Герде, а она иногда подпирала подбородок кулаком и мечтала об одном из бунгало - с ширмой в спальне, крыльцом и окнами в тени кровавых китайских кустов камелии. Не то чтобы Герда действительно видела себя обосновавшейся в одном из этих маленьких домиков, но иногда ей хотелось остановиться там и полюбоваться.

Лицо Карлайла стало красивым и удлинённым. Его волосы, темнее, чем у Герды, сильно вились. Карлайл не женился, проводя вечера в своей редакции за столом или в дубовом кресле-качалке с зеленой стеклянной лампой для чтения. У Карлайла были девушки. Он сообщал об этом Герде в своих письмах. Это были девочки, которые подсаживались к его столику в долине Хант-Клаб, или работали помощницами на своих рабочих местах, но от них нельзя было ожидать многого. "Я могу подождать," - писал Карлайл Герде. Держа письмо в солнечном свете у окна, она думала: "Я тоже могу".

В коттедже, в свободной комнате с парчовыми обоями, стояла железная кровать. Там же находилась и лампа с бахромой, которой, по мнению Герды, не хватало. Гастрономический магазин на углу предоставил ей цинковую ванну для бальзама «Эпсом и белое вино». Раньше в этой ванне лежали мертвые гуси, а их шеи свисали через край.

Хромая по утрам на своей больной ноге, тонкой, словно рельсы в пижаме, Карлайл завтракал кофе и круассаном за длинным столом в передней комнате коттеджа. Эйнар выскальзывал из квартиры, когда ручка на двери в комнату Карлайла начинала поворачиваться. Герда заметила, что Эйнар робел рядом с Карлайлом. Он умирал свой шаг, проходя мимо двери Карлайла, и избегал случайной встречи в зале под хрустальной лампой. За ужином плечи Эйнара сжимались, будто ему было больно пытаться придумать, что сказать. Герда подумала, что между Эйнарсом и Карлайлом что-то произошло – внезапное резкое слово, или, возможно, оскорбление. Казалось, что между ними висело что-то

невидимое. Это были натянутые отношения, которые она не могла понять. Или, по крайней мере, еще не поняла.

Однажды Карлайл пригласил Эйнара в паровую баню на улице де Матурин. Это был не такая баня, как на Бен дю Пон-Сольферино, в солнечном свете вдоль Сены. Вместо этого в зале для мужчин находился бассейн с паром, желтой мраморной плиткой и пальмами, спускавшимися из китайских кашпо. Когда Эйнар и Карлайл вернулись из бани, Эйнар немедленно заперся в своей комнате.

- Что случилось? - спросила Герда брата. И Карлайл, чьи глаза покраснели от воды, сказал:

- Ничего. Просто он сказал, что не хочет плавать. Сказал, что не знал, что нужно плавать голым. Эйнар почти упал в обморок при виде этого. Но разве он никогда раньше не был в турецкой бане?

- Он датчанин, - ответила Герда, понимая, что причина в другом. «Почему?» - подумала она, - «Потому что остальные не смогли бы не взглянуть на него».

Однажды утром, вскоре после приезда Карлайла, Ханс зашел посмотреть последние картины Герды. Ему показали две: первая, большая и плоская, изображала Лили на пляже в Борнхольме; вторая - Лили рядом с кустом кровавой камелии. Фоном к первой картине Эйнар нарисовал море, неуклонно и аккуратно работая над бледно-голубым летним потоком. Однако он не смог в полной мере изобразить куст камелии со сморщенными красными цветками и почками, поскольку это было ему незнакомо. Герда взяла задание от “Вог” – нарисовать иллюстрации с лисицами к следующей зиме, и единственное время, когда ей приходилось заканчивать портрет с камелиями, находилось лишь посреди ночи. В течение трех ночей Герда не отходила от портрета, деликатно расписывая лепестки в каждом цветке с намеком на желтый цвет в центре. Эйнар и Карлайл спали, а в ее мастерской не было ни звука, за исключением редкого вздоха Эдварда IV.

Герда закончила картину за несколько часов до того, как приехал Ханс.

- Еще мокрая, - сказала Герда, подавая Хансу кофе, и ставя на стол чашки для Карлайла и Эйнара, который только что вышел из ванной с мокрыми до самых кончиков волосами.

- Это хорошо, - проговорил Ханс, глядя на картину с камелиями, - очень по-восточному. Это то, что им нравится в наши дни. Может быть, тебе стоит попробовать нарядить ее в расшитое кимоно?

- Я не хочу, чтобы она выглядела дешево, - ответила Герда.

- Не делай этого, - попросил Эйнар так тихо, что Герда не была уверена, слышали ли его остальные.

- Я не это имел в виду, - сказал Ханс.

Он сидел в белом летнем костюме, скрестив ноги и постукивая по длинному столу пальцами. Карлайл расположился на бархатной тахте, а Эйнар - в кресле-качалке. Это был первый раз, когда все трое мужчин собрались вместе. Герда разглядывала своего брата, положившего ногу на бархатную подушку; своего мужа с мокрыми кончиками волос, и Ханса с его тонким горлом. Она чувствовала себя так, будто отличалась от каждого из них. Словно она придумывала для каждого из них свой ответ, и возможно, так оно и было. Герда задавалась вопросом, чувствовали ли они вообще, что знают ее? Возможно, она ошибалась, но ощущала, что каждый из них ждет от нее чего-то другого.

Ханс уважал ее желания, оставаясь сосредоточенным на продаже ее работ. Были случаи, когда они оставались одни в задней комнате кабинета или в студии, пока отсутствовала Лили, и тогда Герда чувствовала на себе его взгляд. Но когда Ханс поворачивался к ней спиной, она не могла удержаться от того, чтобы не разглядывать его плечи и светлые волосы, спадающие на воротник. Она знала, чего желала, но заставила себя отбросить эту мысль.

«Нет, пока Эйнар еще ...»

Герда чувствовала, как в груди смыкаются зажимы. Она хотела бы этих страстей, таких сердечных, от Лили. Но не сейчас, в студии, полной недоделанных портретов и заданий из журналов, ожидающих выполнения. Ее муж, слабый телом и смущенный разумом; ее брат, явившийся в Париж с заявлением «я пришел помочь»; и Ханс, барабанивший своими длинными пальцами по сосновой крышке своего длинного рабочего стола, ожидая, пока высохнет краска камелий; ожидая вторую чашку кофе; ожидая, пока Герда напишет картину с Лили в кимоно... Терпеливо ожидая, когда Герда сама упадет ему на руки.

Однажды вечером Герда вышла из коттеджа и отправилась в дорогу. Стояла жара. Тусклое солнце в туманном небе уменьшало блеск города. Бежевый облицовочный камень зданий казался мягким, как теплый сыр. Женщины вытирали пот на шеях платками. В метро было еще жарче, перила стали липкими. Стоял только июнь, и Герда с Эйнаром собирались поехать в Ментон через несколько недель. Герда задавалась вопросом, сможет ли сделать это. «Этим летом что-то должно измениться», сказала себе Герда, но потом поезд поскреб по рельсам и остановился.

Герда вышла на станции в Пасси, где воздух был прохладнее. Дул ветерок, чувствовался аромат стриженной лужайки и струек фонтана. Ей

был слышен весенний стук теннисного мяча, приземляющегося на красную глину. Еще Герда услышала, как кто-то выбивает ковер.

Жилой дом являлся бывшей виллой, построенной из желтого гранита и медной проволоки. Возле дома был небольшой полукруг, смазанный моторным маслом, и часы из розовых деревьев, зажатых в плотные помпоны. Входная дверь была сделана из стекла и железа. За ней располагалась терраса, дверь внутрь была открыта и задрапирована. Герда услышала женский смех, а за ним и мужской.

Анна сняла квартиру на втором этаже дома. Три ночи она исполняла арию Кармен во Дворце Гарнье, а после выступления она ужинала холодным крабовым мясом у Прунье. В последнее время Анна начала говорить, что никогда не вернется в Копенгаген.

- Жизнь там слишком упорядочена для меня, - говорила она, прижимая руку к груди.

Анна подошла к двери. Ее светлые волосы были плотно собраны в тугой узел на затылке. Кожа на горле, казалось, постоянно царапалась о коричневые линии, где лежали складки жира. На ее пальце было большое рубиновое коктейльное кольцо, похожее на взрывающуюся звезду. Анна сделала себе имя в оперном мире; художавые молодые люди с глубоко посаженными глазами отправляли ей неуместно драгоценные камни, печенье с имбирной крошкой и карточки, подписанные неровным почерком.

Маленькая гостиная была обустроена диваном с золотыми ножками и узорными гобеленами на подушках. В гостиной стояла тонкая ваза с тигровыми лилиями с живыми зелеными почками. Горничная в черном платье подала лимонад и анис. Высокий и странно одетый в темное пальто человек стоял за стулом.

- Это профессор Болк, - представила его Анна.

- Я догадалась, - ответила Герда, - вам не жарко?

- Профессор Альфред Болк, - он протянул руку, - по какой-то причине мне всегда немного холодно, - сказал он, слегка покачивая плечами в пальто. Его голубые глаза были темными и испещренными золотом, а намазанные маслом и зачесанные назад темно-русые волосы напоминали цвет качественной древесины. На профессоре был синий шелковый галстук с большим узлом и бриллиантовой булавкой. Свои визитные карточки он носил в серебряном футляре. Профессор приехал из Дрездена, где руководил муниципальной женской клиникой.

Горничная подала кофе профессору Болку.

- Я не могу взять лимон, - объяснил он, поднимая бокал.

С веранды дул ветерок, и Герда села рядом с профессором на диване. Он вежливо улыбнулся, подняв плечи. Она предположила, что должна

подождать, пока он заговорит, чтобы задать вопросы, но вдруг почувствовала потребность рассказать ему о Лили и Эйнаре.

- Это касается моего мужа, - начала она.

- Да, я знаю, что есть маленькая девушка по имени Лили. Значит, профессор знал. Сначала Герда не знала, что сказать. Да, с чего ей начать? Неужели все началось в тот день, четыре года назад, когда она попросила Эйнара примерить обувь Анны? Или было что-то еще?

- Он убежден, что внутри него живет женщина, - сказала она. Профессор Болк издал слабый звук всасывания воздуха между зубами, и быстро кивнул.

- И, честно говоря, - добавила Герда, - я тоже.

Она рассказала о платьях с короткими рукавами и ботинках с сенно-желтой подошвой и специально сшитом камзоле; она рассказала о поездках Эйнара в Бен-дю-Пон-Сольферино и о покупках в Бон-Марше на улице дю-Бак. Она говорила о Хенрике, Хансе и нескольких других мужчинах, от которых сердце Лили распухло и разрывалось от уколов разочарования.

- Лили очень красивая, - сказала она.

- Эти люди ... этот Ханс ... Есть что-нибудь еще, что я должен знать?

- Не совсем.

Герда подумала о Хансе, который, вероятно, в эту минуту вешал портрет с камелией в своей галерее. Это случалось нечасто, но ничто не разочаровывало ее сильнее, чем когда Ханс останавливался в студии, и, потирая пальцами подбородок, отвергал картину. "Недостаточно хорошо," - говорил он два-три раза в год, шокируя Герду и оставляя ее неспособной двигаться. Иногда, когда мир затихал, она задавалась вопросом, чего стоит такое сокрушающее разочарование.

Анна заговорила о враче первой.

- Может, он с кем-нибудь встретится? - сказала она однажды. Они с Гердой были в магазине недалеко от отеля Оскара Уайльда. В магазине были старинные рамы, вес которых превышал сто фунтов. Рамки были пыльные, словно грязные юбки.

- Я беспокоюсь о нем, - добавила она.

- Я рассказывала тебе, что произошло после визита к Хекслеру в Дании. Я не знаю, сможет ли Эйнар посетить другого врача. Это может сокрушить его.

- Разве тебя это не волнует? То, как плохо он выглядит? Каким худым он стал? Иногда кажется, что его почти нет.

Герда думала об этом. Да, Эйнар выглядел бледным, с тонкими синими подушечками под глазами. Его кожа стала прозрачной. Герда видела это, но это ли беспокоило ее больше всего? Кровотечения, нерегулярно повторявшиеся уже более четырех лет... Герда научилась жить с ним, с его трансформацией. Да, это было так, словно Эйнар вечно трансформировался; будто эти изменения - таинственная кровь, впалые щеки, неизлечимая тоска - никогда не прекратятся, не придут к концу. Но когда она думала об этом, разве кто-то не меняется постоянно? Разве каждый не становится кем-то новым?

В корзине с закрытой крышкой Герда нашла идеальный эскиз, нарисованный золотом, для своей последней картины с Лили.

- Но, если ты знаешь кого-то, - сказала она Анне, - если у тебя есть врач - возможно, мне следует поговорить с ним. Это не повредит, не так ли?

Профессор Болк сказал:

- Я хотел бы осмотреть вашего мужа.

Это заставило Герду подумать о Хекслере и о его лязгающей машине рентгеновских лучей. Она задавалась вопросом, позволит ли Эйнар отвести себя к другому врачу. Профессор Болк сделал глоток кофе и достал блокнот из кармана.

- Я не думаю, что ваш муж ненормальный, - сказал профессор, - я уверен, что другие врачи скажут вам, что ваш муж безумен. Но я так не думаю.

В гостиной Анны висела картина с Лили, изображавшая ее на скамейке в парке. Позади Лили беседовали двое мужчин со шляпами в руках. Картина висела над столом с серебряными фотографиями Анны в полный рост, в парике и костюме, обнимающей друзей после выступлений. Герда написала эту сцену в парке год назад, когда Лили появилась в коттедже и осталась на три недели, а затем пропала еще на шесть. В то время Герда все больше и больше училась работать и жить без мужа. Некоторое время назад, когда Эйнар отказался общаться с ней не под видом Лили, Герда и сама подумала, что он сошел с ума. Он посмотрел на нее, и его глаза были настолько темными, что Герда увидела в них только отражение самой себя.

- Я встречал такого человека, как он, - сказал профессор Болк, - трамвайный проводник. Молодой человек, довольно красивый, довольно ровный, стройный; конечно, бледный, со светлыми волосами на ногах. Нервный, но кто мог винить его за это в его ситуации? Он пришел ко мне, и первое, что я заметил - как я мог не заметить? - было то, что его груди были больше, чем у многих девочек-подростков. Когда он пришел ко мне, то назвал себя Зиглиндой. Это было странно. Однажды он прибыл в

клинику с просьбой. Другие врачи сказали, что мы не можем принять мужчину в Муниципальную женскую клинику. Они отказались его осматривать. Но я согласился, и однажды днем - я этого никогда не забуду, - я обнаружил, что он является и мужчиной, и женщиной.

Герда подумала о том, что это могло бы означать. Об ужасном зрелище лишней плоти между ногами мужчины.

- Что вы сказали ему? - спросила она. Ветер поднял шторы, и раздались крики мальчиков, играющих в теннис. Затем раздался голос матери, позвавшей их домой.

- Я сказал, что могу помочь ему. Сказал, что могу помочь ему выбрать.

Часть Герды хотела спросить: «Выбрать что?». Одновременно она знала и не знала ответ. Даже Герда, которая в последнее время часто думала про себя: «О, если бы только Эйнар мог выбрать, кем он хочет быть ...!», - даже она не могла представить, что возможен реальный выбор.

Сидя на диване с золотыми ножками, она подумала об Эйнаре, который, в каком-то смысле, больше не существовал. Казалось, что кто-то - да, кто-то - уже сделал выбор за него.

- Что случилось с этим человеком? - спросила Анна.

- Он сказал, что хочет быть женщиной. Сказал, что все, чего он хотел - это быть любимым кем-то. Он был готов на все ради этого. Он пришел в мой кабинет в фетровой шляпе и зеленом платье. Помню, он носил карманные часы, как мужчина, потому что вытащил их во время нашей встречи и продолжал смотреть на них, говоря, что ему нужно уйти, потому что он приехал, чтобы расколоть свои дни пополам - по утрам женщина, а после обеда - мужчина. Это было много лет назад, когда я был еще молодым хирургом. Технически я точно знал, что я могу для него сделать. Но я никогда не выполнял такую сложную операцию. Не тогда. К тому времени я уже месяц просыпался по ночам, читая медицинские тексты. Я присутствовал на ампутациях, изучал швы. Всякий раз, когда женщина в клинике удаляла матку, я наблюдал в действующем амфитеатре. Тогда я бы изучил образец в нашей лаборатории. Наконец однажды, когда я был готов, я сказал Зиглинде, что хочу запланировать операцию. К тому времени он потерял много веса. Он был очень слаб, и должно быть, слишком испугался, чтобы есть. Но он согласился и разрешил мне попробовать на нем. Когда я сказал ему, что могу сделать операцию, он заплакал и сказал, что плачет, потому что ему кажется, что он убивает кого-то. «Жертвует кем-то», - вот что он сказал.

Я назначил операцию на утро четверга. Врачи собрались в большом амфитеатре; было много людей, которые захотели присутствовать при

этом. Было и несколько врачей из клиники Пирна. Я знал, что если бы добился успеха, то сделал бы нечто экстраординарное, о чем никто даже и не мечтал. Кто мог подумать, что это возможно - переход от мужчины к женщине? Кто рискнет своей карьерой, чтобы попробовать нечто на грани фантастики? Ну, я был готов это сделать. Профессор Болк вытряхнул пальто.

- Но утром того четверга медсестра отправилась в комнату Зиглинды и обнаружила, что его нет. Он оставил свои вещи, свою фетровую шляпу, карманные часы, свое зеленое платье и все остальное. Он ушел.

Профессор Болк допил оставшийся кофе. Герда допила свой лимонад, и Анна поднялась, чтобы позвать служанку («Les boissons», быстрым голосом). Герда изучала профессора; его левое колено наклонилось над правым. На этот раз она знала, что была права - он не был Хекслером. Он понял. Он был похож на нее, подумала она. Он тоже мог видеть суть. Ей не пришлось об этом думать. Решение пришло ей в голову, словно неожиданный удар со вспышкой искр перед глазами. Это заставило ее вздрогнуть, слегка подпрыгнув на диване. Герда, которая когда-то на юге Франции чуть не убила себя и Эйнара, случайно потеряв контроль над своим автомобилем и швырнув его к заросшей мимозами скале, подумала: “Я должна отвезти Лили в Дрезден. Она и я должны будем уехать”.

Глава 17

На следующий день девушка за бюро нашла больше книг для Эйнара. Это были книги под названием “Пол”, ”Нормальный и ненормальный человек”, “Научное исследование сексуальной безнравственности” и “Половой кризис”, опубликованные в Дрездене двадцатью годами ранее. Большинство из них были связаны с теориями гендерного развития, основанными на гипотезах и случайных экспериментах на лабораторных крысах. В одной из книг Эйнар прочел о человеке, баварском аристократе, который родился и с пенисом, и с влагалищем. В его поведении было многое: запутанность в детстве, родительское безразличие, безнадежная охота за местом в мире. Этот факт заставил Эйнара закрыть глаза и подумать: «Да, я знаю. Была такая глава, миф о Гермесе и Афродите”. В книге объяснялась сексуальная патология и нечто, называемое сексуальной интермедиацией.

Каким-то образом Эйнар знал, что читает о себе. Он признал в себе двойственность и отсутствие полной идентификации с одним из двух полов. Эйнар читал о баварце, и унылый далекий гул стучал в его груди. Некоторые книги были старыми, и пыль прошлого века лежала на их обложках. Шелест страниц отдавался таким бойким и жужжащим шумом в теле Эйнара, что он боялся, как бы студенты не оторвались от своих работ за длинным столом для чтения, и с первого взгляда на него поняли, кто он на самом деле.

Энн-Мари ставила книги перед Эйнаром на маленькой наклонной стойке, которая держала их под углом. Она одолжила ему цепочку свинцовых бусин, завернутых в войлок, которые держали открытую страницу, пока Эйнар переписывал предложения в свою записную книжку с оловянной обложкой. Столы в библиотеке были широкими и с острыми углами. Они напомнили Эйнару рабочие столы, которыми пользовались рыбаки, рубившие рыбы головы на рыбном рынке Гаммел-Штранд.

На столе перед Эйнаром было достаточно места, чтобы разместить вокруг себя несколько книг. Открыв страницы песочного цвета, Эйнар подумал о них, как о своем маленьком убежище. Именно так ему нравилось думать о книгах, когда он выскальзывал из квартиры: будто каждое предложение о мужчине и женщине защитит его в следующем году, когда все, как он себе обещал, изменится.

Эйнар прочитал достаточно, чтобы понять, что он тоже не лишен женских половых органов. Органы, похороненные в полости его тела, принадлежали Лили. Кровавые пакеты и складки плоти, которые сделали ее той, кем она стала. Сначала ему было трудно поверить, но постепенно представление о самом себе и осознание, что он болен не в психическом, а

в физиологическом смысле, все больше и больше объясняло то, что с ним происходило. Эйнар представил себе матку, спрятанную за его яички. Он представлял себе женскую грудь, каким-то образом зажатую в его грудной клетке.

Эйнар провел неделю в читальном зале. Каждый день он был настолько ошеломлен тем, что узнавал, что опускал голову на руки и тихо плакал.

Если он кивал, Энн-Мари своей маленькой белой рукой подталкивала Эйнара к работе.

- Сейчас уже полдень, - сказала она, и на секунду он смутился:

- Полдень?

- О, да. Полдень.

Карлайл попросил Эйнара вернуться после полудня.

- Встретимся в полдень? - говорил Карлайл каждое утро, когда Эйнар выскальзывал из парадной двери, чуть ли не теряясь в ожидании того, что ожидает его в библиотеке.

- Я не уверен, что смогу, - ответил Эйнар.

- Но почему бы и нет? - спрашивала Герда.

Карлайл не предлагал Герде присоединиться к ним. Однажды он признался Эйнару, что даже когда они были маленькими, Герда с разочарованием вздыхала всякий раз, когда Карлайл предлагал им отправиться на стрельбище в Арройо-Секо.

- Она всегда была слишком занята, чтобы исследовать, - говорил Карлайл, - читала Диккенса, писала стихи, рисовала сцены из Сан-Габриэль, или меня.... Но она никогда не показывала мне эти картины. Я просил разрешения взглянуть на одну из ее маленьких акварельных картин, но она только краснела и складывала руки на груди.

Карлайл повернулся к Эйнару, и сначала ему пришлось подтолкнуть его. Голубые глаза Карлайла, которые были яснее, чем у Герды, казалось, могли читать мысли Эйнара. Эйнару было трудно сидеть рядом с Карлайлом, покачиваясь в плетеном кресле и перенося свой вес с одного бедра на другое.

Карлайл купил автомобиль - спортивный «Паук» Альфа Ромео. Автомобиль был красного цвета, со спицами на колесах, подножкой и красным ящиком для инструментов. Карлайл любил кататься с откинутым верхом. Панель управления была черная, с шестью циферблатами и маленьким серебряным рулем, к которому Эйнар прижимался каждый раз, когда Карлайл поворачивал за угол. Полы автомобиля были сделаны из

нержавеющей стали, и когда Карлайл повел «Паука» вокруг Парижа, Эйнар почувствовал тепло от двигателя через подошвы ботинок.

- Ты должен научиться больше доверять людям, - сказал однажды Карлайл. Его рука уверенно передвигала рычаг переключения передач с помощью ручки в форме черного шарика к колену Эйнара. Карлайл привез Эйнара на теннисный стадион в Отейле. Стадион находился рядом с Булонским лесом, его бетонная чаша возвышалась среди тополей. Было уже позднее утро, и солнце высоко поднялось в пустом сине-белом небе. Флаги вяло свисали по краям стадиона. Теннисный парк был огорожен железными воротами, а мужчины в зеленых блейзерах и соломенных шляпах принимали входные билеты и разрывали их пополам. Один из этих мужчин повел Эйнара и Карлайла к маленькой покато́й беседке, окрашенной в зеленый цвет. В беседке стояло четыре плетеных кресла, и на каждом лежала полосатая подушка. Беседка находилась на базовом уровне теннисного корта, который был сделан из измельченной глины, - столь же красной, как и румяна, которые Лили когда-то купила на витрине в Фонненсбех.

На площадке разогревались две женщины. Одна была из Лиона; парус ее длинной плиссированной юбки был белым, и она пересекала двор, словно шхуна. Другая была американкой, девушка из Нью-Йорка. Высокая и темная, а ее волосы были короткими и блестящими, как кожаная кепка авиатора.

- Никто не ожидает, что она победит, - сказал Карлайл об американке. Он поднес руку ко лбу, чтобы защититься от солнца. Его челюсть была точно такой же, как у Герды: квадратная, немного длинная, с рядами хороших зубов. Их кожа тоже была похожей: коричневой после всего лишь часа на солнце, и немного грубоватой на шее. Когда-то Эйнар страстно целовал эту шею ночью. Он любил это больше всего в Герде - любил даже больше, чем целовать ее в губы. Приблизить губы к ее длинной шее, слегка сосать, лизать немного закрученными движениями, кусать, сверлить одно место на ее шее, покрытой прожилками.

- Я хотел бы когда-нибудь побывать в Калифорнии, - сказал Эйнар.

Матч начался. Американка высоко подбросила мяч, и Эйнар едва не увидел, как мускулы ее плеча повернулись, когда она занесла ракетку в воздухе. Герда часто говорила, что думала об апельсинах, ударяющихся о землю, когда слышала звук упавшего теннисного мяча.

- Герда когда-нибудь об этом говорит? - спросил Карлайл, - о возвращении домой?

- Я слышал, как она говорила, что многое должно измениться, прежде чем она вернется. Герда однажды сказала, что ни один из нас не поместится там, в Пасадене, где молния пересекает долину так же

быстро, как синяя сойка на ветру. «Это не место для нас с тобой», - сказала она.

- Интересно, что она имеет в виду? - спросил Карлайл.

- Ты знаешь Герду. Она не хочет, чтобы о ней говорили.

- Но, в некотором смысле, она поступает именно так.

Американка выиграла первую игру. Едва приподнявшись над сеткой, ее бросок обманчиво обрушился на глину.

- Ты когда-нибудь думал о том, чтобы побывать там? - спросил Карлайл, - в Калифорнии? Может быть, напишешь зиму?

Карлайл обмахивался программой, обнажив свою больную ногу по колено:

- Выйдешь и нарисуешь эвкалипт и кипарис? Или одну из апельсиновых рощ? Тебе понравится.

- Не без Герды, - ответил Эйнар.

И Карлайл, который одновременно был и не был похож на сестру, сказал:

- А почему нет?

Эйнар скрестил ноги, и его нога сдвинула плетеный стул перед собой. Девушка из Лиона плыла по корту, ее юбка натянулась в попытке дать отпор подлым американцам, направив грязный белый шар в линию для победителя. Красивая толпа в шляпах с кокетливым запахом лаванды и лайма разразилась радостью. Карлайл повернулся к Эйнару. Он улыбался и аплодировал, а его лоб вспотел. Когда стадион умолк, чтобы позволить девушке из Лиона успокоиться, он сказал:

- Я знаю о Лили.

Эйнар чувствовал запах глины, ее пыль и ветер, рвущийся через тополя.

- Я не уверен, что ты знаешь...

Но Карлайл остановил его. Он положил локти на колени, посмотрел на корт и начал рассказывать Эйнару о письмах, которые Герда присылала в прошлом году. Они приходили раз в неделю на почтовый ящик - полдюжины листов синей бумажной ткани, покрытых ее тесными словами. Герда написала их в такой ярости, что забывала про поля. Небольшие плотные слова, пересекающие страницу от края до края. *«Она называет себя Лили»*, написала она в первый раз, быть может, год назад. *«Девушка из болот Дании, которую я узнала»*. В письмах Герда описала, как Лили гуляет по Парижу, становясь на колени, чтобы покормить голубей в парке, а ее юбка собирается на гравии. Она описала Лили, которая часами

сидела на стуле в мастерской Герды на улице Вьей дю Тампль, и свет из окна падал на ее лицо. Герда писала письмо почти еженедельно, кратко излагая прожитые дни с Лили. Он никогда не упоминала Эйнара, и когда Карлайл интересовался: «Как Эйнар?», или «Мои лучшие пожелания Эйнару», и даже однажды спросил: «Разве это не ваша десятая годовщина свадьбы?», Герда ничего не ответила.

Однажды, спустя примерно шесть месяцев еженедельных писем, в почтовый ящик Карлайла прибыл тонкий конверт. Он сказал он Эйнару, что запомнил тот день, потому что к тому времени мрачные январские дожди лили в течение недели, и его нога болела так сильно, как если бы он попал под коляску только днем. Он спустился по подъездной дорожке к почтовому ящику: бамбуковая трость в одной руке, и зонт - в другой. Чернила на конверте размазались дождем, и Карлайл вскрыл конверт в своем темном фойе с панелями из пасаденского дуба. Он читал письмо, пока вода стекала с его волос на страницы.

«Эйнар покидает меня», - писала Герда, - "ты прав. Спустя десять лет он покидает меня».

Карлайл сразу подумал о том, что нужно доехать до почтового отделения на Колорадо-стрит и отправить телеграмму. Он надел резиновый плащ, продолжая читать остальную часть письма, и только тогда начал понимать, что имела в виду Герда.

На следующий день пришло второе письмо, а затем еще одно. Последовала почти ежедневная история жизни Лили. Страницы были так же переполнены описанием, как и прежде, но теперь крошечные эскизы лица девушки прерывали предложения: Лили в шляпе с приколотыми сухими фиалками; Лили читает «Ле Монд»; Лили вглядывается в небо.

- Герда отправляла мне эскизы из своей записной книжки. Я изучал ее картины с Лили. Она послала мне картину с Лили в лимонной роще. И Лили на свадьбе, - Карлайл замолчал, пока выступала американка, - они красивы. Она красивая, Эйнар.

- Значит, ты знаешь...

- Мне не потребовалось много времени, чтобы понять, - продолжал Карлайл, - конечно, я мало знаю об этом.

Маленькая коричневая птичка приземлилась на перила беседки. Ее голова вертелась в поисках корма.

- Но я хотел бы помочь. Я хотел бы встретиться с Лили, чтобы посмотреть, могу ли я что-нибудь сделать. Видишь ли, это то, чего хочет Герда, присылая мне письма и рисунки. Она никогда не выйдет и не попросит о помощи открыто. Но я могу сказать, что она нуждается в этом. Ей тяжело. Ты не можешь забыть, что это так же тяжело и для нее.

- Она так и сказала?
- Герда никогда бы не сказала ничего подобного. Но я могу сказать. Эйнар и Карлайл смотрели теннис.
- Ты встречался с врачом? - спросил Карлайл.
Эйнар рассказал ему о докторе Хекслере. Его имя вернуло приступ тошноты; Эйнар едва не чувствовал пульс в своем кишечнике.
- Я не понимаю, почему ты не обратился к врачу, - сказал Карлайл, - Разве ты не должен говорить с кем-то о том, как ты себя чувствуешь? О чем ты думаешь? Я собираюсь отвезти тебя к кое-кому. Я поискал несколько имен, и собираюсь пригласить тебя поговорить с кем-то, кто может помочь. Помочь тебе решить это раз и навсегда. Не волнуйся, Эйнар. У меня есть идея.

Это было то, что Эйнар запомнил лучше всего: вид длинных ног Карлайла с этого ракурса, а больная нога под резким углом. Американка на корте вспотела, мокрое пятно разлилось на ее блузке прямо под грудью. В ее темном и ясном лице, большой голове и длинных руках было что-то несоответствующее. Тонкий усик вены, который пульсировал на ее предплечье. Или тень над губой. Весь стадион все больше и больше болел против нее. Когда она выиграла у блондинки из Лиона, казалось, весь мир обернулся против нее - все, кроме Карлайла, который наклонился и сказал:

- Разве ты не хочешь, чтобы она выиграла? Разве победа не сделает ее счастливее?

Сначала Карлайл повел Эйнара к доктору Макбрайду. Макбрайд был американским психиатром, практиковавшим в посольстве на улице Тильзит, прямо по улице от паспортного стола. У доктора Макбрайда был жгучий куст волос и черно-серые усы. Он был широк в шее и животе, и носил белые рубашки, накрахмаленные, как бумага. Доктор был из Бостона, и во время встречи с Эйнаром продолжал называть себя «черным ирландцем». Когда он улыбнулся, на его губах появилась вспышка золота.

Офис доктора Макбрайда напоминал скорее адвокатский, чем докторский. Его стол был инкрустирован слоем зеленой кожи. В кабинете была стена книжных полок и ряд шкафов из дуба. У окна на стенде стоял открытый медицинский словарь. Пока Эйнар рассказывал доктору Макбрайду о Лили, доктор сидел с непокрытой головой, вода свои очки вверх и вниз по переносице. Когда зазвонил телефон, доктор Макбрайд проигнорировал его и призвал Эйнара продолжать.

- Как долго ты жил, как Лили? - спросил он.
- Уже больше месяца, - сказал Эйнар, - прошлой зимой она тоже была здесь долгое время.

Эйнар вспомнил о прошлой зиме, когда ложился спать и понятия не имел, кем будет, когда проснется утром. Однажды Лили и Герда оказались на острие ножа после выхода из Оперы. Грабитель был маленьким мужчиной в черном пиджаке. Его нож не казался острым в зимнем лунном свете, но он помахал им и потребовал их кошельки. Было заметно, что мужчина не брился несколько дней. Он продолжал пинать землю одной ногой, повторяя: «Я серьезно, мадемуазель. Не думай, что я несерьезен». Когда Лили взяла сумочку, Герда попыталась схватить ее за запястье, сказав: «Лили, не надо». Но мужчина успел схватить кошелек, после чего бросился на Герду. Она закричала: «О, нет, не надо!», и побежала по улице, обратно к Опере, которая выглядела золотой в ночном свете. Лили осталась стоять у стены, а вор - перед ней. Он снова ударил ногой по тротуару, и казалось, пытался сообразить, что делать дальше. Герда остановилась и обернулась лишь в квартале от них. Издалека Лили могла разглядеть только ее силуэт: кулаки на бедрах, ноги расставлены. Затем Герда направилась обратно к Лили и вору. Мужчина нервно улыбнулся. «Она сумасшедшая», - сказал он, снова ударив ногой по тротуару. Он повернул запястье так, что нож оказался острием вниз, и побежал прочь от Герды.

- Вы думаете об Эйнаре, когда вы Лили? - спросил доктор Макбрайд.

- Никогда.

- Но вы думаете о Лили, когда вы Эйнар?

- Да.

- О чем вы думаете? - он снял крышку с пера и положил открытый инструмент на чистый лист бумаги.

- Большую часть времени я просто думаю о ее мыслях, - ответил Эйнар.

Эйнар объяснил, что если он ест яблочный пирог, посыпанный корицей, то задается вопросом, следует ли ему оставить кусочек для Лили. Если он спорил с мясником, который пытался его обдурить, Эйнар задавался вопросом, сможет ли Лили спорить. Он убедил себя, что она возьмет продукты у тощего и красивого мясника с колючими светлыми волосами, и поэтому в середине спора Эйнар извинился и попросил мясника продолжить обертывание ягненка.

Доктор Макбрайд поднял очки. Карлайл ждал Эйнара в кафе через дорогу. Эйнар подумал о нем, вытаскивая карандаш из-за уха и отмечая рекомендуемую книгу. Именно тогда Карлайл, вероятно, допил свой кофе и посмотрел на часы.

- А как вы относитесь к мужчинам? - спросил доктор Макбрайд, - Вы их ненавидите?
 - Ненавидеть мужчин?
 - Да.
 - Конечно, нет.
 - Но для вас было бы естественно ненавидеть мужчин.
 - Но я этого не делаю.
 - А Лили? Как она относится к мужчинам?
 - Она не ненавидит мужчин.
- Доктор Макбрайд налил себе воды из серебряного кувшина.
- Она любит мужчин?
 - Я не уверен, что понимаю, что вы имеете в виду.
- Доктор сделал глоток. Эйнар видел, как его губы оставили отпечаток на краю стекла, и вдруг понял, что тоже хочет пить.
- Она когда-нибудь целовала мужчину?

Эйнар хотел попросить стакан воды, но это казалось невозможным. Он подумал, что должен просто встать и налить себе воды сам, но это тоже представлялось невозможным. Эйнар продолжал сидеть на месте, чувствуя себя ребенком в кресле доктора Макбрайда, покрытом зудящей желтой шерстью.

- Мистер Вегенер, я только спрашиваю, потому что ...
- Да, - сказал Эйнар, - да, она целовала мужчину.
- Ей понравилось?
- Вы должны спросить ее.
- Я думал, что спрашиваю ее.
- Я похож на Лили? - сказал Эйнар, - я похож на вас?
- На самом деле, нет.

Зазвонил телефон доктора, и они вместе посмотрели на его черный приемник, который дрожал от каждого звонка. Наконец телефон замолчал.

- Боюсь, что вы гомосексуалист, - сказал доктор Макбрайд, слегка щелкнув пером.
- Я не думаю, что вы понимаете.
- Вы не первый человек, с которым это случилось, - сказал доктор Макбрайд.
- Но я не гомосексуалист. Это не моя проблема. Во мне живет другой человек, - сказал Эйнар, вставая со стула, - девушка по имени Лили.
- Мое сердце разбивается, - продолжил доктор Макбрайд, - когда я

вынужден говорить таким людям, как вы, что я ничего не могу для них сделать. Как черному ирландцу, мне очень грустно.

Доктор Макбрайд отпил из своего стакана, и его губы сжались на краю. Затем он встал, переместившись к передней части своего стола. Его рука двинулась к плечу Эйнара и подтолкнула его к двери:

- Мой единственный совет: сдерживайте себя. Вам придется всегда бороться со своими желаниями. Не обращайтесь на них внимания, мистер Вегенер. Если же нет... Ну, тогда вы навсегда останетесь один.

Эйнар нашел Карлайла в кафе. Он знал, что доктор Макбрайд ошибся. Еще не так давно Эйнар мог поверить доктору, а теперь надулся от жалости к себе. Эйнар сказал Карлайлу, что этот визит был пустой тратой времени.

- Никто не поймет меня, - сказал он, - я не вижу в этом смысла.

- Но это не правда! - запротестовал Карлайл, - нам нужно найти тебе правильного врача, вот и все. Итак, доктор Макбрайд не знает, о чем говорит. И что? Это не значит, что ты должен сдаться.

- Зачем ты это делаешь?

- Потому что ты несчастлив.

- Да, но почему?

- Из-за Герды.

Через несколько дней Карлайл повел Эйнара в Учреждение Гидротерапии, - больницу, известную своими заботами о нервных заболеваниях. Больница выходила к Медону, скрытому от дороги за рощей сикоморов. У ворот стоял дежурный, который впихнул лицо в машину и спросил, к кому они приехали.

- Доктор Кристоф Май, - сказал Карлайл. Дежурный оглядел их, покусывая губы, и передал им бумаги на подпись.

Больница была новым зданием, - глубокий ящик из цемента и стекла. Здание затеняли сикаморы, а в стволах деревьев виднелись шрамы. Стальные решетки с яркими навесными замками запирали окна на первом этаже.

Эйнар и Карлайл должны были подписать еще один лист бумаги у парадного входа, и третий уже перед кабинетом доктора Май. Медсестра, - женщина с белыми кудрями, - велела им подождать в маленькой комнате. Закрыв за собой дверь, она почувствовала себя надежно запечатанной.

- Я не сказал Герде, куда мы направляемся сегодня, - сказал Карлайл.

Несколько дней назад Эйнар подслушал их разговор о себе. «Ему не нужно встречаться с психиатром», - сказала Герда. Ее голос пробился сквозь щель под дверью, - «Кроме того, я думаю, что знаю, кто сможет ему помочь. И это не психиатр. Это тот, кто действительно может что-то сделать». После этого ее голос упал, и остальное Эйнару не удалось услышать.

В кабинете доктора Май было темно и пахло сигаретами. Эйнар слышал, как в коридоре шаркали ноги. В больнице было что-то неприятное. На коричневом ковре были следы от колес каталок, и Эйнар начал воображать себя привязанным к каталке, которая отвезет его в самую глубокую часть больницы, откуда он никогда не вернется.

- Ты действительно думаешь, что доктор Май может мне помочь?
- Надеюсь, что да. Но мы обязательно узнаем, что он скажет.

Карлайл был в пиджаке, брюках в складку и желтом галстуке. Эйнар восхищался его оптимизмом, и тем, как он выглядел в летней одежде.

- Мы должны хотя бы попытаться.

Эйнар знал, что Карлайл прав. Он больше не мог так жить. За последние шесть месяцев большая часть его тела исчезла; доктор Макбрайд взвесил его, и когда маленькие черные грузики скользнули влево, Эйнар понял, что он весил не намного больше, чем когда был мальчиком. Эйнар начал замечать своеобразный цвет на своей коже: серо-голубой, как небо на рассвете, словно его кровь каким-то образом бежала медленнее; и слабость дыхания, из-за которой его зрение становилось хуже всякий раз, когда он прибавлял шаг или когда его удивлял резкий внезапный шум; и кровотечения, которых Эйнар и боялся, и приветствовал. Когда он чувствовал первую струйку крови на губе или между ног, у него кружилась голова. Никто не говорил ему об этом, но Эйнар знал, что был женщиной внутри. Он читал об этом: погребенные женские органы гермафродита кровоточили нерегулярно, словно в знак протеста.

Доктор Май оказался приятным человеком. Темноволосый, в желтом галстуке, странно похожем на галстук Карлайла. Он и Карлайл посмеялись по этому поводу, а затем доктор Май повел Эйнара в смотровую комнату. Комната была выложена плиткой, с окном, которое смотрело сквозь железную решетку на парк сикоморов и плоских

деревьев. Доктор Май откинул тяжелый зеленый занавес, чтобы продемонстрировать свой смотровой стол.

- Пожалуйста, садитесь, - сказал он и хлопнул рукой по столу, - скажите мне, зачем вы здесь?

Доктор прислонился к шкафу со стеклянными дверцами. Держа в руках блокнот, он кивал, слушая, как Эйнар рассказывает про Лили. Один или два раза доктор Май поправил узел галстука. Иногда он что-то записывал, пока Эйнар говорил:

- Я действительно не знаю, какую помощь я ищу. Я не думаю, что смогу так жить дальше.

- Как?

- Как будто я не знаю, кто я на самом деле.

Доктор Май закончил интервью. Он извинился, оставив Эйнара сидеть на мягком столике, покачивая ногами. Снаружи в парке медсестра гуляла с молодым человеком в полосатой пижаме и открытом халате. Мужчина был бородат. Его нога ослабла, а медсестра, чей фартук падал на ноги, была единственной его опорой.

Доктор Май вернулся и сказал:

- Спасибо, что посетили меня, - он пожал руку Эйнару и повел его к Карлайлу.

На обратном пути в Париж они долго молчали. Эйнар следил за рукой Карлайла, лежавшей на переключении передач. Карлайл смотрел вниз на дорогу. Наконец он сказал:

- Доктор хочет положить тебя в больницу.

- Для чего?

- Он подозревает шизофрению.

- Но это невозможно, - сказал Эйнар. Он посмотрел на Карлайла, который не спускал глаз с дорожного движения. Перед ними был грузовик, и каждый раз, когда он входил в колею, гравий сыпался с дороги на крышу Паука.

- Как я могу быть шизофреником? - снова спросил Эйнар.

- Он хотел, чтобы я подписал бумаги, чтобы уложить тебя прямо сейчас.

- Но это неправильно. Я не шизофреник.

- Я сказал ему, что это не так срочно.

- Но ты же не думаешь, что я шизофреник? Это просто не имеет никакого смысла.

- Нет, я так не думаю. Но когда ты объясняешь это ... Когда ты говоришь про Лили, это звучит так, словно ты думаешь, будто в тебе живут два человека. Два разных человека.

- Потому что так и есть.

Был уже вечер. Движение затормозилось из-за того, что кто-то сбил собаку. Она лежала посреди дороги, и каждой машине приходилось ее объезжать. Собака была мертва, но на ней не было повреждений. Ее голова покоилась на гранитном бордюре.

- Ты думаешь, Герда тоже так думает? Ты думаешь, она считает меня ненормальным?

- Совсем нет, - сказал Карлайл, - именно она больше всех верит в Лили.

Они проехали мимо сбитой немецкой овчарки, и движение возобновилось.

- Должен ли я слушать доктора Май? Как ты думаешь, может быть, я должен остаться с ним ненадолго?

- Тебе придется подумать об этом, - ответил Карлайл. Он держал черную ручку переключения передач, и Эйнар почувствовал, что Карлайл хочет что-то сказать. Сквозь ветер и кашель автобусов разговаривать было трудно. Движение в городе было медленным, и Эйнар посмотрел на Карлайла, безмолвно призывая его заговорить. Эйнар хотел спросить "О чем ты думаешь?", но не смог. Между ними что-то висело до тех пор, пока они не оказались в Маре, перед их квартирой, но когда мотор Паука замер, что-то произошло. Карлайл сказал:

- Не говори ей, где мы были сегодня.

Устав, Эйнар улегся спать после ужина, и Герда присоединилась к нему еще до того, как он уснул.

- Так рано для тебя, - сказал он.

- Я сегодня устала. Я работала последние несколько ночей. На этой неделе вышло полдюжины эскизов. Не говоря уже о портрете Лили на глинобитной основе. Ты отлично справился с фоном. Я не могла бы быть счастливее. Ханс сказал то же самое. Я собиралась сказать тебе это.

Эйнар почувствовал ее рядом с собой. Ее длинное тело было теплым под летним одеялом. Ее колено касалось его ноги, ее рука изогнулась на его груди. Они касались друг друга, но почему-то сейчас это казалось еще более интимным, чем в те ночи на раннем этапе их брака, когда она срывала галстук и расстегивала его ремень своей маленькой и судорожной рукой, повторяя успокаивающее действие на колене. Влажная жара ее дыхания и ее волосы, как виноградная лоза, овивавшие его шею.

- Ты думаешь, я безумный? - спросил он.

Герда села.

- Безумный? Кто тебе это сказал?

- Никто. Но так ли это?

- Это самая смешная вещь, которую я когда-либо слышала. Кто тебе это сказал? Карлайл?

- Нет. Просто я иногда не знаю, что со мной происходит.

- Но это не так, - сказала она. - Мы точно знаем, что с тобой происходит. В тебе живет Лили. В твоей душе живет красивая молодая леди по имени Лили. Это так просто. Это не имеет ничего общего с тем, чтобы быть безумцем.

- Мне просто интересно, что ты обо мне думаешь.

- Я думаю, что ты самый храбрый человек, которого я знаю, - сказала она, - а теперь ложись спать.

Ее кулак сжался сильнее; прядь волос свилась у него на шее, а колено отстранилось.

Прошла неделя. Эйнар потратил целый день на уборку своей студии: сворачивал старые холсты и убирал в угол, радуясь, что убрал их с глаз. Ему нравилось рисовать фоны для картин Герды, но он не создавал чего-то своего. Иногда, когда он думал о своей покинутой карьере, ему казалось, что он, наконец, закончил утомительную работу. И когда он вспоминал о своих многочисленных картинах - столько темных болот, столько бурных потоков, - он ничего не чувствовал. Мысль о том, чтобы придумать новую идею, исчерпала себя. Исчезнувшая мысль о колдовстве, которая вырисовывала новую сцену.

«Это пейзажи написал кто-то другой» - говорил себе Эйнар. Чему он учил своих студентов в Королевской академии? «Если вы можете жить без живописи, то идите прямо вперед. Это гораздо более простая жизнь».

Эйнар долго спал и тяжело просыпался. Каждое утро он обещал себе, что будет жить в этот день как Эйнар, но одежда Эйнара в гардеробе напоминала ему имущество предка на чердаке.

Обычно Лили выходила из спальни и садилась на стул в мастерской Герды. Она поигрывала своей шалью на коленях, двигая плечами, или отворачивалась от Герды, выглядывая в окно и высматривая на улице Ханса или Карлайла. Вскоре Карлайл предложил посетить доктора Бусона, - младшего члена психиатрической клиники в Отейле.

- Как ты узнал о нем? - спросил Эйнар Карлайла, который через шесть недель жизни в Париже освоился лучше, чем Эйнар за три года. Он уже открыл свою вторую коробку визитных карточек и приглашал на выходные в Версаль и Сен-Мало. На улице Рю де ла Пэйк находился портной, который уже запомнил размер рубашек Карлайла.

Карлайл отвез Эйнара в клинику доктора Бусона, и Эйнар снова чувствовал тепло двигателя через металлический пол.

- Ханс посоветовал мне его, - сказал Карлайл.

- Ханс?

- Да. Я позвонил ему. Сказал ему, что мой друг нуждается в докторе. Я не сказал, кто.

- Но что, если он ...

- Он не узнает, - сказал Карлайл, - и что, даже если он это сделает? Он твой самый старый друг, не так ли?

Теперь, с его светлыми волосами, спадавшими на лицо, Карлайл, возможно, был никем иным в мире, кроме как близнецом Герды. Он заправил волосы за уши:

- Ханс спросил о тебе, - продолжил Карлайл. Он сказал, что знает, что что-то не так. Он сказал, что видел тебя однажды, когда мы шли по набережной Лувра, направляясь к Сене, и почти не узнал тебя.

Рука Карлайла искала ручку стеклоочистителя, и Эйнар ждал, что она снова соскользнет с маленькой ручки на колено.

- Он сказал мне, что ты прошел мимо него, - сказал Карлайл, - сказал, что он позвал тебя, но ты просто прошел мимо. Это казалось невозможным.

- Ханс? - позвал Эйнар, увидев в отражении окна машины самые смутные очертания самого себя. Он услышал, как Карлайл предложил:

- Может быть, тебе следует рассказать ему. Он поймет.

Доктор Бусон из Женевуа был ровесником Эйнара. Его черные волосы торчали, как корона; щеки были впалыми, а нос - длинным. Он наклонял голову влево, когда говорил, словно не был уверен, сделает ли следующее заявление.

Бусон принял Эйнара и Карлайла в маленькой белой комнате со столом, над которым висела серебряная чаша экзаменационной лампы. Стояла каталка на колесиках, покрытая сверху зеленой тканью. На ткани лежала дюжина ножниц, каждые из которых имели разный размер. На стене висела диаграмма человеческого мозга. На этот раз Карлайл присоединился к Эйнару в собеседовании. По какой-то причине Карлайл вынудил Эйнара чувствовать себя маленьким, словно Карлайл был отцом Эйнара, и сам отвечал бы на вопросы. Рядом с ним Эйнар едва мог говорить.

Окно выглядывало во внутренний двор, в котором было темно от дождя, и Эйнар наблюдал, как медсестры рысью пробегают по брусчатке. Доктор Бусон объяснял, как относится к людям с путаными состояниями идентичности.

- Обычно такие люди хотят ощутить умиротворение в своей жизни, - говорил он, - и это означает выбор.

Карлайл делал заметки, и Эйнар неожиданно обнаружил, что Карлайл приехал из Калифорнии и занялся Эйнаром так, как если бы он

был его самым важным проектом. Но так не должно было быть. Карлайл не обязан был пытаться понять.

Снаружи во дворе медсестра поскользнулась на мокрых камнях, и когда ее коллега помог ей встать, медсестра показала ему окровавленную ладонь.

- В некотором роде я думаю, что люди, которые приходят ко мне, весьма удачливы, - говорил доктор Бузон. Он надел черные шелковые носки и черные брюки под лабораторный халат.

- Им повезло, потому что я говорю им: «Кем вы хотите быть?», и они выбирают. Это нелегко. Но разве мы не хотим, чтобы кто-то спросил нас, кем бы мы хотели быть? Хотя бы иногда?

- Конечно, - сказал Карлайл, кивая и записывая что-то в блокнот. Эйнару повезло, что когда они возвращались после каждого неудачного приема, Карлайл говорил, положив руки на руль: «Не волнуйся. Мы найдем другого врача».

Что-то в Эйнаре остановилось, и он почувствовал, как замедляется дыхание. Он хотел, чтобы с ним была Герда.

- И это приводит нас к процедуре, - продолжал доктор Бузон, - это довольно новая операция, которая очень волнительна, но полна обещаний.

- Что это? - сказал Эйнар.

- Я не хочу, чтобы вы слишком волновались, когда я расскажу вам об этом, потому что это звучит более сложно, чем есть на самом деле. Это звучит резко, но на самом деле это не так. Операция довольно простая. Она помогает людям с проблемами поведения. Результаты до сих пор лучше, чем любое другое лечение, которое я когда-либо видел.

- Как вы думаете, это сработает на таких, как я?

- Я в этом уверен, - ответил доктор Бузон, - это называется лоботомия.

- Что это? - спросил Эйнар.

- Простая хирургическая процедура для сокращения нервных путей в передней части мозга.

- Операция на мозге?

- Да, но это не сложно. Мне не нужно открывать череп. Нет, это прекрасно! Все, что мне нужно сделать - это просверлить несколько отверстий на лбу, прямо здесь ... и здесь, - доктор Бузон коснулся головы Эйнара, - его висков, а затем на месте чуть выше носа.

- Как только я сделаю дырки в вашей голове, я могу войти и разорвать некоторые из нервных волокон, которые контролируют вашу личность.

- Но как вы узнаете, какие из них контролируют мое поведение?

- Это именно то, что я обнаружил совсем недавно. Разве вы не читали обо мне в газете?

- Мы пришли к вам по совету друга, - сказал Карлайл.

- Ну, должно быть, ваш друг видел статьи. Об этом было довольно много

в прессе.

- Но безопасно ли это? - наконец спросил Карлайл.

- Так же безопасно, как и многие другие вещи. Слушайте: я знаю, это звучит радикально. Но ко мне приходил человек, который считал, что в нем жувет сразу пять человек, а не только двое, и я вошел в его мозг и “закрепил” его личность.

- Как он чувствует себя теперь? - спросил Эйнар.

- Он живет со своей матерью. Он очень тихий, но счастливый. Именно его мать привела его ко мне.

- Но что будет со мной?

- Вы ляжете в больницу. Я подготовлю вас к операции. Важно, чтобы вы отдохнули, и ваше тело окрепло. Я бы попросил вас лечь в больницу и набраться сил, прежде чем я отведу вас в операционную. Это не займет много времени, а потом вы отдохнете. Фактически операция занимает всего несколько часов, и через две недели вы будете готовы уйти.

- И куда мне идти? - спросил Эйнар.

- О, но я думал, что вы уже знаете это! - нога доктора Бусона растянулась, покачивая каталку на роликах, - вам придется разобраться с некоторыми вещами, прежде чем вы придете на операцию. После того, как все закончится, вы уже не будете прежним.

- Неужели все так просто? - спросил Карлайл.

- Как правило.

- Но кем я стану после того, как вы сделаете мне операцию? - спросил Эйнар.

- Это то, что мы пока не можем предсказать, - ответил доктор Бусон, - мы просто должны посмотреть, что будет.

Эйнар слышал стук сабо о брусчатку во дворе. Дождь начал ослабевать, и теперь постукивал в окно. Доктор Бусон слегка повернулся на своем табурете. Карлайл продолжал делать заметки в своем блокноте. Снаружи медсестра с пораненной рукой вновь выглянула из дверного проема. Ее рука была обвязана марлей. Она смеялась вместе со своим коллегой, и две девушки - им было едва ли двадцать, - возможно, только помощницы, - бежали на другую сторону двора, к другой двери с овальным окном сквозь прожилки дождя, золотые и яркие от света.

Глава 18

Встретившись с Болком во второй раз в начале осени 1929 года, Герда прибыла со списком вопросов, записанных в блокноте с алюминиевой спиралью. Париж был теперь серым, и деревья дрожали, освобождаясь от листьев. Женщины выходили на улицы, натягивая перчатки на костяшки пальцев, а мужчины приподнимали плечи, закрывая уши.

Они встретились в кафе на улице Сент-Антуан за столом у окна, что позволило Герде увидеть искажившиеся от погоды лица мужчин и женщин, появлявшихся из глубины метро. Профессор Болк ждал ее. Его наперсток эспрессо закончился. Профессор казался недовольным тем, что Герда опоздала. Герда принесла свои извинения, сославшись на картину, которую не могла оставить, в то время как профессор Болк сидел с каменным лицом и царапал нижнюю часть эскиза небольшим ножом из нержавеющей стали.

“Он красив”, - подумала Герда. У профессора было длинное лицо и подбородок, на котором красовалась ямочка. Его колени не помещались под круглую столешницу с пятнами. Мрамор стола был поцарапан и проржавел, став таким же грубым, как шифер. Маленькая полоса вырезанной латуни овивала кусок мрамора, и Герде было неудобно наклоняться, чтобы говорить с профессором Болком, так как кусок латуни больно давил на ее тело.

- Я могу помочь вашему мужу, - сказал профессор Болк. У его ног стоял портфель с золотой пряжкой и с ручками-полукольцами. Герда подумала, что все не может быть настолько просто. Профессор Болк пришел к двери их коттеджа с этой черной сумкой и провел несколько часов наедине с Эйнарсом. Она сказала себе, что это не сработает, но ей хотелось (очень хотелось!) поверить в это так же, как и в то, что втирая достаточное количество масла из мяты в больную ногу, Карлайл излечил бы ее. Что если бы Тедди Кросс сидел на солнце достаточно долго, то смог бы выжечь свою болезнь из костей.

- Но когда я закончу, он не будет вашим мужем, - продолжал профессор Болк, открывая сумку. Он вытащил книгу, обтянутую зеленой обложкой с блестками. Кожа переплета потерлась и изнасилась, как подлокотники старого читального кресла.

Профессор Болк нашел нужную страницу и поднял глаза, встретив взгляд Герды, старавшейся не обращать внимания на биение сердца в груди. На странице в книге была диаграмма человеческого тела, демонстрирующая как скелет, так и органы, пересекавшиеся параллельными линиями. Эти линии напомнили Герде одну из карт

местности Парижа и окрестностей Бедекера, которые Карлайл использовал, приехав во Францию в первый раз.

- Человек на диаграмме представляет собой среднего взрослого мужчину, - пояснил профессор Болк. Руки нарисованного человека были разбросаны, а его гениталии висели, как виноград на лозе. Страница была смята и исписана карандашами.

- Как видите, - сказал профессор Болк, - мужской таз - это полость. Снаружи висят половые органы. В тазу нет ничего особенного, кроме линий кишечника, которые могут быть перегруппированы.

Герда заказала второй кофе и внезапно почувствовала желание купить блюдо с четвертинками апельсинов. Что-то заставило ее вспомнить о Пасадене.

- Мне любопытно узнать таз вашего мужа, - сказал профессор Болк. "Это странно", - подумала Герда, но профессор Болк ей нравился, и она внимательно слушала его, когда он рассказывал ей о своей жизни. Он учился в Вене и Берлине, в госпитале Шарите, где был одним из немногих мужчин, когда-либо разрабатывавших специальности, относящиеся как к хирургии, так и к психологии. Во время войны он был молодым хирургом, ноги которого все еще росли и чей голос не упал до его окончательного тембра баса. В то время он ампутировал более пятисот конечностей, если считать все пальцы, которые он отрубил ради спасения рук, полуразрушенных гранатами. Болк работал в палатках, двери которых дрожали от ветра и взрывов бомб, принося в жертву ногу, но спасая человека. Каретами скорой помощи служили деревянные носилки для мужчин с раздутыми животами. Они доставляли полуживых солдат на операционный стол профессора Болка, еще мокрый от крови предыдущего пациента. Впервые Болк столкнулся с пациентом, превращенного в открытый моток кишок с середины тела. Болк не знал, что делать. Но человек умирал, а солдаты взирали на его голову и просили Болка о помощи. Газовые баки были почти пусты, и усыпить этого человека полностью не было возможности. Болк положил лист марли на лицо молодого человека и принялся за работу. Была зима, град забрасывал палатку; факелы металась а трупы были сложены, как дрова. Болк решил, что если он сможет разобраться в достаточном количестве кишечника - печень и почки были в порядке - то, может быть, мальчик выживет, хотя никогда больше не сможет ходить в туалет по-большому. Кровь просочилась в рукава Болка, и в течение часа он не поднимал марлю с лица юноши. Хотя парень был без сознания от боли, Болк знал, что ему не хочется увидеть предсмертную агонию на веках раненого. Он шил осторожно, не поднимая взгляд дальше сшиваемого участка. Когда Болк был мальчиком, он резал свиней, но внутри солдата не было ничего похожего на борова - теплого, скользкого и плотного.

Когда ночь сгустила свои краски, а обстрел закончился, но морозный дождь пошел сильнее, Болк начал растягивать то, что осталось от солдатской кожи, поверх раны. Медсестра фройляйн Шеперс стояла окровавленном фартуке. Пациентку, которую она посещала, рвало собственными внутренностями, а затем сразу же умерла. Медсестра остановилась на полминуты, чтобы утереть лицо, а затем присоединилась к Болку. Вместе они растянули кожу солдата от его грудины до лоскутов, висящих над тазом. Фройляйн Шеперс соединила плоть вместе, поскольку Болк пропустил через солдата шнур, более толстый, чем шнурок, и натянул кожу так же крепко, как холщовые сиденья разваливающихся табуретов в палатке с дымоходом, служившей им столовой.

Молодой человек прожил достаточно долго до того, как его погрузили в грузовик скорой помощи с полками для пациентов. Эти полки заставили Болка вспомнить грузовики для хлебобулочных изделий, доставлявших ежедневные буханки, которыми он обедал, будучи бедным студентом-медиком, преисполненным решимости стать таким врачом, каким восхищалась бы вся Германия.

- Пятьсот конечностей и пятьсот жизней, - подытожил профессор Болк в кафе на улице Сент-Антуан, - говорят, что я спас пятьсот жизней, хотя я не могу быть в этом уверен.

Снаружи листья прилипли к верхней ступеньке входа в метро, и люди поскользнулись на них, хотя всем удавалось поймать зеленый медный поручень как раз вовремя. Но Герда смотрела, ожидая, что кто-то из них все-таки упадет и поранит руку. Герда не хотела этого видеть, но знала, что это случится.

- Когда я смогу встретиться с вашим мужем? - спросил профессор Болк.

Герда подумала об Эйнаре, стоявшем на ступеньках Королевской академии изящных искусств. Даже в том возрасте, - а ведь он был уже профессором, ради всего святого! - Эйнар был похож на мальчика в период полового созревания, как если бы они оба знали, что принимая утром душ, он поднимет руку и обнаружит в подмышках первую нить золотисто-коричневых волос. Герда знала, что он никогда не был "правильным". Но теперь она задумалась, действительно ли это когда-либо имело значение. Возможно, ей следует послать профессора Болка в Дрезден одного, подумала она, играя ложкой в своей кофейной чашке. Ей вдруг стало интересно, кого она больше любит - Эйнара или Тедди Кросса? Она сказала себе, что это не имеет значения, но не верила в это. Ей хотелось бы наконец решить этот вопрос и успокоиться с чувством удовлетворения, но она не могла. И тут она вспомнила Лили. Красивая

косточка на вершине позвоночника; руки, которые она держала так, будто собиралась опустить их на клавиши фортепиано; ее шепчущий голос, похожий на ветерок, плывущий сквозь бумажные лепестки исландских маков, заполнявших зимой грядки Пасадены; ее белые лодыжки, скрещенные и спокойные. Кого же она любила больше? - думала Герда. Профессор Болк прочистил горло, поднял подбородок и сказал уверенным тоном:

- Итак, увидимся с Лили в Дрездене.

Но Герда не могла отвести Эйнара в Дрезден. По крайней мере, пока. На то было много причин, в том числе частная выставка ее последних картин, каждая из которых изображала сцены с Лили. Лили лежит на столе с закрытыми глазами, скрестив руки на животе, словно мертвая. Картины - маленькие, размером со словарь, - висели в паркетном фойе графини, которая жила далеко не только от лучшего ателье в Париже, но и от лучшего аптекаря, который знал все о грязевых масках Нормандии и женских полосканиях, смешанных с соком лайма и чистым пасаденским экстрактом "Puce", который Герда дала ему в обмен на косметические средства, такие как "Derma", которые Лили требовала все больше и больше.

Картины - их было всего восемь штук, - были выставлены для людей, чьи шоферы ждали в лимузинах с открытыми дверями и панелями из орехового дерева, отражавшими раннее осеннее солнце, на улице внизу. Ханс устроил шоу, о котором рассказал не одному редактору газет, а первому из корреспондентов было необходимо обязательно осмотреть картины *la rentrée**. На лацкане его костюма сидела опаловая булавка. Ханс сжал руку Герды, когда картины в обрезанных литых рамках, забитых вековой краской, снимали со стен фойе графини. Не смотря на непрерывное накопление своего состояния в главном отделении Банка Дании, глаза Герды остекленели, когда она наблюдала, как открываются кожаные чехлы чековых книжек, а ручки царапают копировальную бумагу.

Выставка была первой причиной, по которой Герда не могла сразу же отвезти Эйнара в Дрезден.

Второй причиной был Карлайл, планировавший остаться в Париже на Рождество. Герда знала, что Карлайл был похож на нее по крайней мере в одном - своей импульсивностью и желанием взяться за дело с навязчивой необходимостью найти решение.

Герда никогда не рисовала так много. Теперь она могла признать, что многие ее картины, особенно в первые годы ее жизни в Дании, никогда не были хорошими. О, если бы она могла вернуться в Копенгаген самой черной ночью и вытащить из стен всех этих офисов по Вестерброгаду и Нёрре Фаримагсгаде те грязные официальные картины, которые она произвела, когда была такой молодой и неуверенной в том, чего хотела или могла бы добиться! Она подумала о серьезном портрете г-на Глюкштадта, финансиста Восточно-Азиатской компании и Копенгагенской свободной гавани. В том портрете она применила чистую серебряную краску, чтобы нарисовать шапку его волос, а его сжимавшая перо правая рука была не более чем квадратом, расплывчатым блоком плотной краски.

Герда знала, что она и Карлайл разделяют одну и ту же потребность продолжать работать. Внутри них почти одинаково реяло желание достижений. Однажды Карлайл вернулся в коттедж с новостями, которые заставили Герду положить кисть в чашку скипидара и сесть на кушетку.

- Эйнар и я встречались с некоторыми врачами, - начал он.

Поездка в кабриолете придала Карлайлу некоторую свежесть, и его лицо стало еще красивее, чем помнила Герда. Закрыв глаза, она слушала плоский и точный голос своего брата, и ей казалось, что она слушает запись самой себя.

Карлайл описал посещения врачей, их тщетность и унижение, которое пережил Эйнар.

- Он может вынести больше, чем большинство мужчин, - сказал Карлайл, и Герда подумала про себя: "Да, я это уже знаю".

- Но есть один доктор, - продолжил Карлайл, - доктор Бусон. Он думает, что сможет помочь Эйнару. Он уже встречался с этим раньше. С людьми, которые думают, что они ... - тут голос Карлайла дрогнул, - которые считают, что в них живет несколько личностей.

Карлайл рассказал про лоботомию, про острые сверла, которые доктор Бусон отправил на каталке с роликами. Доктор говорил об операции так, что создалось впечатление, будто это не сложнее, чем ударить муху.

- Я думаю, это то, чего хотелось бы Эйнару, - сказал Карлайл.

- Это очень плохо, потому что я сама нашла врача, - перебила его Герда.

Она выжала кофейную гущу через цилиндр с дымящейся водой, и теперь наливала ее. Когда оказалось, что на кухне нет сливок, что-то внутри нее взбунтовалось, словно она была маленькой девочкой в особняке в Пасадене с одной из японских горничных, которая не смогла приготовить обещанное блюдо из цыпленка, - и Герде пришлось

удержаться, чтобы не топнуть ногой. Даже Герда ненавидела это чувство, когда становилась мелочной, но иногда не могла с собой справиться.

- Он думает, что может помочь изменить Эйнара, - продолжила она. Извинившись за отсутствие сливок, она подумала: "Полагаю, что не умею управлять домом и работой, даже если мне нравится думать, что я это могу", - но решила, что это будет звучать неискренне. Ее тело стало горячим под длинной юбкой и блузкой, плотно сжатой в рукавах. Герда задалась вопросом: почему она обсуждала своего мужа со своим братом, и почему Карлайл вообще должен был что-то говорить? Но она промолчала.

- Но доктор Бусон думает, что может помочь изменить Эйнара, - настаивал Карлайл, - твой врач предлагает то же самое? Он что-нибудь говорил о лоботомии?

- Профессор Болк считает, что он может превратить Эйнара в женщину, - сказала Герда, - не морально, а физически.

- Но как?

- Через операцию, - ответила Герда, - есть три операции, которые профессор хочет попробовать.

- Кажется, я не понимаю.

- Доверься мне.

- Конечно, я доверяю тебе. Но что это за операция?

- Трансформирующая хирургия.

- Ты уже сказала Эйнару? - спросил Карлайл.

- Пока нет, - ответила она.

- Это звучит ужасно рискованно.

- Не более того, что предлагаешь ты.

Карлайл сидел на бархатной тахте, подняв ногу. Герде нравилось, когда он оставался с ней, чтобы заполнить утренние часы, пока Лили спала, отправлялась по делам или купалась. Герда поняла, что в какой-то степени попросила его о помощи.

- Я не позволю ему пойти к Бусону, - сказала она, - после этого сознание Эйнара может вернуться практически к ребенку, младенцу.

- Это должно быть решение Эйнара, - сказал Карлайл, - он достаточно взрослый, чтобы решать самому.

Всегда разумный, ее брат. Иногда слишком прагматичный для Герды.

Герда отхлебнула кофе. Как же она ненавидела черный кофе! Она сказала:

- Это будет решение Эйнара. Конечно.

И это была еще одна причина, по которой Герда не могла просто отвезти Эйнара в Дрезден. Ей нужно было выбрать свободный от работы

день, а Эйнар был бы счастлив после недавнего посещения Лили. При этом ее пребывание было бы не болезненным, а радостным: с победной игрой в бадминтон на лужайке за домом Анны, или вечерним визитом в кинотеатр во Дворце Гамонт. Только после такого дня Герда могла бы объяснить Эйнару все варианты того, что можно делать с Лили дальше. Это будет нелегко. Герда вообразила, что Карлайл отлично справился с задачей убедить Эйнара в мастерстве доктора Бусона и в потенциале лоботомии, который казался ей ужасным и жестоким. Она никогда не допустит Эйнара к чему-то подобному. Но Карлайл был прав в одном: Эйнар должен решить сам. Герда должна была заставить его поверить, как и она сама, что Болк может решить их проблему, которая как определила, так и разрушила их брак, и сделала это гораздо более решительно, чем любой другой человек в мире. Болк уже вернулся в Дрезден, поэтому Герде пришлось бы убедить Эйнара в своей правоте: взять Лили за руку, заправить волосы за уши, и объяснить ей ту перспективу, - блестящую перспективу, - которая ожидала его в Дрездене.

И все же была еще одна причина, по которой Герда медлила с отъездом Эйнара в Дрезден. К марту 1918 года зимние дожди закончились, и Пасадена стала зеленой, - такой же зеленой, как нефритовый Будда Акико, который содержался в ее мансарде на третьем этаже особняка Вэуд. Герда и Тедди похоронили малыша Карлайла на поле клубники Бейкерсфилда и переселились в Пасадену, опечаленные, и, как подчеркнула госпожа Вэуд, с волнением игравшая с кольцами на руках, немного травмированными.

Но дожди закончились, и Пасадена снова была зеленой, с лужайками озимой ржи, словно одеялами из войлока. Ее клумбы расцветали розовыми и белыми цветами, исландские маки плавали над землей. В апельсиновых рощах белые цветы были похожи на снежные пальто. Для Герды корни апельсиновых деревьев выглядели как локти, проталкивающиеся сквозь влажную почву. Корни были тусклого цвета плоти и толщиной с руку человека. Дожди смягчили почву для дождевых червей в сине-серых шкурках, которые напомнили Герде о рождении Карлайла. Она никогда не забудет червеобразный цвет шнура, скрученный штопором. Ни голубоватую слизь, закрывающую глаза ребенка, ни блеск ее собственных жидкостей, покрывавших его, словно он был заключен в тонкую, жирную простыню, созданную ее собственным телом в его независимой мудрости.

Герда думала об этом весной, управляя апельсиновыми рощами в отсутствие отца. Она осматривала земли в машине с откидным ветровым

стеклом, которая пронесла ее по грязи. Герда руководила командами - в основном подростками из Текейт и Тусон, нанятыми, чтобы разобрать подвал. Под деревом, фрукты которого преждевременно опали, она увидела, как в грязи скользит гнездо червей. Это заставило Герду вспомнить о Тедди и его кашле. Почти год мокрота выходила из его легких, а ночью он изливал из себя пот настолько ледяной, что сначала Герда думала, будто Тедди опрокинул стакан воды в их постель. При звуке первого кашля, зловеще прокравшегося в его горло, словно хруст разбитого стекла, Герда предложила вызвать врача. Тедди закашлялся, и она подняла трубку, чтобы позвонить доктору Ричардсону, - человеку родом из Северной Каролины, но Тедди возразил:

- Со мной все в порядке. Я не пойду к врачу.

Герда вернула трубку на место и сказала только:

- Хорошо.

Ей пришлось дожидаться, пока Тедди выйдет из дома, чтобы позвонить доктору. Всякий раз, когда Тедди кашлял и просил свой платок, который Герда сама прижимала к его губам, она старалась заметить, не возникло ли перемен в кашле. Иногда кашель был сухим, и тогда Герда молча вздыхала. Но в других случаях кашель был с мокротой, и жидкая беловатая жидкость выходила изо рта Тедди на носовой платок. Затем он выплевывал плотный сгусток крови, который постепенно становился все больше и больше. Герда ополаскивала все белье Тедди, включая и его носовые платки, вместо Акико, и видела, сколько он кашлял кровью. Ей приходилось менять ночные простыни и окунать носовые платки, а иногда и рубашки, в ванны с отбеливателем. Горький запах хлора поднимался к ее ноздрям и жалил глаза. Кровь трудно отстирывалась, и Герда стирала кончики пальцев, пытаясь избавиться платочки от пятен, напоминавших Герде тряпки с краской, которые она использовала во время рисования. Ее мольберты теперь поселились в коттедже в Пасадене, но Герда больше не писала вообще.

И все же, всякий раз когда Герда поднимала трубку, Тедди говорил: "Я не пойду к доктору из-за ерунды, потому что я не болен".

Пару раз Герде удалось вызвать доктора Ричардсона в коттедж. Тедди приветствовал его в солнечной комнате, и волосы падали ему на глаза.

- Вы знаете, как может жена всегда беспокоиться по пустякам, - говорил Тедди, - но честно, док, со мной все в порядке.

- Тогда как насчет твоего кашля? - перебила Герда.

- Не больше, чем болезнь фермера. Если бы ты выросла на полях, ты бы тоже кашляла, - говорил он смеясь, и заставляя доктора Ричардсона и Герду смеяться тоже, хотя Герда не видела ничего забавного в том, что делал Тедди.

- Вероятно, ничего серьезного, - сказал Ричардсон, - но вы не возражаете, если я вас осмотрю? На самом деле, я бы это сделал.

В солнечной комнате пол был выложен плитками, которые Тедди сделал в своей мастерской. Они были оранжевого цвета янтаря и окрашены черным раствором. Зимой черепица была слишком холодной, чтобы стоять на ней даже в носках.

- Тогда позвоните мне, если вам будет хуже, - сказал доктор Ричардсон, сжимая свою сумку.

И Герда, которая больше всего на свете хотела быть хорошей женой, не желавшей, чтобы ее муж смеялся со своими приятелями по поводу того, какой подлой и пронзительной собственницей она стала, заправила свои волосы за уши, и сказала:

- Тогда все в порядке. Если ты не пройдешь осмотр у Ричардсона, тебе лучше чертовски хорошо позаботиться о себе.

Комната Тедди в санатории, где он поселился, имела вид на Арройо-Секо и горы Сан-Габриэль. По этой причине Герда считала весну 1918 года более зеленой, чем любая другая, которую она могла вспомнить. Герда сидела в кресле у окна и изучала зеленый сад, пока Тедди спал.

Санаторий был загородным оштукатуренным зданием с колокольней, висевшим на краю утеса над Арройо. Вокруг дома выстроились розовые кусты. Комната в форме ромба имела маленькие окна с видом на север и юг. Кровать Тедди была сделана из белого железа, и каждое утро медсестра приходила и садилась в его кресло-качалку. Затем она сворачивала сине-полосатый матрас на открытых пружинах у подножия кровати, как огромный рулон ириски.

Большую часть зимы Тедди провел в санатории, и вместо того, чтобы идти на поправку, ему, казалось, только становилось хуже с каждой неделей. Щеки его стали впалыми, глаза залиты чем-то похожим на испорченное молоко. Герда приходила утром и первым делом вытирала ему глаза уголком своей юбки. Затем она расчесывала его волосы, которые поредели, превратившись в несколько бесцветных прядей. По утрам температура Тедди поднималась так высоко, что лоб становился мокрым, но он был слишком слаб, чтобы поднять руку и вытереть его. Герда неоднократно находила его в своем кресле-качалке в солнечном свете маленького окошка, горящим от лихорадки, во фланелевом халате, который медсестра завязывала вокруг его пояса. По тому, как искажалось его лицо, Герда видела, что он пытается поднять руку, чтобы вытереть фланелевым рукавом свой лоб. Пот капал с его подбородка так, будто он стоял под ливнем. Но за окном был март, зимние дожди

закончились, и вся Пасадена была нефритово-зеленой. Вместо чистого солнечного света, выжигающего туберкулез из легких и костного мозга, солнце лишь поджигало Тедди так, что до десяти часов и первого приема лечебного двадцатидневного стакана сока из кумквата Тедди падал в обморок под тяжестью лихорадки.

К апрелю Тедди спал все больше и больше. Герда сидела в качалке. Белая простыня на его руках была потертой, а он лежал в постели на боку. Иногда он переворачивался во сне, и пружины скрипели, напоминая Герде стон его костей, наполненных туберкулезом, как эклер, наполненный сливками. Доктор Тедди, мужчина по имени Хайтауэр, приходил в палату. Из под его белого халата был виден дешевый коричневый костюмом. Тедди продолжал отказываться от лечения доктора Ричардсона, который лечил не только каждого Вэуда в Пасадене, но также семьи Генриетты, Маргариты и Дотти Энн.

- Мне подходит доктор Хайтауэр, - сказал он, - мне не нужен врач причудливых людей.

- В любом случае, что, черт возьми, значит «врач причудливых людей»?! - спросила Герда, сожалея о своем повышенном тоне в тот момент. Она не хотела противоречить мужу. Больше всего на свете она не хотела обидеть Тедди, сказав, что знает больше, чем он. Так она себя чувствовала, поэтому вежливо терпела доктора Хайтауэра во время своих ежедневных визитов. Доктор всегда спешил, и у него часто не находилось надлежащих документов в папке с зажимом подмышкой. Доктор Хайтауэр был долговязым, с норвежскими светлыми волосами цвета очень легкого кофе. Он был родом из Чикаго, и что-то на кончиках его конечностей - носа, ушей, его пухлых пальцев, - выглядело отмороженным. - Как вы себя чувствуете сегодня? - спрашивал доктор Хайтауэр. - Немного лучше, - говорил Тедди, честно веря в это или не подозревая, что можно было ответить что-либо другое. Доктор Хайтауэр кивал и проверял что-то на графике в своей папке. Герда извинялась, чтобы позвонить в рощу, где с минуты на минуту ожидался груз апельсиновых сборщиков с Текате. И когда телефон медсестры прижался к ее уху, Герда сделала второй звонок Ричардсону, сказав только: «Ему становится хуже».

Мать Герды приезжала, как правило, после обеда, когда Тедди отдыхал. Герда и Тедди молча сидели, пока миссис Вэуд гремела на тему открытия пляжного домика в Дель-Мар или про телеграмму отца Герды, с

еще большим энтузиазмом сообщавшую газетам о том, что близится конец войны. Герда безмолвно надеялась, что ее мать вмешается таким образом, как могла бы только она: открыть шторы и подтолкнуть Тедди из постели в горячую минеральную ванну, поднеся чашку чая к его губам.

«Хорошо, теперь давайте заживем!» сказала бы миссис Вэуд, потирая руки и заправляя пряди волос за уши. «Достаточно этой чумы - туберкулеза!» - говорила бы миссис Вэуд. По крайней мере, Герда тайно надеялась, что она так скажет.

Но миссис Вэуд так этого и не сделала - она предоставила Тедди Герде. Уходя, она надевала перчатки, целовала Тедди в лоб через хирургическую маску, и просто говорила:

- Я хочу, чтобы ты сидел в следующий раз, когда я приду.

Затем она отводила глаза и смотрела на Герду. В коридоре, за пределами комнаты, миссис Вэуд снимала маску и говорила:

- Удостоверься, что он получает лучшую заботу, Герда.

- Он не хочет видеть Ричардсона.

- Он просто обязан.

И Герда снова звонила Ричардсону, сообщая ему последнее состояние Тедди.

- Да, я знаю, - отвечал доктор Ричардсон, - я консультировался с доктором Хайтауэром. Честно говоря, я не уверен, что могу сделать что-нибудь еще для него. Нам просто нужно подождать и посмотреть.

Приехав из Стэнфорда в гости, Карлайл отвел Герду в сторону и сказал:

- Мне не нравится этот Хайтауэр. Откуда он взялся?

Герда начала объяснять, что его назначили в санатории, но Карлайл перебил ее:

- Может быть, пришло время пригласить Ричардсона.

- Я пробовала.

- Могу ли я что-нибудь сделать?

Она подумала об этом, услышав, как Тедди кашлянул по другую сторону двери. Проволочные пружины кровати дрожали. Глубокое хриплое дыхание задохнулось.

- Я должен подумать об этом. Я уверен, что должен вмешаться. Мне нужно подумать об этом. Ты понимаешь, насколько это серьезно, не так ли? - Карлайл взял ее за руку.

- Но Тедди силен, - ответила она.

Вечером того же дня, когда ушел Карлайл, солнце скользило над предгорьями, и пушистые тени падали на каньоны Пасадены, как одеяла,

Герда взяла холодную руку Тедди. Пульс на нижней стороне запястья был слабым, и поначалу она даже не почувствовала его. Но пульс постукивал – слабо и не часто.

- Тедди? - позвала она, - Тедди, ты слышишь меня?

- Да, - отозвался он.

- Больно?

- Да.

- Тебе сегодня лучше?

- Нет, - сказал он, - боюсь, что мне хуже. Хуже, чем когда-либо.

- Но тебе будет лучше, Тедди? Сделай мне одолжение. Я позвонила Ричардсону. Он придет утром. Пожалуйста, дай ему взглянуть на тебя. Это все, о чем я прошу. Он хороший доктор. Он спас меня, когда я была маленькой и заболела ветряной оспой. У меня была лихорадка, и все, включая Карлайла, вычеркнули меня из жизни, но сегодня я так же сильна, как и все, и у меня ничего не осталось от этой чертовой болезни, кроме этого маленького шрама.

- Герда, дорогая, - сказал Тэдди, судороги прыгали в его горле, - я умираю, дорогая. Ты знаешь это, не так ли? Мне не станет лучше.

Она этого не знала, но лишь до сих пор. Конечно, он умирал. Теперь он как никогда был ближе к мертвецу, чем к живому. Его руки стали тонкими и слабыми от пожелтевшей плоти; глаза были заражены. Его легкие, словно губки, опустившиеся прямо на дно Тихого океана, были насквозь пропитаны кровью и мокротой. И его кости, - это была самая жестокая часть, - кости его были изрезаны. Их грыз мокрый живой огонь. Герда думала о боли, которую он, должно быть, испытывал, но на которую никогда не жаловался. Она готова была забрать эту боль себе.

- Прости, - сказал Тедди.

- За что?

- За то, что бросаю тебя.

- Но ты меня не бросаешь.

- И я сожалею, что прошу тебя сделать это, - сказал он.

- Что сделать? О чем ты говоришь? - она почувствовала, как по спине пробежала паническая дрожь. В комнате было тепло из-за сырости. Ей следовало открыть окно, подумала Герда. Дать бедному Тедди свежий воздух...

- Ты сможешь мне с этим?

- С чем? - она не понимала его, и подумала только о том, чтобы позвонить Ричардсону и сообщить, что Тедди говорит глупости.

Плохой знак. Она знала, что ответит Ричардсон. Он скажет, что ему тяжело говорить по телефонной линии.

- Возьми эту подушку... резиновую. Положи ее на мое лицо, только не сильно. Это не займет много времени.

Герда замерла. Теперь она поняла. Последняя просьба мужа, которому она хотела угодить больше всего на свете. И больше всего на свете она хотела, чтобы он покинул этот мир, все еще влюбленный в нее. В кресле-качалке лежала резиновая подушка. Тедди пытался поднять руку, чтобы

указать.
- Просто придержи ее на моем лице минуту или две, - попросил он, - так будет легче.

- О, Тедди, - прошептала она, - я не могу... Утром доктор Ричардсон будет здесь. Подожди до тех пор. Пусть он взглянет на тебя. Он может знать, что будет с тобой дальше. Просто продержись до этого времени. Пожалуйста, перестань говорить об этой подушке и указывать на нее!... - пот собирался на ее спине и на блузке под грудями, словно у нее была лихорадка. Капли пота проскальзывали мимо ее ушей. Герда повернула оконный рычаг и почувствовала прохладный воздух. Подушка была черной, с плотными краями, и пахла, как шина. Тедди все еще смотрел на нее.

- Да, - сказал он, - принеси ее сюда.

Герда прикоснулась к ней. Кожа подушки была толстой, как у грелки. Подушка была вялой, наполовину заполненной воздухом.

- Герда, дорогая... это последнее. Просто прижми ее к моему лицу. Я больше не могу.

Герда взяла подушку, наполненную резиновым запахом, и прижала ее к груди. Она не могла этого сделать. Такой ужасный способ: умереть под этой вонючей старой вещью; убить последний запах жизни... «Но хуже всего то, *кто* собирается его убить», сказала себе Герда, перебирая упругий край подушки. Хуже, чем она когда-либо думала. Нет, она не могла этого сделать. Она выбросила подушку в окно, и та упала на Арройо-Секо, словно раненый ворон. Тедди приоткрыл губы, и стал виден его язык. Он пытался что-то сказать, но усталость преодолела его, и он уснул.

Герда подошла к нему и поднесла ладонь к его губам. Дыхание Тедди было не сильнее, чем взмах крыльев бабочки.

Когда наступил вечер, залы санатория умолкли. Голубые сойки сделали последний рывок в пондерозе возле окна Тедди, и Герда взяла его холодную влажную руку. Она уже не могла смотреть на него, и отвернулась к окну, наблюдая, как Арройо-Секо превращается в черную яму. Горы Сан-Габриэль превратились в черные силуэты чего-то большого, черного и безликого, нависшего над долиной, в которой Вэуды

жили среди каньонов и апельсиновых рощ. Герда затаила дыхание, чтобы не потерять сознание. Когда она, наконец, выдохнула воздух и утерла слезы своей манжетой, то уронила руку Тедди. Она снова поднесла ладонь к его носу, а затем, ночью, она уже знала, что Тедди Кросс ушел по своей воле.

* *la rentrée* - дословно - вход в плотные слои атмосферы, здесь – «с погружением».

Часть третья.

Дрезден, 1930 год

Глава 19

Поезд Эйнара вошел в Германию. Он остановился на коричневом поле, - темное серебро с инеем. Солнце в январском небе было слабым, и березы, испещерившие поле, сжались от ветра. Все, что Эйнар мог увидеть - это плоская земля вплоть до серого неба на горизонте. Вокруг больше ничего не было. Ничего, кроме дизельного трактора, заброшенного на зиму, красное металлическое сиденье которого дрожало на ветру.

Пограничный патруль проверял паспорта в поезде. Эйнар слышал офицеров в соседних вагонах, стук их сапогов тяжело отдавался по полу. Офицеры говорили быстро, но им было скучно. Слышалось тонкое хныканье женщины, объясняющей, где ее документы, и один из офицеров перебил ее: “Nein, nein, nein.”*

Два офицера подошли к купе Эйнара, и в груди у него дрогнуло, словно он был повинен в чем-то. Офицеры были молоды и высоки, их форма плотно прилегала к плечам, и Эйнару стало неловко. Лица офицеров блестели под козырьками шапок, как медные пуговицы на их манжетах. Эйнар внезапно подумал, что юные офицеры будто бы сами были сделаны из меди, - золотой, блестящей и холодной. От них исходил металлический запах, - вероятно, запах крема для бритья, предоставленного правительством. Один из офицеров жевал окурки, а костяшки пальцев его партнера были в царапинах.

Эйнар сразу же почувствовал, что разочаровал патруль. По всему было видно, что Эйнар он не мог причинить никаких проблем. Офицер с серыми ногтями потребовал паспорт Эйнара. Датский язык в паспорте не заинтересовал его. Офицер открыл паспорт, глядя на своего напарника. Ни один из дышавших ртом офицеров не проверил информацию в документах и не взглянул на сделанную так давно фотографию на студийных ступенях с затхлым запахом от Рундеторна*, чтобы сравнить ее с лицом Эйнара. Офицеры ничего не сказали. Первый бросил паспорт на колени Эйнара. Второй, чьи глаза сузились на Эйнаре, ударил себя в живот. Медные пуговицы на его манжете задрожали, и Эйнар ожидал услышать звон колокола. Офицеры ушли, и поезд снова тронулся в путь. На поля Германии, которые вспыхивали весной буйными желтыми цветами и пахли почти мертвым соблазнительным запахом, опустилось слепополуденное затишье.

Остальная часть поездки Эйнара была мучительной. Герда спросила его, хочет ли он, чтобы она поехала вместе с ним. Теперь Эйнар думал о том, что причинил ей боль, ответив отказом. “Но почему бы и нет?” - настаивала она. Они с Эйнаром находились в передней комнате коттеджа, и Эйнар не ответил. Ему было трудно признать это, но ему казалось, что если Герда будет с ним, у него не хватит смелости пройти через это. Герда напоминала бы ему о прежней жизни, в которой они были счастливы. Эйнар и Герда были влюблены. Если бы она поехала с ним, Эйнар опасался, что отменит встречу с профессором Болком в последний момент. Возможно, вместо этого он сказал бы Герде, что они должны пересесть на другой поезд во Франкфурте и отправиться на юг, - обратно в Ментон, где чистый солнечный свет и море могут все превратить в пустяк. Сказав “Нет, я поеду один”, Эйнар почти чувствовал запах лимонных деревьев в парке перед муниципальным коттеджем. Будь Герда с ним, Эйнар мог сказать, что возвращается в Блютус, в фермерский дом рядом с полями сфагнома, где теперь жила другая семья. Возможно, он попытался бы убежать и взял бы Герду с собой в комнату своего детства, где перьевой матрас был маленьким и тонким, а стена у кровати исцарапана рисунками Ханса и Эйнара. В комнату, где на ногах кухонного стола была ободрана краска, когда Эйнар спрятался под ним и услышал, как отец обратился к бабушке: “Принесите мне еще чай, прежде чем я умру”.

Перед отъездом Эйнара из Парижа Карлайл спросил его, понимает ли он, во что ввязывается. “Ты действительно знаешь, что Болк хочет с тобой сделать?”

На самом деле, Эйнар не знал подробностей. Он знал, что Болк преобразит его, но даже Эйнару было трудно представить, как именно. Он знал, что профессор проведет ряд операций. Удаление его мужских половых органов, которые он все больше и больше ощущал, как паразитическую бесполезность, словно бородавки.

“Я все еще думаю, что вместо Болка ты мог бы увидеть Бусона” – настаивал Карлайл. Но Эйнар выбрал план Герды. В ту ночь, когда они тихо лежали под постельным бельем, а их мизинцы переплелись, он не доверял больше никому в мире.

- Позволь мне поехать с тобой, - в последний раз пыталась Герда, поднося руку к груди, - тебе не нужно проходить через это в одиночку.

- Но я смогу это сделать, только если буду один. В противном случае ... - он помолчал, - мне будет слишком стыдно.

Итак, Эйнар путешествовал один. Он видел свое отражение в окне поезда. Его лицо было бледным и тонким. Это заставило его вообразить себя отшельником, который много лет не поднимал лицо к окну своей лачуги.

В кресле напротив Эйнара лежала «Франкфуртер Цайтунг», забытая женщиной, ехавшей с младенцем. В газете был некролог человека, сколотввшего состояние на цементе. В некрологе была его фотография, на которой мужчина выглядел грустным. В его лице было что-то, напоминающее ребенка.

Эйнар откинулся на спинку сиденья и наблюдал за своим отражением в окне. Когда пришел вечер, отражение стало более темным и угловатым, и в сумерках он не узнал лицо на стекле. Затем отражение исчезло полностью. Снаружи не осталось ничего, кроме отдаленных огней деревни, и Эйнар сидел в темноте.

«Мы не знали, с чего начать некролог», - думал он. Герда написала черновик и доставила его на стол редакции газеты. Возможно, им следовало начать именно с этих слов - молодым репортерам с тонкими светлыми волосами из Национал-демократа. Они брали проект Герды и переписывали его, понимая, что это неправильно.

Эйнар чувствовал тряску поезда и размышлял над тем, как должен будет начаться его некролог.

«Он родился на болоте. Маленькая девочка родилась мальчиком там, на болоте. Эйнар Вегенер никогда никому не рассказывал, но его первым воспоминанием был солнечный свет, падавший через ворот летнего платья бабушки. Мешковатые рукава, свесившиеся в кровать, чтобы удержать его. Он вспоминал - нет, чувствовал, - что белое летнее платье будет окружать его всегда, словно это такой же незаменимый элемент, как свет и тепло. Эйнар был в своем крестильном платье. Кружева, сотканые его тетюшками для погибшей матери, свисали вокруг него. Платье висело у его ног, и позже оно напоминало Эйнару о кружевных шторах, висевших в домах датских аристократов. Румяный хлопок штор падал на плинтус и касался досок черного дубового пола, отполированного пчелиным воском костлявой служанкой. На вилле, где родился Ханс, были именно такие шторы, и когда он (девочка, рожденная мальчиком на болоте) приблизился, чтобы коснуться их, баронесса Аксгил защелкала языком - это был самый тонкий язык, который когда-либо видел Эйнар...»

Некролог не учел бы эту часть. Он также не упомянул бы Эйнара, сидевшего на Туборге и писавшего канал в тот вечер, когда он продал

свою первую картину. Он был молодым человеком из Копенгагена; его твидовые брюки собирались на талии, а на ремне была пробита еще одна дырочка при помощи молотка и гвоздя. Эйнар учился в Королевской академии изящных искусств за стипендию для мальчиков из страны. Никто не ожидал, что он займется этим всерьез только для того, чтобы узнать пару-тройку трюков об обрамлении и переднем плане, а затем вернется в болота, где он мог рисовать карнизы ратушей северной Ютландии со сценами, изображавшими норвежского бога Одина. Но тогда, в тот ранний весенний день, когда воздух все еще кристаллизовался в легких, человек в плаще остановился в академии. Студенческие картины висели на стенах коридоров вокруг открытой лестницы с белой балюстрадой, где через несколько лет Герда возьмет лицо Эйнара в свои руки и влюбится в него. На стене висела маленькая картина Эйнара с черным болотом в рамке из искусственного сусального золота, за которую он заплатил деньги, заработанные на медицинских экспериментах в «Коммунхоспиталете».

Человек в плаще говорил мягко. По залам академии разнеслись слова о том, что он торговец из Парижа. На нем была широкополая шляпа, обтянутая полоской кожи, и ученики едва могли видеть его глаза. Его рот обрамляли маленькие светлые усы, а слабый запах газетной бумагитянулся за ним, как шлейф. Господин Рамп, бывший менее талантливым потомком г-на Г. Рампа, представил себя незнакомцу. Рамп сопровождал человека через залы академии с серыми, неокрашенными, но чистыми полами. Рамп попытался остановить незнакомца перед полотнами, нарисованными его любимыми учениками, изображавшими девушек с волнистыми волосами и взерошенными, словно яблоками, грудями; и мальчиков с бедрами, как окорока. Но человек в плаще, который ответил (хотя никто не мог этого подтвердить): «У меня есть свой язык для таланта», отказался поддаваться предложениям г-на Рампа. Незнакомец кивнул перед картиной мышки с сыром, сделанной Гертрудой Грубб, - девушкой с такими же желтыми и пушистыми бровями, как если бы канарейка уронила на ее лицо два перышка. Он также остановился перед сценой, изображавшей женщину, продающую лосося, нарисованную Софусом Брандесом, - мальчиком, чей отец был убит на пароме в Россию из-за единственного взгляда на юную невесту убийцы. Затем человек в плаще остановился перед маленькой картиной Эйнара, на которой изображалось черное болото. На картине была ночь, дубы и ивы отражали только тени, а земля была темной и влажной, как масло. В углу, рядом с покрытым слюдой валуном была нарисована маленькая белая собака, спящая на холоде. Лишь за день до визита господина в плаще господин Рамп заявил, что картина «слишком темная для датской школы», и определил для нее не самое лучшее место на стене - рядом с туалетом.

- Это хорошо, - сказал мужчина в плаще, и его рука потянулась в карман за купюрой. По слухам, его кошелек был сделан из кожи ящерицы.

- Как зовут художника? - спросил он.

- Эйнар Вегенер, - ответил господин Рамп, чье лицо наполнилось горячим ярким цветом холеры. Незнакомец вручил ему сотню крон. Человек в плаще снял картину со стены, а затем все в академии: господин Рамп и студенты, следившие за происходящим из щелей в дверях классной комнаты; администраторы в застегнутых блузках; сироты, которые тайно составили потерпевший неудачу план вытолкнуть господина Рампа из окна академии; и наконец Эйнар Вегенер, стоявший на лестнице, где позже Герда поцеловала его, дружно заморгали. Этот случай был настолько примечателен и оставил в легком потрясении весь коллектив, что вся академия - каждый последний ее член, будь то художник или нет, - моргнули одновременно. А когда все открыли глаза, солнце вокруг шпилей Копенгагена сместилось, заполнив оконные стекла академии, а человек в плаще исчез.

Этот день некролог тоже пропустит. Будет также не хватать одного дня в августе с Гердой. Это было до того, как они поженились, сразу после окончания войны. Всего месяц, как Герда вернулась в Копенгаген. Она подошла к двери кабинета в академии, в соломенной шляпе, украшенной георгинами, и, когда он открыл дверь, она сказала: "Идем!" Они не видели друг друга с тех пор, как она уехала в Калифорнию в начале войны. Эйнар спросил: "Что нового?", но Герда только пожала плечами и ответила: "Здесь или в Калифорнии?"

Она вывела его из академии в Конгенс Ниторв, где движение кружилось вокруг статуи Кристиана V на коне. Перед Королевским театром стоял немецкий солдат с ампутированной ногой. Его брезентовый плащ лежал на тротуаре, ловя монетки. Герда взяла Эйнара за руку, и ахнув, оставила мужчине деньги. Она спросила его имя, но солдат был настолько потрясен, что не смог ответить ей.

- Я не понимаю, - сказала Герда, когда они с Эйнаром продолжили путь, - в Калифорнии все казалось таким далеким...

Они прошли через угол Конгенс, где каркасы нуждались в обрезке, дети убегали от своих матерей, а молодые пары лежали на лужайке на одеялах с узорами и желали только, чтобы остальной мир исчез, оставив им одиночество для двоих.

Герда не сказала, куда они направлялись, а Эйнар не хотел спрашивать. День был ярким и теплым, окна вдоль Кронпринцессегады* были открыты, и летние занавески трепетали. Грузовик-фургон проехал

мимо, и Герда взяла Эйнара за руку. Она попросила: “Не говори ничего”, но сердце Эйнара колотилось, потому что молодая девушка, поцеловавшая его на лестнице академии, вернулась в его жизнь так же быстро, как и исчезла пятью годами ранее. В эти пять лет он вспоминал Герду так, как вспоминают тревожный и увлекательный сон. Во время войны он думал о ней в Калифорнии. Ее образ, мчавшийся по залам академии с кистями под рукой и металлическими браслетами, отражавшими свет, оставался с ним в течении войны. Герда была самым занятым учеником, которого он когда-либо знал. Посещавшая балы и балеты, она всегда была готова к работе, даже если работать приходилось до позднего вечера, когда большинству других требовался аквавит и сон. Думая об идеальной женщине, Эйнар больше и больше представлял себе Герду. Более высокую и быструю, чем все остальные в мире. Он мог вспомнить, как однажды оторвал взгляд от стола в своем кабинете и увидел из окна, как она пробежалась по сигнальному трафику, проведенному Конгенсом Ниторвым. Ее серо-голубая юбка как плуг прошла по решеткам и бамперам машин, и шоферы, сжимавшие резиновые луковицы своих баранок, смотрели на нее. Эйнар вспоминал, как она размахивала руками в воздухе и говорила: «Кого это волнует?». Конечно, Герда не заботилась ни о чем другом, кроме того, что имело для нее смысл. Становясь все более молчаливым и одиноким в своей холостой взрослой жизни, пока другие убеждались, что он никогда никому не будет принадлежать, Эйнар начал размышлять над своей идеальной версией женщины. И ею была Герда

А потом она появилась в его кабинете в теплый августовский день, и теперь вела его по улицам Копенгагена, под открытыми окнами гостиных вдоль Кронпринцессегаде*, на которой они слышали визг детей, готовых к летнему отдыху на Северном море, и визг болонки, не готовой к растяжению ее крошечных ног. Когда они дошли до улицы, Герда попросила:

- Обязательно успокойся.

Эйнар не знал, что она имела в виду, но Герда взяла его за руку, и они скрылись за припаркованными автомобилями. Прошлой ночью шел дождь, и бордюры все еще были влажными, а солнце на мокрых резиновых шинах приносило аромат теплого каучука к носу. Это был запах, который Эйнар будет вспоминать, катаясь по летнему Парижу вместе с Карлайлом, и все они будут решать будущее Лили.

Герда вела его от машины к машине, как будто они уклонялись от огня противника. Они шли вниз по кварталу, двигаясь, словно по коридору, где жил герр Янссен, - владелец перчаточной фабрики, в которой пожар убил сорок семь женщин, сгорбившихся на своих ножных машинах; по кварталу, где жила графиня Хаксен, у которой в восемьдесят восьмом была самая большая коллекция чашек во всей Северной Европе -

коллекция настолько обширная, что даже она не возражала, когда вспышка гнева одолевала ее и она швыряла одну из них в стену. Они шли вниз по кварталу, где жили Хансены со своими дочерьми-близнецами - девушками такими светлыми и красивыми, что их родители постоянно боялись их похищения. Вниз, к белому дому с синей дверью и оконными коробками, засаженными геранью, цветущей красными, как куриная кровь, цветами, аромат которых даже на другой стороне улицы слышался обильно и горько. Это был дом, в котором отец Герды жил во время войны, и теперь, когда война закончилась, он вернулся в Пасадену.

Из-за капота Лаборде Скифф Герда и Эйнар наблюдали, как грузчики таскали ящики с вещами вниз по ступенькам в грузовик. Эйнар и Герда чувствовали запах герани, судоходной соломы и пот мужчин, когда те поднимали ящик с балдахинном от кровати Герды.

- Мой отец уезжает, - сказала Герда.

- А ты?

- О, нет. Я собираюсь остаться одна. Разве ты не видишь?

- Смотря что.

- Наконец-то я свободна.

Но Эйнар не видел, и не только тогда. Он не считал, что Герда должна быть одинокой в Дании, чтобы стать женщиной, которой она себя видела. Ей нужно было отпустить океан и континент между собой и своей семьей, чтобы почувствовать, что она, наконец, могла свободно дышать. Тогда Эйнар не понимал, что это была еще одна из чертовски наглых черт Герды, требовавших kloкотать и отталкивать. Никогда прежде он не думал, что поступает так же.

Эту другую часть его жизни написанный «Национал-демократом» некролог тоже пропустил бы. Они не знали, где его искать. И, как большинство газетчиков, молодые репортеры с тонкими волосами не будут достаточно внимательны, чтобы проверить источник. Время истекало. Эйнар Вегенер ускользнул. Только Герда могла вспомнить жизнь, которую он вел.

Некролог, который никогда не будет написан, должен был звучать следующим образом:

«Прошлым летом Лили проснулась в своей комнате в коттедже, и ей стало невыносимо жарко. Стоял август. Впервые после того, как они поженились, Герда и Эйнар решили не отдыхать в Ментоне, главным образом из-за его ухудшающегося здоровья. Кровотечение. Потеря веса. Глаза все глубже погружались в глазницы. Иногда он не мог держать голову за столом. Никто не знал, что делать. Никто не знал, чего хотел Эйнар.

Лили проснулась в то жаркое утро, когда выхлопы от грузовиков, доставлявших угрей в ресторан на углу, поднимался через открытое окно и пылил в лицо грязью. Лили лежала в постели, думая, что сегодня она не сможет встать. Утро прошло, пока она смотрела на штукатурку на потолке, на белые гипсовые лепестки в центре, вокруг основания люстры. Затем Лили услышала голоса в передней. Человек и секунда. Ханс и Карлайл. Она слушала их разговор с Гердой. Герды не было слышно, и это было похоже на разговор двух мужчин. Их колючие голоса заставили Лили подумать о трехдневной щетине на горле. Должно быть, после этого Лили заснула, потому что следующее, что она увидела, было солнце, входившее в комнату из-за зеленых медных крыш через улицу, на которых ястреб свил свое гнездо. Ханс и Карлайл все еще разговаривали. Затем они оказались у ее двери, а после и в ее комнате. Лили все больше и больше думала о том, чтобы поставить замок на дверь, но так и не сделала этого. Она смотрела, как входят Ханс и Карлайл, и это больше походило на мираж, чем на реальность. Они сказали:

- Пошли. Вставай, маленькая Лили.

Она чувствовала, как они тянут ее за руки. Их сила больше была похожа на мираж, чем на настоящее событие. Один из них поднес чашку молока к ее рту. Другой натянул платье ей на голову. Они отвели ее к шкафу, чтобы подобрать туфли. Лили вошла в луч солнца и почувствовала, как горит ее кожа. Ханс и Карлайл нашли для нее зонтик, - бумажный зонтик с бамбуковыми ребрами, и быстро открыли его.

Они довели ее до Тюильри. Когда они шли, Лили взяла под локоть каждого из них. Они шагали под тополями, в их качающихся тенях, которые представлялись Лили стаями рыб, тревоживших поверхность моря.

Ханс поставил три зеленых складных стула. Они сидели все вместе, пока дети проходили мимо, гуляли молодые любовники, а одинокие мужчины с быстрыми глазами направлялись в их сторону. Лили вспомнила, как была в последний раз одна в парке. Несколькими неделями ранее она вышла на прогулку, и ее пропустили двое маленьких мальчиков. Один из них сказал: «лесбиянка». Мальчикам, вероятно, было десять или одиннадцать лет. Маленькие блондины со слезами на щеках, а их шорты прикрывали большую часть их лысых бедер. И все же, эти милые маленькие мальчики сумели бросить ей вслед что-то жестокое и неправильное.

Лили сидела рядом с Хансом и Карлайлом. Ей было жарко в платье, которое они выбрали для нее. Это было одно из платьев из арендованной квартиры в Ментоне, - платье с капюшоном и рисунком из раковин. Лили знала, что ее жизнь с Эйнарсом закончилась. Остался только один вопрос: будет ли у нее жизнь Лили? Или все закончится, и она умрет? Уйдут ли Эйнар и Лили рука об руку, и их кости зароят в болоте?...»

Но Эйнар знал, что некролог пропустит и это. Он расскажет о нем все, кроме жизни, которую он прожил.

Скорость поезда замедлилась, и Эйнар открыл глаза. Проводник прокричал в коридор: “Дрезден! Дрезден!”

**Nein - Нет (нем.)*

**Рундеторн - круглая башня в Копенгагене.*

**Кронпринцессегаде - улица в центре Копенгагена.*

Глава 20

Герда сидела на бархатной тахте. Ее волосы падали ей на лицо, Эдвард IV дрожал на ее коленях. Пребывая с Эйнарсом в Дрездене, она внезапно почувствовала, что не способна устроиться на работу. Пробираясь к лаборатории профессора Болка в Германии, она могла думать только об Эйнаре. У нее перед глазами стоял образ потерявшейся на улице Лили, и образ испуганного Эйнара за экзаменационным столом профессора. Герда хотела поехать с ним, но он не хотел этого. Он сказал, что должен сделать это сам, но Герда не могла этого понять. Через три часа после поезда Эйнара отходил еще один поезд до Дрездена, и Герда купила билет. Через полтора дня она появится в Муниципальной женской клинике, и Эйнар ничего не сможет сделать. Герда знала, что Лили хотела бы, чтобы она была там. Но собирая вещи и планируя оставить Эдварда IV вместе с Анной, Герда остановилась. Эйнар попросил ее остаться. Она снова и снова слышала, как его осторожные слова застревают у него в горле.

Теперь Герда стала старше. Глядя в зеркало, она видела на каждой стороне рта слабую красивую линию - две линии, напоминавшие ей свод в пещеру. Это было небольшим преувеличением, она знала. Герда пообещала себе, что ее не будут волновать морщины или даже несколько седых волосков, которые выросли на ее висках, будто мех, попавший в метлу. Но она все же переживала, хотя ей было трудно это признать. Вместо этого она позволила жизни захватить себя. Шли месяцы и годы, она стала американской художницей за границей; Калифорния отступала все дальше и дальше, будто катастрофическое землетрясение, предсказанное по ее ладони доктором физики. Пасадена отступала все дальше и дальше, как потерянный корабль или потерянный остров, а теперь от нее остались только воспоминания. За исключением, конечно, Карлайла. Боли в его голени появлялись и исчезли вместе с облаками, плывшими в Атлантический океан.

Герда и Лили вышли из коттеджа под зонтиками. Лили закуталась в свое розовое резиновое пальто, которое выглядело настолько тяжелым, что Герду беспокоило, как бы Лили не рухнула под его весом. Герда и Карлайл спорили о выборе доктора для Эйнара. Карлайл прямо заявил, что считает, что Герда поступает нехорошо по отношению к Эйнару.

- В конечном итоге он может пожалеть об этом, - сказал Карлайл, уступая. Эта критика поразила Герду, и она продолжала чувствовать протест Карлайла до осени, когда он менял компресс на лбу Лили или когда сидел на ее кровати, играя с ней в покер. Чувствовала, даже когда Лили с Карлайлом собирались на ночную оперу.

- Жаль, что ты не можешь присоединиться к нам, - сказала Лили своим тихим голосом, - не работой слишком много!

Иногда Герда чувствовала себя обремененной работой, словно она была единственной в мире работающей женщиной, пока остальные отдыхали, наслаждаясь собой. Словно вся тяжесть легла на ее плечи, и если она остановится и откинёт голову, их маленький интимный мир взорвется. Она вспомнила об Атласе, который поддерживал мир на своих плечах. И все же, это было неправильно, потому что Герда не только удерживала его, но и создала этот мир. Так она иногда думала. В иные дни она бывала истощена, и ей хотелось бы поговорить с кем-нибудь об этом. Но ей не с кем было поговорить, и поэтому она говорила с Эдвардом IV, пока он ел свою порцию куриной кожи и хрящей. Не с кем, кроме Ханса.

На следующий день после отъезда Эйнара в Германию к ней пришел Ханс. Он только что посетил парикмахерскую, и волосы на его шее стали щетинистыми, а кожа стала розовой от раздражения. Он рассказывал ей о новой идее для выставки. Ханс планировал подойти к директорше частной школы для девочек, чтобы убедить ее вывесить в коридорах серию картин с Лили. Ханс был доволен этой идеей. Герда поняла это по тому, как он смеялся за своей кофейной чашкой.

Герда знала, что за последние пару лет Ханс встречался с другими женщинами: актриса из Лондона и наследница джентльменского состояния. Ханс был осторожен и не рассказывал о них Герде, избегая упоминания о том, с кем он провел выходные в Нормандии. Но он рассказывал Эйнару, и эти новости вернулись к Герде благодаря затаившей дыхание Лили:

- Актриса, чье имя восходит в огнях над Кембриджским цирком! - сообщила Лили, - разве это не интересно для Ханса?
- Это должно быть очень хорошо, - ответила Герда, - для него.

- Куда пропал Эйнар? - спросил Ханс.
- Он уехал в Германию, чтобы следить за своим здоровьем.
- В Дрезден?
- Он тебе это сказал?

Герда оглядела квартиру. Ее мольберты и картины стояли у стены.

- Лили тоже поехала с ним. Здесь тихо без них.
- Конечно, она пошла с ним, - сказал Ханс. Встав на одно колено, он начал выкладывать на полу самые последние картины с Лили.

- Он рассказал мне об этом.
- О чем?
- О Лили. О враче в Дрездене.
- О чем ты говоришь?
- Послушай, Герда. Ты действительно думаешь, что я не знаю? - он поднял лицо к ее лицу, - почему ты боялась мне рассказать?

Она прислонилась к окну. Дождь за окном замерз и легко постукивал по стеклу. У Герды появилось еще полдюжины новых картин с Лили: серия в ее туалетах, в ожерелье с добавлением жемчуга, которое Герда сама одевала ей на шею. Картины изображали розовощеких и ярких Лили, в отличие от ее настоящей серебристо-белой плоти. Лили изображалась в платье без рукавов с широким воротником и собранными волосами.

- Ты действительно можешь видеть в них Эйнара?
- Теперь я вижу, - сказал Ханс, - он рассказал мне об этом прошлой осенью. Он с трудом решал, что делать и к кому обратиться, выбирая между доктором Бусоном и профессором Болком. Однажды Эйнар появился в галерее, просто зашел в офис. Шел дождь, он промок, и сначала я не заметил, что он плакал. Он был бледным, - даже блее, чем Лили на картинах. Я думал, что он может упасть. Казалось, что ему тяжело дышать, и я видел, как его пульс трепещет в горле. Все, что я должен был сделать, - это спросить, что случилось, и он все мне рассказал.
- Что ты сказал ему?
- Я сказал, что это многое объясняет.
- Объясняет что?
- Об Эйнаре и тебе.
- Обо мне? - спросила Герда.
- Да. О том, почему вы все эти годы были такими защищенными, такими... очень закрытыми. В каком-то смысле ты отнеслась к его секрету так же, как к своему.
- Он мой муж.
- Я уверен, что это было тяжело для тебя, - Ханс встал. Парикмахер побрил его, но пропустил пятно на щеке.
- Не так тяжело, как это было для него, - Герда почувствовала волну облегчения, проходящую сквозь нее. Наконец-то Ханс знал. Обман Ханса закончился, и Герда чувствовала, как волна отступает.
- Итак, что ты думаешь о нашем секрете?
- Он тот, кто он есть, верно? Как я могу винить его в том, какой он есть?

Ханс подошел к ней и взял ее за руки. Она чувствовала запах ментола в лосьоне после бритья.

- Как ты думаешь, я поступила правильно, отправив его к Болку? - спросила она, - ты же не думаешь, что я совершила ошибку, не так ли?

- Нет, - сказал он, - вероятно, это его единственный шанс.

Ханс обнял Герду у окна. Движение тихо скользило по мокрой улице вниз. Но она не могла позволить ему удерживать ее дольше, сказала она себе. В конце-концов, она все еще была замужем за Эйнарсом. Скоро ей придется уйти. Ей нужно будет отправить Ханса обратно в галерею с картинами. Его рука лежала на ее спине, а другая на ее бедре. Она положила голову ему на грудь, чувствуя ментол с каждым вдохом. Но каждый раз, пытаясь освободиться, она чувствовала себя слабой. Если она не могла быть с Эйнарсом, она хотела быть с Хансом. Герда закрыла глаза и уткнулась носом в его шею. Когда она почувствовала, что расслабляется, то вздохнула и ощутила, как годы одиночества исчезают. В этот момент она услышала, как ключ Карлайла поворачивается в парадной двери.

Глава 21

Эйнар заплатил водителю пять рейхсмарок, а затем такси удалилось. Свет фар пронесся мимо зимнего скелета азалии, и скользнул на улицу. На улице было темно, за исключением света от фонаря, висящего над дверью. Эйнар выдохнул и почувствовал холод, просачивающийся в ноги. Рядом с дверью висела черная резиновая кнопка. Эйнар подождал, прежде чем надавить на нее. Вдоль букв «ДРЕЗДЕНСКАЯ МУНИЦИПАЛЬНАЯ ЖЕНСКАЯ КЛИНИКА» на латунной пластине сочилась влага. На второй доске висел список врачей клиники. Доктор Юрген Уайлдер, доктор Питер Шойнеманн, доктор Карл Шеррес, проф. доктор Альфред Болк.

Эйнар позвонил и стал ждать. Изнутри не доносилось никаких звуков. На первый взгляд клиника больше напоминала виллу, расположенную в окружении лип, березовых деревьев и железных заборов. Из подлеска слышалась возня животного - кошки или крысы, спрятавшейся от холода. Занавес тумана спускался, и Эйнар едва не забыл, где находится. Он прислонился лбом к медной пластине и закрыл глаза.

Он позвонил снова. На этот раз изнутри слышался голос, доносившийся откуда-то издалека, словно звук зверя в кустарнике.

Наконец дверь открылась, и женщина в серой юбке, подтянутой под грудь, уставилась на Эйнара. У нее были редкие серебристые волосы и серые глаза. Казалось, будто она никогда не высыпалась, и подушка кожи на горле держала ее голову в вертикальном положении, пока весь мир отдыхал.

- Да? - сказала она.

- Я Эйнар Вегенер.

- Кто?

- Я здесь, чтобы увидеть профессора Болка, - сказал Эйнар.

Женщина прижала ладони к складкам на юбке:

- Профессор Болк? - обратилась она к внутрь здания, - он здесь?

Затем она обратилась к Эйнару:

- Завтра вам придется позвонить по телефону.

- Завтра? - Эйнар почувствовал, что слабеет.

- Вы думаете, что ваша девушка здесь? - спросила женщина, - поэтому вы пришли?

- Я не уверен, что понимаю, что вы имеете в виду, - ответил Эйнар. Он чувствовал, как женщина смотрит на него, - на его сумку с лилией.

- У вас есть комната, где я мог бы остаться? - Эйнар едва расслышал, что спрашивает.

- Но это женская клиника.

- Да, я знаю.

Эйнар отвернулся и направился на темную улицу. Он остановился за углом, освещенном конусообразной лампой, висящей на проводе над перекрестком. Наконец такси остановилось, и к тому времени, когда Эйнар поселился в гостинице “Хёртизиш” недалеко от Центральной Станции в Альтштадте, день уже близился к рассвету. Стены «Хёртизиша», покрытые решетчатым узором, были достаточно тонкими, чтобы слышать проститутку в соседней комнате. Ночью Эйнар лежал в своей одежде на пуховом одеяле. Он слушал, как поезд подъезжает к станции, и его колеса скрипят по рельсам. За несколько часов до этого на станции, под навесом из почерневшего стекла, женщина в пальто с кроличьим мехом попросила его проводить ее домой. От мысли о ней теперь Эйнару стало стыдно. Голос той женщины и голос шлюшки из комнаты по соседству начали заполнять голову Эйнара. Мысли об их накрашенных губах и щелях в их хлипких юбках вынудили Эйнара закрыть глаза и испугаться за Лили.

Когда он вернулся в клинику на следующий день, профессор Болк не смог его принять.

- Он вам позвонит, - заверила фрау Кребс в той же серой юбке. Услышав это, Эйнар, стоя у клиники под фонарем, заплакал.

День был не теплее прошлой ночи. Он задрожал, когда услышал, как под ногами хрустит гравий. У Эйнара не было других дел, и поэтому он бродил по городу, голодный и ослабевший.

Старый Рынок был открыт, и его магазины были полны. Аптеки Герман Роша были заполнены банковскими клерками, вышедшими на обеденный перерыв. Покрытые сажей здания были темнее, чем небо, а навесы были исписаны названиями магазинов, кассовые аппараты которых мельчали с каждым месяцем рецессии. «КАРЛ ШНАЙДЕР», аптека «МАРИАН, СЕЙЛЕНХАУС», универмаг «РЕННЕР» и аптека «ГЕРМАН РОША»*. В центре площади были припаркованы автомобили и слонялись двое парней в твидовых шляпах и шароварах. В темноте мелькали их синие и потрескавшиеся голени. Женщина с кудрявыми волосами, одетая в голубое стрейч-платье, с животом, проверяющим ткань на прочность и прижимающих пуговицы к блузке, вылезла из своего полуторного «седана». Двое парней начали смеяться над женщиной, не обращая на них никакого внимания.

Младший из парней поднял глаза, увидел Эйнара, и снова засмеялся. Парни были похожи, как братья, - оба с острыми носами и жестоким смехом. Эйнар понял, что они больше не смеются над толстой женщиной, которая пробивалась через дорожное движение по трамвайным путям, чтобы попасть в Германн Роша, продающую за полцены бальзам Одола и помаду Шуппена. Они смеялись над Эйнаром, лицо которого было пустым, а верхний плащ хлопал его по икрам ног. Эйнар наблюдал за

толстой женщиной, перебирающей банки Одол, сквозь окошко, и жалел, что не может быть ею. Осмотрев цены на пирамиду с консервными банками, женщина бросила в корзину Шюппена. Эйнар представил, как она поведет свой седан домой в Лос Виц и разместит туалетные принадлежности в шкафу над раковиной мужа.

Эйнар продолжал бродить по городу, глядя на витрины магазинов. Миллер торговал, и у его дверей была очередь из женщин. Продавец выкладывал ящик с капустой. Эйнар остановился у окна магазина воздушных змеев. Внутри мужчина с очками, сидящими на кончике носа, изгибал деревянные стержни у верстака. Вокруг него были размещены разные воздушные змеи. Змей-бабочка, змей-вертушка. Змей-драконы и змеи с крыльями в виде плавников, как у летучей рыбы. Там же был орел-змея и маленький черный коршун с выпученными желтыми глазами наподобие летучей мыши.

Эйнар отправился в кассу Земпер Опера Хаус и купил билет на “Фиделио”. Он знал, что в опере собрались гомосексуалисты, и опасался, что женщина за стеклом, затуманенным от дыхания, может принять его за одного из них. Девушка была молода и красива, с зелеными глазами, и отказывалась смотреть на Эйнара, осторожно выдавая деньги через бочкообразную щель в окне. И снова Эйнар растворился в этом мире, не понимая, кто он такой.

Эйнар поднялся на сорок один шаг на Брюльскую террасу, обращенную на Эльбу и ее правый берег. Терраса была засажена квадратными деревьями и окаймлена железным бордюром, напротив которого, наклонившись, стояли коляски, наблюдая бесконечную дугу Эльбы. Ветер пробежал по реке, и Эйнар поднял воротник. Мужчина с повозкой продавал сардельку в булочке и бокалы с вином. Он вручил Эйнару еду, а затем налил яблочное вино. Откусывая дымящуюся булочку с жесткой и хрустящей корочкой на конце, Эйнар положил вино на колено, а затем сделал глоток вина и закрыл глаза.

- Вы знаете, как они называют это место? - спросил торговец.

- Как?

- Терраса Брюльше. Вы знаете, они еще называют это балконом Европы, - человек улыбнулся. Несколько зубов в его улыбке отсутствовало. Он ждал, пока Эйнар допьет вино, чтобы забрать стакан. Терраса выглядывала через реку к вогнутым башням японского дворца, а за ней к крышам в Нойштадте и виллам с их лесистыми садами, а затем ко всей открытой Саксонии. С террасы казалось, что весь мир лежит под Эйнаром и ждет его.

- Сколько я вам должен? - спросил Эйнар.

- Пятьдесят пфеннигов.

Река была серой и беспокойной. Эйнар вручил мужчине алюминиево-бронзовую монету, допил свое вино и вернул стакан торговцу, который вытер его чистым углом рубашки.

- Удачи вам, сэр, - сказал разносчик, толкая тележку.

Эйнар наблюдал за ним и за желто-каменными фасадами с зелеными медными крышами Дрездена за его спиной. Великие здания в стиле рококо, сделавшие Дрезден одним из самых красивых городов, какие когда-либо видел Эйнар: Альбертинум, куполообразная Фрауенкирхе, Грюне Гельбе, изящная Площадь перед оперным театром - красивый фон для маленького торговца и его тележки. Небо над городом стало оловянным и заполнилось бурей. Замерзший и уставший, Эйнар покинул террасу Брюльше и почти почувствовал, что его прошлая жизнь теперь осталась под ним.

Прошло еще два дня прежде чем профессор Болк сообщил, что может встретиться с Эйнаром. Эйнар вернулся в Муниципальную женскую клинику в ясное утро по мостовым сияющих улиц. При дневном свете клиника больше напоминала виллу кремового цвета с арочными окнами и часами на карнизах. Она расположилась в небольшом парке с дубами, березами, ивами и кустарниками.

Фрау Кребс проводила Эйнара по коридору с красным полом из черного дерева, натертого тусклым воском. В зале было много дверей, и подняв глаза, Эйнар со смущением и любопытством заглядывал в каждую комнату. С одной стороны зала каждая из комнат была заполнена солнечным светом, у окон стояли по две односпальные кровати, а пуховые одеяла казались наполненными мешками муки.

- Девушки сейчас в Зимнем Саду, - сказала фрау Кребс. На ее шее, чуть ниже линии волос, виднелась родинка, похожая на пятно разлитого малинового джема.

- В клинике имеется тридцать шесть коек, - сообщила фрау Кребс, опережая вопрос Эйнара, - наверху отделы хирургии, внутренней медицины и гинекологии. Во дворе находится здание патологии. Здание патологии - наше последнее дополнение! - гордо заявила фрау Кребс. - там профессор Болк содержит свою лабораторию.

Здание патологии было квадратным и отделанным желтой штукатуркой, которая напомнила Эйнару (и ему стало стыдно за это) о шраме Герды от ветряной оспы.

Первая встреча Эйнара с профессором Болком была краткой.

- Я встретил вашу жену, - начал профессор. Эйнар, горячий под своим костюмом и накрахмаленной рубашкой с

воротником, стягивающим его горло, опустился за смотровой стол. Фрау Кребс вошла в комнату. Ее черные ботинки скрипели, и она передала профессору досье. На лице профессора были золотые проволочные очки, отражающие верхний свет и скрывавшие цвет его глаз. Профессор был высоким, с красивыми скулами и гораздо моложе, чем представлял себе Эйнар. Он понимал, почему профессор понравился Герде. Его адамово яблоко было таким легким, и напоминало настойчивый клюв дятла, акцентируя каждое сказанное предложение. Он почти загипнотизировал Эйнара своими быстрыми птичьими руками, двигая ими в воздухе и приземлив их на угол своего стола, где три деревянных ящика были завалены бумагами.

Профессор Болк попросил Эйнара раздеться и встать на весы. Стетоскоп холодно прижался к груди.

- Я понимаю, что вы художник, - сказал профессор Болк, - но вы ужасно худой, мистер Вегенер.

- У меня больше нет аппетита.

- Почему нет? - профессор вытащил карандаш из-за уха и записал что-то в папку.

- Я не знаю.

- Вы пытаетесь есть? Даже когда вы не голодны?

- Иногда это сложно, - сказал Эйнар. Он подумал о тошноте в течение всего последнего года. Пробуждаясь в солнечном свете квартиры, он чувствовал себя так, будто накануне вечером его желудок поддался рентгеновскому лучу Хекслера. Эйнар держал ведро с изогнутой ручкой сбоку от постели, которую Герда застилала каждое утро, ни словом не жалуясь и не жалея, а лишь осторожно опустив ему на лоб свою длинную руку.

В смотровой комнате, до половины облицованной зелеными плитками, Эйнар увидел себя в зеркале над раковиной. На его лице отразилась зелень, и он вдруг подумал, что он, должно быть, самый больной человек в женской клинике в Дрездене, потому что большинство здешних пациенток не болели, а были беременны. Результат единственной ночи с красивым молодым человеком, которого они никогда не увидели бы снова.

- Скажите мне, что вы рисуете, - сказал профессор Болк.

- Сейчас не так много.

- Почему?

- Из-за Лили, - рискнув, сказал Эйнар. Маленькая Лили еще не проложила свой путь в разговоре, и ему стало интересно, что о ней знает профессор Болк. Слышал ли он о симпатичной девушке со стеблеподобным горлом, пытающейся вырваться из сухой и больной кожи старого Эйнара?

- Ваша жена рассказала вам о моих планах? - спросил профессор Болк. Зеленые плитки и яркий верхний свет не оставили оливкового блеска на лице профессора Болка. Его кожа была цвета свежего теста для выпечки. Был ли только Эйнар одним из тех, чье лицо потемнело? Поднеся кончики пальцев к щекам, Эйнар почувствовал на них пот.

- Она сказала, что я хочу вам предложить?

Эйнар кивнул.

- Она сказала, что вы собираетесь превратить меня в Лили раз и навсегда.

Но это было не все, что сказала Герда. Она также сказала: “Вот оно, Эйнар. Это наш единственный шанс”.

- Вы можете присоединиться ко мне сегодня вечером на обед в Бельведере? - спросил профессор Болк, - вы знаете, где это? С другой стороны Эльбы, возле Брюльской террасы?

- Я знаю, где это.

Рука профессора Болка, ладонь которой была удивительно влажной, упала на плечо Эйнара, и он сказал:

- Эйнар, я хочу, чтобы вы меня выслушали. Я все понимаю. Я понимаю, чего вы хотите.

Они встретились в обед в Бельведере. Зал ресторана был белозолотым, а через колоннаду, на улице, вечерний туман углублялся до богатого синего цвета на Эльбе и на далеких возвышенностях в Лохвице. За каждым из официантов стояли горшки и кашпо. Оркестр на сцене играл увертюры Вагнера. Официант во фраке принес бутылку шампанского в серебряном ведерке со льдом.

- Это не праздник, - сказал профессор Болк, когда официант вытолкнул из бутылки грибоподобную пробку. Музыка заполнила столовую, и женщины за соседними столами, закутанные в зимний бархат, вывернули шеи, чтобы посмотреть на них.

- Может быть, так и должно быть, - сказал Эйнар. Его голос смешивался с легким лязгом ножей с плоскими лезвиями, которые официант клал на стол. Эйнар подумал о Лили, которую он хотел отправить на обед в Бельведер вместо себя.

Профессор Болк разрезал форель своим рыбным ножом. Эйнар наблюдал за лезвием — кончик ножа отдирал надуманную кожу, обнажая розовую плоть.

- Честно говоря, - начал профессор Болк, - когда я впервые встретил такого человека, как вы, я был немного не уверен в том, что сказать.

Поначалу я не думал, что можно что-то изменить. Эйнар едва не задохнулся.

- Вы хотите сказать, что встретили кого-то такого же, как я?

- Разве Герда не рассказала вам о моем случае с другим мужчиной? - тут профессор наклонился над своей тарелкой, и добавил, - в вашем положении?

- Нет, - ответил Эйнар, - она ничего мне не рассказала.

- Был один человек, которому я хотел помочь, - пояснил профессор Болк, - но он сбежал незадолго до начала операции. Ему стало слишком страшно, чтобы пройти через это. Что я, конечно, понимаю.

Сидя в своем кресле, подумал: «Чтобы пройти через что?». Вероятно, профессор Болк полагал, что Эйнар знает больше, чем он знал на самом деле. Профессор рассказал о сбежавшем пациенте. Этот человек даже в образе мужчины был убежден, что он — женщина по имени Зиглинде Танненхаус. Он работал проводником на железнодорожном маршруте между Вёльфеницем и Клотцше и настаивал, чтобы все обращались к нему «фройлен». Никто из пассажиров не понимал, что он имел в виду. Они молча смотрели на мужчину в синей форме и черном галстуке.

- Но утром, в день первой операции, мужчина исчез, - объяснил профессор Болк, - он выскользнул из своей комнаты в клинике, как-то попав к фрау Кребс, а потом он исчез. В конце-концов он вернулся на работу проводником, но в женской форме: синей юбке с полотняным ремнем.

Официант вернулся, чтобы налить вина. Эйнар начал догадываться, что обещал профессор. Зацепившийся клинок рыбного ножа бликовал светом канделябра на банкетке позади них. Эйнар предположил, что это будет своего рода замена. Он обменяет губчатую плоть, которая висела между его ног, на что-то другое. Снаружи Эльба текла черным цветом, а ярко освещенный огнями корабль, проходил под Аугустусбрюкке.

Профессор Болк сказал:

- Я хотел бы начать на следующей неделе.

- Следующая неделя? Разве вы не можете начать раньше?

- Это должно произойти на следующей неделе. Я хочу, чтобы вы переехали в клинику и отдохнули там, прибавили в весе. Мне нужно, чтобы вы были как можно более отдохнувшим. Мы не можем рисковать инфекцией.

- Инфекцией чего? - спросил Эйнар, но затем официант подошел к их столу. Его руки в венах очистили посуду и рыбные ножи, а затем смахнули панировочные сухари маленькой серебряной щеткой.

Эйнар вернулся на такси к Хёртизишу. Проститутка по соседству отсутствовала, и он крепко уснул, повернувшись на бок, когда поезд пронзительно ворвался в Банхоф. Встав на рассвете, он искупался в неотапливаемой душевой в коридоре с решетчатой дверью. Затем надел коричневую юбку, белую блузку с игольчатым воротником и кардиган из грубой шерсти и маленькую шляпку, сидевшую на голове под углом. Его дыхание отражалось в зеркале, лицо было бледным. Он поступит в клинику в образе Лили, и она выйдет из клиники этой весной. Это было не решение, а естественное развитие событий. Эйнар Вегенер закрыл глаза в ванной комнате отеля Хёртизиш под пронзительные гудки прибывающих поездов, режущих сквозь решетки двери, и когда он открыл их, то был уже Лили.

Когда Лили прибыла в клинику, фрау Кребс выдала ей один из белых халатов, завязывающийся вокруг талии шнурками. Фрау Кребс, лицо которой было розовым от распустившихся капилляров, привела Лили в палату в задней части клиники, где она отдыхала в течение недели. В палате стояла кровать со стальной трубкой для ног. Фрау Кребс отодвинула желтый занавес на окне. Комната выглядела в маленький парк, спускающийся к полю на берегу Эльбы. Зимой река была стальной, и Лили могла видеть моряков в пальто, сгрудившихся на палубе грузового судна.

- Вы будете счастливы здесь, - сказала фрау Кребс. Облака развеялись, открыв кусочек неба. Колонна света упала на Эльбу, озарив круг воды перед грузовым кораблем, словно золотое ожерелье на шее Лили.

Фрау Кребс прочистила горло.

- Профессор Болк сказал мне, что вы придете, - сказала она, - но он не назвал мне вашего имени. Так типично для него.

- Лили.

- Лили... Как?

И что-то за пределами нижнего облака сдвинулось, открыв еще большую часть неба. Река просияла, а матросы в пальто смотрели ввысь. Лили затаила дыхание, а затем произнесла:

- Эльба. Лили Эльбе.

В тот день Лили спустилась вниз, чтобы попить чаю в Зимнем Саду. Она обнаружила металлический стул, и вскоре почувствовала, как солнце пробивается сквозь стекло. День посветлел, и теперь небо стало синим. Солнце согрело веранду достаточно, чтобы наполнить воздух запахом пахучих папоротников и плюща, ползущего по стенам. Зимний сад смотрел вниз, на Эльбу, и ветер, сметавший облака, дул над рекой. Овсянка напомнила Лили Каттегат в Дании, а также картины зимнего моря, которые написал Эйнар. Несколько лет назад Лили сидела в кресле в Доме Вдовы и смотрела на картины Эйнара. Она смотрела на них с чувством отрешенности, как если бы их нарисовал предок, за которого она испытывала смутную гордость.

На минувшей неделе Лили спала до позднего утра. Казалось, что чем больше она отдыхает, тем больше она устает. В послеобеденное время она брала свой чай и торт и отдыхала в Зимнем саду. Она сидела в металлическом кресле с чашкой на коленях и застенчиво кивала другим девушкам, которые спустились посплетничать. Иногда одна из них смеялась так громко, что привлекла к себе взгляд Лили. Это был круг молодых девушек с длинными волосами и здоровыми глотками, каждая из которых набирала вес под платьем, ширина которого регулировалась с помощью шнура. Лили знала, по какой причине большинство из девушек находилось в клинике. Она смотрела на них краем глаза, но не с презрением или жалостью, а с интересом и тоской, потому что все девушки, казалось, знали друг друга. По тому, как их громкие смешки разносились по зимнему саду с такой силой, Лили думала, что эти серебряные шары смеха наверняка сокрушат стеклянные стены. Казалось, в последнюю очередь девушек беспокоило то, что они проживут в женской клинике Дрездена в течение следующих нескольких месяцев. Но клиника казалась обществом, которое не вводило ее в заблуждение. “Возможно, однажды”, - сказала себе Лили, чувствуя солнце на коленях и на запястьях, которые она повернула так, чтобы их внутренние стороны чувствовали тепло, которое начинало просачиваться в ее тело. Она знала, что профессор Болк хочет, чтобы она набрала вес. Фрау Кребс приносила ей блюдо с рисовым пудингом во второй половине дня, по-датски пряча в нем миндаль. Когда Лили в первый раз прижала комок пудинга ко рту и попробовала жесткое ребристое семя миндаля, она подняла глаза, и забыв, где находилась, сказала по-датски: «спасибо».

На третий день пребывания в клинике Лили сидела в зимнем саду, когда заметила зеленые побеги крокусов на другой стороне стеклянной стены. Они были яркими и сосудобразными, трепещущими на ветру. Они выглядели смело на фоне пятнистого коричневого газона, который Лили воображала вернуть в зеленый цвет в течение следующих нескольких недель. Сегодня цвет реки напоминал медленно текущую нефть с тяжелым грузом, покрытым черным брезентом, плотно стянутым веревкой.

- Ты думаешь, весна наступит раньше?
- Прости? – не поняла Лили.
- Я заметила, что ты смотришь на крокусы.

Девушка взяла металлический стул рядом с Лили и поставила его напротив, чтобы они могли смотреть друг на друга через белый чугунный стол.

- Они кажутся мне слишком ранними, - сказала Лили.
- Это то, чего я ожидала бы в этом году, - сказала курносая девушка, чьи светлые волосы падали на плечи. Ее звали Урсула. Сирота из Берлина, моложе двадцати лет, она очутилась в Дрездене из-за простейших ошибок. «Я думала, что люблю его», - позже скажет она.

На следующий день после их встречи солнце стало светить еще ярче. Лили и Урсула, завернутые в свитера с высоким горлом и в заимствованные у фрау Кребс меховые шапки с ушами, направились в парк. Они прошли по тропинке, ведущей через поле побегов крокусов, которые теперь распространились, как сыпь. Сидя внутри зимнего сада с видом на Эльбу, в бризе, который был более свирепым, чем Лили могла представить, Урсула спросила:

- А ты, Лили? Почему ты здесь?

Лили задумалась над вопросом, кусая губы и зарывая запястья в рукава.

Наконец она сказала:

- Я больна внутри.

Урсула, естественно надув губы, сказала:

- Понятно.

С тех пор обе девушки каждый день брали чай и торт вместе. Они брали конфеты из одного из многочисленных ящичков, которые Урсула тайком вывезла с последнего места работы.

- Именно эти конфеты вызвали все мои проблемы, - сказала Урсула, подняв одну из конфет в форме морской раковины, а затем положила ее в рот. Урсула рассказала Лили о шоколадной лавке на Унтер-ден-Линден, куда самые богатые люди в Берлине спешили на ланч или в пять часов, накинув на себя пальто, чтобы купить трехслойные коробки с конфетами, завернутые в золотую фольгу и перевязанные атласной лентой.

- Ты, наверное, думаешь, что это был один из тех, кого я любила, - сказала Урсула Лили, поставив чашку на блюде, - но это не так. Это был смешной паренек, который бросал мешки грецких орехов, кадки масла, ведра молока и какао-бобы в чаны достаточно большие для того, чтобы вместить двух молодых любовников. Его звали Йохен, и он был веснушчатым с головы до ног. Он приехал из Котбуса, недалеко от польской границы в Берлине, чтобы заработать себе состояние, но теперь работал в чанах из нержавеющей стали и в смесительном рукаве, лезвие которого, если бы он не был осторожным, могло поймать его костлявую

руку и перекрутить ее быстрее, чем за минуту. За четыре месяца до того, как Урсула и Йохен впервые заговорили, девушкам в розовой униформе запретили разговаривать с “миксерами” в задней части магазина, где пахло потом и сладким горьким шоколадом, а воздух был горячим и полным разговоров о прелестях девушек, стоявших за стеклянными витринами в передней части магазина. Однажды Урсуле пришлось зайти в заднюю часть магазина, чтобы спросить, когда поступит следующая партия нуги. Йохен, которому тогда было всего семнадцать лет, толкнул фуражку на своей голове и сказал: «Сегодня больше никакой нуги. Вместо этого скажите этому придурку, чтобы он пошел домой и извинился перед своей женой». В тот момент сердце Урсулы переполнилось.

Остальное Лили могла себе представить сама. Первый поцелуй в задней комнате, мягкое падение в чашу из нержавеющей стали, страсть среди ночи, пока шоколадный дом безмолвно стоял, а руки всех месильщиков бездвижно повисли во сне. «Как-то очень грустно», - подумала Лили, сидя в своем металлическом кресле, когда послеобеденное солнце ударило по Эльбе.

Через пять дней она и Урсула стали друзьями. И, несмотря на нынешнее затруднительное положение Урсулы, Лили жаждала чего-то похожего. «Да, - сказала она себе, «это произойдет со мной. Мгновенная любовь, и беспомощная, жалкая страсть».

На следующее утро профессор Болк появился в дверях палаты Лили.

- Пожалуйста, не ешьте сегодня ничего, - попросил он, - даже сливки с чаем. Совсем ничего.

Затем он добавил:

- Завтра день операции.

- Вы уверены? - спросила Лили, - вы не передумаете?

- Амфитеатр уже запланирован. Назначены смены медсестер. Вы поправились. Да, я уверен. Завтра ваш день, Лили.

После этого доктор ушел.

Лили завтракала в коридоре с арочными окнами за столом, на котором стояли тарелки с мясным рулетом, корзины с тминными булками, а так же стояли чашки кофе. Лили взяла свой кофе и села в углу стола одна. Она провела ножом для масла по печати плотного синего конверта, и открыла письмо от Герды.

“Дорогая Лили!

Интересно, как тебе живется в Дрездене? И как профессор Болк, с

которым, я предполагаю, вы уже встретились? Его репутация очень впечатляет. Он почти легенда, или, может быть, после твоей операции он наверняка ею станет.

Из Парижа никаких новостей. Моя работа замедлилась с тех пор, как ты уехала. Ты прекрасно подходил для написания портретов, и когда ты покидаешь меня, мне трудно найти кого-то столь же красивого. Ханс приходил вчера. Он беспокоится о рынке искусства. Он говорит, что деньги высыхают не только здесь, но и по всей Европе. Но это меня не касается. И никогда не имело значения, ты это знаешь. Я сказала ему это, и он ответил, что мне легко сказать, потому что мне и Эйнару всегда есть, что продать. Я не знаю, почему он это сказал, но я думаю, что это было бы верно, если бы Эйнар еще рисовал. Лили, ты когда-нибудь думала о живописи? Может быть, ты могла бы купить себе немного пастели и блокнот для эскизов чтобы убить время? Несмотря на то, что все говорят, Дрезден не Париж, я уверена.

Надеюсь, тебе комфортно. Это то, что беспокоит меня больше всего. Мне жаль, что ты не позволила мне поехать с тобой, но я понимаю. Некоторые вещи ты должна делать в одиночку. Лили, ты иногда останавливаешься и размышляешь о том, что будет, когда все закончится? Свобода! Вот как я думаю об этом. А ты так думаешь? Я надеюсь, что это так. Надеюсь, ты думаешь также об этом, потому что именно так оно должно выглядеть для тебя. По крайней мере, для меня это так.

Отправь пару слов, как только сможешь. Эдвард IV и я ужасно скучаем по тебе. Он спит на кушетке. А я почти не сплю.

Если ты хочешь видеть меня, просто напиши мне. Я могу приехать на ночь.

С любовью, Герда”.

Лили вспоминала о своей жизни в коттедже. Прежняя рабочая комната Эйнара, аккуратная и нетронутая; залитая утренним светом студия Герды; бархатный пуфик, помятый под весом Карлайла; Герда в халате, застывшая с дюжиной мазков краски, и ее волосы бегущие по спине, как ледяная вода... Ханс, выкрикивающий с улицы внизу имя Лили. Лили хотела откликнуться, но сейчас это было бы невозможно.

Во второй половине дня Лили снова встретила Урсулу с раскрасневшимися щеками, сбегаящую по лестнице.

- От него пришло письмо!- сказала она, размахивая конвертом, - это от Йохена!

- Как он узнал, где тебя искать?

- Я написала ему. Я не могла промолчать, Лили. Я сломалась, написала ему и рассказала, как сильно я его любила, и не было ли слишком поздно...

Волосы Урсулы были затянуты в хвост, и сегодня она выглядела еще моложе, с пухлыми щеками с ямочками на них.

- Как ты думаешь, что он хочет сказать?

- Узнай, - ответила Лили.

Урсула открыла конверт, и ее глаза начали бегать по буквам. Ее улыбка начала незаметно исчезать, и к тому времени когда она перевернула страницу, ее губы слегка сжались. Затем она провела рукой по своему носу, и сказала:

- Он приедет ко мне. Если сможет накопить достаточно денег и взять отпускной в шоколадном магазине.

- Ты хочешь, чтобы он приехал?

- Думаю, да. Я не должна надеяться на удачу. Ему может быть трудно получить выходной в магазине. Но он говорит, что придет, если у него будет время.

Несколько минут они молчали. Затем Урсула прочистила горло.

- Я так понимаю, завтра у тебя будет операция? Лили ответила утвердительно, подобрав на своих коленях пух.

- Что они собираются сделать с тобой? С тобой все будет хорошо? Будешь ли ты та же, когда они закончат?

- Я буду лучше, - ответила Лили, - профессор Болк сделает меня лучше.

- О, жуткий старый Болк! Надеюсь, он не сделает с тобой ничего плохого. Знаешь, “Болк-клинок”, так его называют. Всегда готов вскрыть девчонку своим ножом.

На секунду Лили испугалась.

- Прости, - сказала Урсула. - я ничего не имела в виду. Ты знаешь, как девочки могут болтать, но они ничего не знают.

- Все в порядке, - ответила Лили.

Позже, в своей комнате, Лили готовилась ко сну. Фрау Кребс дала ей маленькую меловую таблетку.

- Это поможет вам уснуть, - сказала фрау Кребс, закусив губу. Лили умыла лицо в раковине розовым полотенцем. Макияж - приглушенный апельсин её пудры, розовый цвет помады, коричневый воск, который она использовала для своих бровей, - стекали в раковину вместе с водой. Когда она взяла карандаш с восковым кончиком для бровей, ее пальцы захотели рисовать. Ее грудь наполнило странное чувство, будто она что-то переживала. Эйнар был художником, и Лили задавалась вопросом, было ли это плотно трепещущее прямо под ребрами чувство тем самым, что он

испытывал, когда гладкий кончик кисти перемещался по грубому пустому пространству нового холста.

Лили вздрогнула, и к ее горлу поднялся вкус чего-то похожего на сожаление. Ей пришлось с трудом проглотить таблетку снотворного.

На следующее утро она услышала стук в дверь. Медсестра с уложенными волосами переложит Лили из-под простыней. Каталка скорой помощи, пахнувшая спиртом и сталью, ждала сбоку от ее кровати, чтобы увезти ее. Отдаленное лицо профессора Болка, спрашивающего: “С ней все в порядке? Давайте убедимся, что она в норме”. Но Лили знала, что еще рано. Ее провезли по коридору клиники прежде, чем солнце поднялось над полями, простирающимися к востоку от Дрездена. Она знала, что распахнутые двери с окнами-иллюминаторами закроются за ней прежде, чем рассвет zalьет краугольные камни на террасе Брюльше, с которой она смотрела на Эльбу, город и всю Европу, и где она убедила себя, что больше никогда не вернется назад.

Проснувшись, она увидела желтую войлочную занавеску, закрывавшую окно. Напротив стоял платяной шкаф с зеркалом и ключом, покрытым синей нитью. Сначала Лили подумала, что это шкаф из мореного ясеня, но потом вспомнила, (хотя это случилось с кем-то другим) что днем отец Эйнара нашел его в шкафу материнского гардероба с желтым платком на голове.

Лили лежала в кровати со стальной трубкой для ног. Она смотрела в комнату через подножку, и это было похоже на смотровое окно с решеткой. Комната была оклеена обоями с розово-красным узором из букетиков. В углу стоял стул с драпировкой. Рядом с кроватью находился стол из красного дерева, покрытый кружевом и вазой с фиалками. На столе стоял ящик, и Лили задавалась вопросом, были ли в нем ее вещи. На полу лежал пыльный ковер.

Она попыталась подняться, но сильная боль взорвалась по всему ее телу, и она упала обратно на твердую и колючую от перьев подушку. Ее глаза закатились, и комната не потемнела. Она подумала о Герде. Ей казалось, что Герда рядом с ней, в этой комнате, в углу напротив окна, куда у Лили не хватило сил повернуть лицо. Она не знала, что с ней случилось, и не только из-за с хлороформа, запах которого все еще оставался в ее ноздрях. Она знала, что больна, и сначала ей подумалось, что она ребенок с разорванным аппендицитом в провинциальной больнице Ютландии в зале с резиновыми полами. Ей только десять лет, и Ханс скоро подойдет к двери с горстью кружев королевы Анны. Но это не

имело смысла, потому что Лили думала и о Герде, которая была женой Эйнара. Это заставило ее спросить себя почти вслух: «Где Эйнар?» Лили медленно вспоминала обо всех: Герде и Хансе, а затем о ровном, настойчивом голосе Карлайла. Она подумала об испуганном и потерянном в своем мешковатом костюме Эйнаре, навсегда отделенном от них.

Лили подняла веки. На потолке горела лампочка, бликовавшая серебром. Она увидела шнурок, свисавший к ее кровати. Конец шнурка был спрятан в коричневую бусину. Лили лежала на зеленом одеяле и очень долго думала о том, чтобы освободить руку из-под тяжести одеяла, потянуть за коричневую бусину и выключить свет. Она сосредоточилась на этом. Коричневая бусина - кусок резного дерева, похожий на те, что висели на проволочных счетах. Наконец, когда Лили двинулась, чтобы освободить руку из-под одеяла, усилие и боль от смещения тела взорвались в ней, как всплеск горячего света. Ее голова откинулась назад на подушку, перья обрамили ее затылок, и она закрыла глаза. Всего за несколько часов до этого, утром, в руках профессора Альфреда Болка Эйнар Вегенер перешел от мужчины к женщине. Из обрезанного гамака его мошонки вытащили два яичка, и теперь Лили Эльбе скользнула в бессознательное состояние в течение трех дней и ночей.

**КАРЛ ШНАЙДЕР, МАРИАН АПОТЕКЕ, СЕЙЛЕНХАУС , RENNER KAUFHAUS и HERMANN ROCHE DROGERIE - магазины и универмаги Дрездена.*

Глава 22

Герда не могла этого вынести. Застегнув халат и заколов волосы черепаховым гребнем, она смешала краски в чашках Кнабstrup и остановилась перед незаконченным портретом Лили. Она не знала, как его завершить. Верхняя часть картины с Лили была окончена, а нижняя половина была исполнена только карандашом, но Герда отстраненно смотрела на картину, будто на чужую работу. Она уставилась на полотно, края которого натянулись от гвоздей, которые она забивала сама, когда не могла сосредоточиться. Ей мешало всё. За стеной находилась библиотека для подписчиков. Эдвард IV неряшливо плескался в своей миске с водой. Из-за открытой двери в студию Эйнара было видно его аккуратную кушетку с уложенными на нее розово-красными килимами, и еще аккуратность и пустоту комнаты, в которой больше никто не жил. Комод с пустыми ящиками; гардероб, внутри которого не осталось ничего, кроме пустой вешалки на свинцовой трубе. Герда почувствовала пульс в груди. Единственный, о ком могла думать, был Эйнар в гремевшем по Европе железнодорожном вагоне, прибывающим в Дрезден ночью. Эйнар с ледяной росой, смочившей кончики его волос, сжимающий адрес клиники в кулаке.

В галерее Ханса прошла еще одна выставка ее картин, и Герда впервые не присутствовала на открытии. Выставка вызывала в ней тошноту, но она старалась не показывать Хансу свои чувства. Как это неблагоприятно. Как раздражительно... Герда, пять лет назад не имевшая репутации, и только сегодня утром севшая за интервью с красавцем-журналистом из Ниццы, который мог бы прервать ее и спросить: «Когда вы впервые узнали, что великолепны?»... Все это и многое другое всего за пять лет. Но какое это имеет значение? Герда осталась одна, а ее муж и Лили находились в Дрездене. Одни.

Спустя больше недели после того, как Эйнар отправился в Дрезден, в скользкий и скрипучий от дождя день с авариями автомобилей, Герда встретила Ханса в его галерее. Ханс находился в своем бэк-офисе. За столом сидел клерк, делавший записи в бухгалтерской книге.

- Не все картины продались, - сказал Ханс. Одна из картин Герды - Лили в кабаке в Бен-дю-Пон-Сольферино, - стояла на полу, прислонившись к столу, за которым клерк водил карандашом по линованной бумаге.

- Я ждал, что ты придешь на открытие, - сказал Ханс, - что-то случилось? Ты видела знакома с моим новым помощником? Это месье Ле Галь.

Клерк был узколицым, и в его мягких карих глазах было что-то, что заставило Герду вспомнить Эйнара. Она представила себе его... Эйнар осторожно сел на трамвай в Дрездене, опустив глаза и скрестив руки на коленях, вздрогнул... Про себя Герда коротко подумала: “Что я сделала с моим мужем?”

- Я могу чем-то помочь? - спросил Ханс.

Он двинулся к Герде. Клерк держал свои очки и карандаш над бумагой. Ханс подошел к Герде. Он не прикасался к ней, но Герда чувствовала его, глядя на картину. Улыбка Лили стала шире от натяжения ее плотной резиновой купальной шапочки. Глаза Лили были темными, живыми и бездонными. Герда почувствовала прикосновение к своей руке, но подняв взгляд, ничего не увидела. Ханс уже стоял у стола клерка, засунув руки в карманы. Он хотел ей что-то сказать?

Карлайл застал их в объятиях друг друга в тот день, когда лил холодный дождь, и шея Ханса порозовела после посещения парикмахера. Герда не слышала звука открывающейся двери, пока не стало слишком поздно. Герда и Карлайл застыли в долгой и неловкой паузе: она - с головой на груди Ханса, он - с шарфом на шее и застывшей на дверной ручке рукой.

- Я не знал, что здесь кто-то есть ... - начал он.

Герда отстранилась от Ханса, и он сказал:

- Это не то, о чем вы подумали...

- Я могу уйти, - заверил Карлайл, - я скоро вернусь.

Он ушел прежде, чем Герда успела что-то сказать. Позже, той же ночью, сидя у постели Карлайла и массируя через одеяло его ногу, она произнесла:

- Иногда я думаю, что Ханс мой единственный друг.

Карлайл с распахнутым воротником ночной рубашки сказал:

- Я могу это понять, Герда. Никто не обвиняет тебя, если ты так думаешь.

Теперь, стоя в кабинете Ханса рядом с клерком, занятым карандашом и записями, Герда сказала:

- От Эйнара все еще нет новостей.

- Ты обеспокоена?

- Я не должна, но я...

- Почему ты не поехала с ним?

- Он не хотел, чтобы я ехала.

Ханс остановился, и Герда увидела, как его губы сжались. Жалел ли он ее? Ей была ненавистна мысль, что дело могло дойти до этого.

- Не то чтобы он меня расстроил, - добавила она, - и не то чтобы я не понимаю, почему он должен был ехать один...

- Герда, - прервал ее Ханс.
- Да?
- Почему бы тебе не поехать к нему?
- Он не хочет, чтобы я была там.
- Он был, вероятно, слишком смущен, чтобы просить тебя о помощи.
- Нет, не Эйнар. Он не такой. И, кроме того, почему он был бы смущен? После всего, что было, чего ему стесняться сейчас?
- Подумай о том, что он переживает. Это не то, что было раньше.
- Но тогда почему он не захотел, чтобы я ехала с ним? Он не хотел, чтобы я была там, это было ясно.
- Он, наверное, слишком боялся.

Герда остановилась.

- Ты думаешь?

Клерк закурил сигарету, грубо чиркнув спичкой по наждачной полосе вдоль коробка. Герда снова захотела, чтобы Ханс обнял ее, но не позволила себе двинуться к его рукам. Она выпрямила спину и провела пальцами по складкам юбки. Она знала, что это старомодно, но не могла заставить себя скользнуть в чужие объятия, пока оставалась женой Эйнара.

- Ты должна поехать к нему, - сказал Ханс, - если хочешь, я поеду с тобой. Я был бы счастлив поехать с тобой.
- Я не могу уехать.
- Конечно, можешь.
- Как насчет моей работы?
- Это может подождать. Или еще лучше, упакуй свой мольберт и возьми с собой свои краски.
- Ты действительно думаешь, что я должна ехать?
- Я поеду с тобой, - повторил он.
- Нет, - сказала она, - это не пойдет ему на пользу.
- Почему нет?

На столе клерка лежала копия «Л'Эчо де Пари» с обзором последней выставки. Герда еще не читала его, но вдруг четко увидела один абзац, как если бы он был подчеркнут: *«После стольких образов одного и того же сюжета, этой странной девушки по имени Лили, Герда Вегенер стала скучной. Я желаю ей новую модель и новую цветовую схему. Родом из Калифорнии, почему она никогда не обращала внимания на золото и блюз своей родины? Нарисуйте мне картину Тихого океана и Арройо!»*

- Если я уеду, то сделаю это одна, - сказала Герда.
- Теперь ты говоришь, как Эйнар.
- Я похожа на него, - ответила она.

Несколько минут они молчали, изучая картину и слушая дождь вперемешку с дорожным движением. Париж был холодным. Каждое утро влажность просачивалась ей глубоко под кожу, и Герда представляла себе единственное более влажное и более серое место - Дрезден. Поехать туда было все равно что скользнуть глубже в ледяную пещеру.

Ханс повторил:

- Если я могу что-то сделать...

Он снова приблизился к ней, а затем на руке Герды возникло ощущение, словно перо коснулось кожи. Она чувствовала его мягкий пульс через костюм в елочку.

- Герда... - начал он.

- Мне нужно идти.

- Как ты думаешь, пора ли нам ...

- Я действительно должна уйти, - закончила Герда.

- Хорошо, тогда иди, - ответил Ханс. Он помог ей надеть плащ, придерживая его за плечи, - Прости.

После этого клерк спросил хриплым голосом:

- Доставите ли вы какие-нибудь новые картины, миссис Вегенер? Должен ли я ожидать чего-нибудь в ближайшее время?

- Не скоро, - ответила Герда. Выйдя на улицу среди толчеи зонтов и проносившимися сквозь мокрый снег машинами, она уже знала, что ей придется сложить мольберт, упаковать краски и забронировать купе на следующий поезд в Дрезден.

Больше всего Герду удивило в Дрездене то, как люди на улице не могли оторвать взгляд от своих ног. Она не привыкла к такому, ее глаза отказывались опускаться для того, чтобы блуждать по длинной раме и приветствовать ее. В первый же день Герда почувствовала, что растворяется в скрытых от мира странах Европы, и это вызвало у нее легкую панику. Шагнув к входной двери женской клиники в Дрездене, она услышала хруст гравия у себя под ногами. Это была внезапная боязнь того, что если никто не узнает ее, возможно, она не сможет отыскать Эйнара.

Сначала произошла путаница.

- Я ищу мисс Вегенер, - сказала Герда у стойки регистрации, где фрау Кребс курила сигарету «Халифа». Фамилия Вегенер ничего не значила для фрау Кребс. Она поджала губы и покачала головой, а ее волосы хлестнули по челюсти. Герда попыталась снова:

- Она худая и темноглазая. Ужасно застенчивая. Маленькая датчанка.

- Вы имеете в виду Лили Эльбе?

Представляя себе лицо просыпающегося с солнечным светом Эйнара, в то время как его поезд пересекал Эльбу по мосту Мариенштрассе, Герда произнесла:

- Да. Она здесь?

В ее комнате мерцала переносная газовая плита. Желтый занавес был задвинут, и синее пламя маленькой плиты бросало на кровать волнующуюся тень. Герда держалась за стальную трубку подножки кровати. Лили лежала под одеялом, а ее руки лежали параллельно телу. Она спала.

- Пожалуйста, не беспокойте ее, - прошептала фрау Кребс, стоя в дверях, - операция была тяжелой.

- Когда это было?

- Три дня назад.

- Как она?

- Сложно сказать, - ответила фрау Кребс, сложив руки на груди.

В комнате было тепло от сонных испарений, а молчание Лили было неестественным для Герды. Она села в кресле в углу, натянув одеяло на колени. Ей было холодно, она устала от поездки, и фрау Кребс оставила ее наедине с Лили.

Герда и Лили спали. Герда проснулась через несколько часов. Сначала ей показалось, что она просыпается на одной из спальных веранд в Пасадене. Затем она увидела Лили, голова которой металась по подушке, а ее бумажные веки задрожали.

- Пожалуйста, не беспокойся обо мне... - прошептала Лили.

Герда увидела глаза Лили. Она зажмурилась, чтобы отогнать мечтательный сон; темно-коричневый и скользкий, как шкура медведя.

Все, что осталось от ее мужа - глаза, в которых Герда могла увидеть всю свою жизнь.

Герда подошла к кровати и стала гладить ногу Лили через грубое одеяло из конского волоса. Что-то в икроножной мышце расслабилось под руками Герды. Или, может быть, она просто представляла себе это, как и грудь Лили, скрытую одеялом.

- Ты знаешь, что они со мной сделали? - спросила Лили. Ее лицо казалось более полным в щеках и шее, - настолько полным, что клинок ее адамового яблока исчез в маленьком шарфе плоти. Это Герда тоже представляла?..

- Не больше того, о чем мы говорили.
- Я теперь Лили? Стал я Лили Эльбе?
- Ты всегда была Лили.
- Да, но если бы я посмотрел туда, то что бы я увидел?
- Не думай об этом так, - ответила Герда, - это не единственное, что делает тебя Лили.
- Операция прошла успешно?
- Так сказала фрау Кребс.
- Как я выгляжу? Скажи мне, Герда, как я выгляжу?
- Очень хорошенькая.
- Неужели я теперь действительно женщина?

Часть Герды дрогнула от шока. Ее мужа больше нет в живых. Она почувствовала, как его душа проходит через нее. Герда Вэуд вновь стала вдовой. Она вспомнила гроб Тедди, и веревки на его крышке, погружающие его в землю. Но ей не нужно было хоронить Эйнара. Она сама усадила его на поезд, направляющийся в Германию, в купе, отделанное войлоком. А теперь он ушел, будто его поезд просто устремился вперед, в ледяной январский туман, и исчез навсегда. Ей показалось, что если она назовет его имя, его эхо растянется на всю оставшуюся жизнь.

Она подошла поближе к Лили. Герда снова переполнилась желанием поддержать ее, и взяла голову Лили в свои ладони. Вены на ее висках слабо пульсировали, и Герда сидела на краю больничной койки с влажной головой Лили в своих ладонях. В зазоре между занавесками Герда видела ярко пронизанную весной лужайку, ведущую к Эльбе. Река бежала, как облака, мчащиеся по небу. На другом берегу двое мальчиков в свитерах запускали каноэ.

- О, привет, - раздался голос из-за двери. Это была молодая девушка с немного вздернутым носом.

- Ты, должно быть, Герда?

Герда кивнула, и девушка тихонько вошла. Она была одета в больничный халат, на ее ногах были тапочки. Лили снова заснула, и комната стала серой. Газовый обогреватель тикал в углу.

- Я Урсула, - сказала девушка, - мы подружились, - она указала подбородком на Лили, - с ней все будет в порядке?

- Я думаю, да. Но фрау Кребс сказала, что ей было тяжело.

- Она много спит, но когда я увидела ее проснувшейся, она выглядела счастливой, - сказала Урсула.

- Как она чувствовала себя до операции? Она боялась?

- На самом деле, нет. Она обожает профессора Болка. Она сделает все для него.

- Он хороший доктор, - услышала себя Герда.

Урсула держала коробку конфет Унтер-ден-Линден, завернутую в фольгу. Она передала ее Герде, спросив:

- Ты передашь ее ей, когда она проснется?

Герда поблагодарила Урсулу, заметив, что она в положении. Ее высокий живот вздулся высоко и неровно.

- А ты как? - спросила Герда.

- Ох, я? Я в порядке, - ответила Урсула, - все больше и больше устаю каждый день. Но чего я могла ожидать?

- Они хорошо относятся к вам здесь?

- Фрау Кребс милая. Сначала она кажется строгой, но она милая. И другие девочки тоже. Но Лили - моя любимая. Очень милая.

Беспокоится за всех, кроме себя самой. Она рассказала мне о тебе. Она скучала по тебе.

На мгновение Герда удивилась, задумавшись о том, что имела в виду Урсула, но затем забыла об этом. Это не имело значения.

- Ты скажешь ей, что я заходила? - спросила Урсула, - ты отдашь ей шоколад?

Герда заняла комнату в «Бельвью». Ночью, оставив Лили в Муниципальной женской клинике, она попыталась рисовать. Свет от плоскодонных угольных грузовых кораблей добирался до ее окон. Иногда Герда открывала их и слышала свист весел туристического катера, глубокий гул грузовых автомобилей и лязг трамвая в Театр-Плац.

Герда начала рисовать профессора Болка. Это была картина на большом холсте, который она купила в магазине на Уландштрассе. Пересекая Аугустусбрюгге по дороге обратно в Бельвью, она несла свернутый холст подмышкой. С мостика с балконами и полукруглыми смотровыми окнами она видела почти весь Дрезден: террасу Брюльше со скамейками, недавно выкрашенными в зеленый цвет; бульварный купол из песчаника Фрауенкирхе, почерневший от сажи автомобилей и плавильных заводов в Плауэнчер-Грунде; длинная линия серебристых окон дворца Цвингер. Налетевший с реки ветер выбил свернутый холст из-под руки Герды, и она поймала его, развернув на мосту, будто парус. Холст хлопал по стене с канавками. Герда пыталась отбросить его назад, когда чья-то рука легла на ее плечо, и знакомый голос спросил:

- Могу я помочь?

- Я как раз возвращалась в отель, - отозвалась Герда, когда профессор Болк взял другой конец холста и скатал его в трубу.

- Вы, должно быть, планируете довольно большую картину, - заметил он.

Но это было не так. В тот момент Герда еще не знала, что хочет написать. Происходящее с Лили в данный момент не казалось ей подходящим временем, чтобы рисовать ее.

- Вы могли бы проводить меня обратно в гостиницу? - спросила Герда, указывая на парк каштанов перед Бельвью, возвышавшийся, будто спрятавшийся спасатель, пылливо рассматривающий пляж Эльбы.

- Я хотела бы услышать об операции, - продолжила Герда, - о будущем Лили.

В последние несколько дней она начала ощущать, что профессор Болк избегает ее. Она провела в Дрездене два дня, но профессор Болк до сих пор не ответил на вопросы, которые Герда оставила на столе фрау Кребс. Она упомянула даже Урсуле, что хочет, чтобы профессор Болк ей позвонил. Но он так и не пришел к Герде, а теперь она привела его в свой номер в Бельвью. Они расположились в креслах у окна и пили кофе, принесенный служанкой, волосы которой украшала полоска кружева.

- Первая операция прошла успешно, - начал профессор Болк. - это было довольно просто. Разрез заживает как следует.

Он рассказал Герде об операции в действующем амфитеатре, где не так давно, еще до рассвета, Эйнар превратился в Лили. Профессор объяснил, что систематические тесты - анализ крови и анализ мочи, ежечасная проверка температуры Лили - всё подтверждало признаки правильного заживления. Листериевая антисептика защищала Лили от инфекции.

- Самой большой проблемой сейчас является боль, - сказал профессор Болк.

- Что вы делаете для того, чтобы унять ее?

- Ежедневная инъекция морфия.

- Есть ли риск?

- Очень маленький, - сказал профессор, - мы отучим ее от него в течение следующих нескольких недель. Но сейчас ей это нужно.

- Понимаю...

Теперь, когда перед Гердой сидел Болк, ее беспокойство исчезло. Он ничем не отличался от остальных самых занятых и важных людей. Как правило, их невозможно выследить, но как только вы привлекли их внимание, они в вашем распоряжении.

- Меня беспокоило ее кровотечение, - продолжил профессор Болк, - у нее не должно было быть такого кровотечения. Это заставило меня подумать, что с одним из ее органов брюшной полости что-то не так.

- Что же?

- Я не знал. Смятая селезенка. Отверстие в подкладке кишечника. Все возможно, - он скрестил ноги. Герда почувствовала, как ожило ее сердце в испуге за Лили.

- С ней все в порядке, не так ли? Я не должна беспокоиться о ней, правда?

- Я открыл ее, - ответил Болк.

- Что вы имеете в виду?

- Я вскрыл ее живот. Я знал, что что-то не так. Я провел достаточно операций на брюшной полости, чтобы понять, что что-то не так.

На мгновение Герда закрыла глаза и увидела, как на внутренней стороне ее век скальпель прочертил линию крови по животу Лили. Ей пришлось перестать воображать руки профессора Болка, который с помощью фрау Кребс раздвигал разрез.

- Это правда, что Эйнар действительно был женщиной. Или, по крайней мере, наполовину женщиной.

- Но я уже знала это, - сказала Герда.

- Нет. Я не думаю, что вы понимаете.

Профессор взял с подноса, принесенного служанкой, сахарное печенье в форме звезды.

- Это кое-что другое. Нечто весьма примечательное.

Глаза профессора светились интересом, и Герда могла поклясться, что он из того типа докторов, которые хотят добиться чего-то большего - болезни или хирургической процедуры, названной в их честь.

- В животе, - продолжал Болк, - я заглянул в его кишечник и кое-что обнаружил, - доктор Болк сложил руки и заломил костяшки пальцев.

- Я нашел пару женских яичников. Недоразвитые. Маленькие, конечно. Но они там были.

Именно в тот момент Герда решила, что должна нарисовать профессора Болка. Квадратную линию его плеч, его висящие руки, длинную шею, выходящую из крахмального воротника; гофрированную и нежную кожу вокруг глаз. Герда откинулась на спинку стула. В соседней комнате остановилась оперная певица, и Герда слышала, как она исполняет Эрду из «Зигфрида»*: скользящий средний реестр, и голос, пикирующий в воздухе, как ястреб на охоте. Голос был совсем как у Анны, но это было невозможно, потому что Анна осталась в Копенгагене, и продолжала петь в Королевском театре в течение долгих лет. Когда Лили почувствует себя лучше, подумала Герда, она хотела бы привести ее в оперу. Она представляла, как они держатся за руки в темноте Земперопер*, пока Зигфрид направляется к огненной оправе Брюнхильды*.

- Что это значит для нее? - наконец спросила Герда, - Это действительно яичники?

- Это означает, что я больше чем уверен, что все получится. Мы поступаем правильно.

- Значит, вы действительно думаете, что это объясняет кровотечения?

- Наверное, - ответил он, и его голос повисился, - это объясняет почти все.

Нет, подумала Герда. Она знала, что яичники не могут объяснять все.

- Есть процесс прививки, который я хочу попробовать, - продолжал профессор Болк, - из здоровой пары яичников. Это проводилось на яичках, но никогда с женскими органами. Но такие операции давали результаты, и я хотел бы собрать некоторую ткань из здоровой пары яичников и наложить ее поверх Лили. Но это - вопрос времени. Нужно найти подходящую пару, - закончил профессор.

- Как много времени это займет? Вы уверены, что сможете это сделать?

- Не так долго. У меня есть одна девушка на примете.

- Из клиники?

- У нас есть молодая девушка из Берлина. Когда она пришла к нам, мы подумали, что она беременна. Но оказалось, что опухоль перехватила ее желудок, - профессор поднялся, чтобы уйти, - она, конечно, не знает об этом. Какой смысл говорить ей об этом сейчас? Но она может подойти нам. Быть может, это займет только месяц или около того - профессор пожал руку Герды на прощанье.

Когда он ушел, Герда открыла коробку с красками и начала и расстилать брезент. Сквозь стены доносился голос оперной певицы, - медленный и томный, поднимающийся выше нота за нотой.

Несколько недель спустя Герда и Лили сидели в саду клиники. Березы и ивы блестели почками. Изгороди были все еще неоднородными, но на кирпичной дорожке уже появились одуванчики. Два садовника выкапывали лунки для ряда вишневых деревьев. Кустарник крыжовника начал расцветать.

Беременные девушки сидели на лужайке, на тартановом одеяле и плели венки из травы. Их белые больничные халаты, свободные в плечах, дрожали от ветра. Часы на карнизе клиники пробили полдень. Облако сдвинулось, и газон стал почти черным под его тенью. Вишневые деревья покачнулись, и из-за стеклянной двери клиники показалась фигура. Герда не могла разглядеть, кто это. На мужчине был белый халат, раскачивающийся, как вымпелы, натянутые вдоль туристического

крейсера, курсирующего по Эльбе.
- Смотри, - сказала Лили, - это профессор.

Профессор двинулся в их направлении. Облако снова сдвинулось, и лицо профессора Болка озарило блестящее на его очках солнце. Подойдя к ним, он присел на колени и сказал:

- Это произойдет завтра.
- Что такое? - спросила Лили.
- Ваша следующая операция.
- Но почему так неожиданно? - удивилась Лили.
- Потому что трансплантационная ткань уже готова. Мы должны действовать завтра.

Герда успела рассказать Лили о следующей процедуре и о ткани яичника, которую профессор Болк вживит в ее живот.

- Я ожидаю, что все пойдет по плану, - сказал профессор. В солнечном свете кожа на лице Болка казалась тонкой, и сквозь ее ткань проступали морщины. Герда хотела, чтобы Ханс поехал с ней в Дрезден. Она поговорила бы с ним. Ей хотелось бы получить его совет, и увидеть, как он скрещивает пальцы перед губами, когда обдумывает ситуацию. Внезапно Герда почувствовала себя опустошенной.

- А что, если все пойдет не так, как было запланировано? - спросила она.

- Мы подождем. Я хочу поработать с тканью молодой девушки.

- Во все это трудно поверить, - сказала Лили. Она не смотрела на Герду или Болка. Ее лицо было обращено на круг девушек, которые лежали на лужайке.

Когда профессор Болк исчез, Лили покачала головой.

- Мне все еще не верится, - сказала она, не отрывая глаз от девочек, - он делает это, Герда. Как ты и сказала. Он превращает меня в молодую девушку.

Лицо Лили было неподвижно, кончик ее носа покраснел. Она прошептала:

- Я думаю, что этот человек способен творить чудеса.

Легкий ветерок убрал волосы Герды за плечо, и она взглянула на затененные окна лаборатории профессора Болка. Оштукатуренные стены и застекленный коридор, соединяющий лабораторию с остальной частью клиники. Герда с трудом представила себе ярусный действующий амфитеатр и стальные холодные на ощупь санитарные машины вместе с полкой банок, заполненных формальдегидом. Одна из штор на окнах была отодвинута, и на минуту Герда заметила силуэт человека, работавшего в лаборатории. Он склонил голову над чем-то, а затем второй человек – его

черная тень, - снова опустил штору, и штукатурка на здании, как и прежде, стала желтой и безжизненной на солнце.

- Итак, - произнесла Герда, - завтра.

Она опустила голову на колени Лили. Они закрыли глаза, и их озарил слабый солнечный свет. Они слушали приглушенный смех девушек на лужайке и далекие всплески мельницы на Эльбе. Герда подумала о Тедди Кроссе, которого она когда-то тоже считала способным на чудеса.

Герда и Тедди были женаты всего несколько месяцев и жили в испанском доме в Бейкерсфилде, когда первые горячие ветры подули сквозь эвкалиптовые рощи.

Герда была беременна Карлайлом и отдыхала на диване. Однажды ее брат Карлайл приехал к ним в гости по Ридж-роуд, чтобы исследовать потенциальные нефтяные месторождения.

Земляничные поля покрылись зеленым весенним ковром, обрамленным маслянистым золотом маков в предгорьях. Мужчины из Лос-Анджелеса и Сан-Франциско спускались по Бейкерсфилду, когда выяснилось, что под землей может быть нефть. Фермер к югу от дома родителей Тедди Кросса копал колодец, из которого вдруг ударила нефть. Тедди был уверен, что его родители тоже могут наткнуться на месторождение нефти, и Герда втайне думала, что Тедди пожелал разбогатеть, чтобы сравниться с ней. В конце второй половины дня, позаботившись о Герде, Тедди уезжал на Крестовую землю по обочине дороги, скользя в длинных тенях старых дубов. Тедди использовал инструмент с круговым сверлом, которое можно было удлинить при помощи насадок. С солнцем, сверкающим на нижних серебристых сторонах листьев земляники, Тедди перемалывал дрелью суглинок.

Именно тогда Карлайл приехал в Бейкерсфилд. Он хромал на паре литых костылей, и их желобчатые ручки из резной слоновой кости доходили ему до локтей. У него была вторая пара костылей, выполненная из чистого серебра, которую миссис Вэуд попросила использовать только в официальных случаях. Позже Герда узнала, что в первую ночь в их испанском доме, пока она спала, Тедди вывел Карлайла на Крестовую землю и рассказал ему о ней.

- Я беспокоюсь, что могу их разочаровать, - сказал Тедди о своих родителях, которые жили в своем маленьком домике, где стены покрывали трещины, достаточно широкие для ветра. Яма в земле была толщиной с бедро, и ее окружал деревянный настил. Тедди обмакнул палец в чашку с грязью, которую поднимали со дна ямы при помощи веревки. Они рассматривали глину, открыв рты. Тедди посмотрел на Карлайла так,

словно ожидал его приезда только потому, что Карлайл учился в Стэнфорде и мог разглядеть что-то особенное в чашке черной почвы.

- Как ты думаешь, есть ли там масло? - спросил Тедди. Посмотрев на дуб на краю клубничного поля, а затем на чистое небо, Карлайл ответил:

- Я не вполне уверен.

Они пробыли возле ямы полчаса, стоя на закате, пока ветер вздымал пыль и швырял ее на лодыжки. Небо потускнело, появились сверкающие звезды.

- Пошли, - сказал Тедди, и Карлайл, который ни разу не обвинил Тедди Кросса во всем, что случилось с Гердой, отозвался:

- Хорошо.

Тедди пошел к грузовику, и Карлайл последовал за ним, но наконецник его костыля застрял между деревянными досками настила. Следующее, что он понял, - это то, что его больная нога скользнула в колодец, как змея. Он бы рассмеялся тому, как быстро оказался на деревянной платформе, если бы его нога не взорвалась от боли. Тедди услышал крик Карлайла, и бросился обратно к сухому колодцу.

- Ты в порядке? Можешь встать? - спросил он.

Но Карлайл не мог встать. Его нога застряла в яме. Тедди принялся срывать доски ломом. Доски поскрипывали и завывали. Койоты в предгорьях тоже завывали, и черная ночь Бейкерсфилда оживилась звуками и тихим плачем Карлайла в свое плечо. Прошел час, прежде чем он был освобожден, обнажив сломанную в голени ногу. Крови не было, но кожа становилась темнее сливы. Тедди помог Карлайлу сесть в грузовик, а затем повел автомобиль в ночи на запад, по широкому краю долины, где поля земляники сменялись листьями красного салата, виноградниками и садами пекана, а затем дорога шла через горы и в Санта-Барбару.

Была уже почти полночь, когда доктор с моноклем загипсовал ногу Карлайла, и ночная медсестра с ржаво-красными волосами окунала полоски марли в ванну с гипсом. Почти на рассвете Тедди и Карлайл вернулись к бамбуковой тени испанского дома. Они измотались и наконец добрались до дома. Герда все еще спала.

- Спит с тех пор, как ты ушел, - сказала Акико, чьи глаза были такими же черными, как воспаленная кожа на голени Карлайла.

Проснувшись, Герда была слишком подавлена тошнотой, чтобы заметить гипс на ноге Карлайла. Гипс был настолько несуразен, что оставлял небольшие пятна пыли везде, куда наступал Карлайл. Герда заметила эту пыль, протирая ее с пола и с интересом недоумевая, откуда она взялась на подушке оттоманки. Она знала, что Карлайл поранился, но не придавала этому значения.

- О, я в порядке, - доложил Карлайл. На этом Герда и успокоилась, потому что единственное слово, которым она могла описать свое состояние, было «отравлено». Она лишь взглянула на Тедди и Карлайла, и закатила глаза.

Когда началось лето, и ртуть в термометрах достигла 110 градусов, а Герда наконец родила, Карлайлу сняли гипс. Ребенок родился мертвым, но нога Карлайл выглядела здоровее, чем когда-либо с того самого дня, когда ему и Герде исполнилось по шесть лет. В ноге все еще оставалось немного боли, но Карлайл больше не нуждался в костылях. Он мог дойти прямо до своей спальни - гостиной испанского дома, - не держась за перила.

- Это единственный плюс, который удалось извлечь из жизни в Бейкерсфилде, - иногда говорила Герда.

В оставшейся части их брака Герда думала о Тедди Кроссе как о человеке, способном на чудеса. Увидев однажды, как он сосредоточенно сжал губы, Герда подумала, что он способен на все, что угодно.

Но когда Лили сказала то же самое о профессоре Болке, Герда посмотрела на Эльбу. Она пересчитала лодки, девушек на лужайке, и сказала:

- Посмотрим.

**Земперопер - Оперный Театр Земпера в Дрездене.*

**Зигфрид и Брунгильда - герои третьей оперы Р.Вагнера из тетралогии "Кольцо Нибелунгов".*

Глава 23

Лили проснулась от собственного крика. Она не знала, как долго спала, но чувствовала, как морфий покрыл ее мозг. Ее веки стали слишком тяжелыми, чтобы поднять их.

Ее крики были настолько громкими, что даже сама Лили чувствовала, как они прорезаются в коридоры Муниципальной женской клиники, извиваясь по спинам медсестер и по растянувшейся коже на животах беременных девушек. Нижняя половина ее тела горела от боли. Если бы у нее хватило сил, Лили бы подняла голову чтобы посмотреть и убедиться, что низ ее живота пылает огнем, выпекая кости в тазу. Ей показалось, что она взлетела над кроватью и смотрит на себя сверху вниз. Тело маленькой Лили, рассеченное профессором Болком, лежало под одеялом. Ее руки раскинуты внутренней стороной запястий вверх, а обнаженная кожа на них бледно-зеленая. Сплетенные из итальянской конопля веревки перекрестили ее ноги, а на концах болтались мешки с песком. С каждой стороны кровати свисало по четыре мешка, связанных толстой веревкой и удерживавших ноги Лили от метаний.

Медсестра, которую Лили не узнала, ворвалась в комнату. Медсестра была усатой и полногрудой. Она закричала:

- Чем я могу вам помочь?!

Медсестра подтолкнула Лили к стопке подушек. Лили казалось, что ее крики принадлежат кому-то другому. На мгновение Лили подумала, что, может быть, это призрак Эйнара кричит внутри нее. Это была ужасная мысль. Она опустила голову на подушки и закрыла глаза. Но она все еще кричала, не в силах ничего с собой поделать. Ее губы потрескались и покрылись коркой в уголках, а язык превратился в тонкую сухую полоску.

- Что случилось?! - спрашивала медсестра. Казалось, она только делает вид, что обеспокоена, и видела подобное уже много раз. Медсестра была молода. Ожерелье из стеклянных бусин врезалось ей в горло. Лили посмотрела на медсестру, на ее горло, наполненное плотью, которое почти спрятало ожерелье, и подумала, что, может быть, она видела эту медсестру раньше. Линия тонких волос над ее губой - это было ей знакомо, - и грудь, растягивающая нагрудник передника.

- Вам нельзя двигаться, - проговорила медсестра, - это только ухудшит ситуацию. Постарайтесь успокоиться.

Медсестра поднесла зеленую резиновую маску к лицу Лили. Краем глаза Лили увидела, как медсестра поворачивает сопло аппарата и выпускает эфир. И Лили поняла, что раньше уже встречалась с этой медсестрой.

Она плохо помнила, как снова проснулась от крика. Затем вбежавшая медсестра нависла грудью над Лили, измеряя ее температуру. Происходила переналадка веревок через ноги Лили, и стеклянная палочка термометра скользнула под ее язык. Все это было раньше. Особенно конус зеленой резиновой маски, плотно прилегающий к лицу Лили, словно одна из фабрик на Эльбе, где дымовые трубы с огненным ободком изрыгали черную испарину пластмассы и резины, отливая маску специально для Лили.

Прошло несколько недель, прежде чем Лили перестала чувствовать боли, и профессор Болк уменьшил дозы эфира. Медсестра по имени Ханна отцепила мешки с песком, освободив ноги Лили. Они стали настолько худыми и синими, что Лили не могла ходить по коридору, но могла сидеть час или два каждое утро перед ежедневной инъекцией морфия, которая погружалась в ее руку глубоким укусом осы.

Медсестра Ханна привезла Лили в зимний сад. Там она оставила Лили отдыхать, оставив инвалидное кресло возле окна и горшка с папоротником. Наступил май. Снаружи стояли сморщенные и полные рододендроны. Вдоль стены лаборатории Болка, в слое почвы и компоста, тюльпаны тянулись к солнцу.

Лили наблюдала за сплетнями беременных девушек на лужайке с одуванчиками. Солнце светило на их белые шеи. С конца зимы в клинике появились новые девушки. Лили думала, что здесь всегда будут новые девушки, которые будут потягивать чай и натягивать одеяло на слабые колени под синим больничным халатом и подушечками марли с йодной начинкой. Урсулы больше не было в клинике, и это опечалило Лили. Но она слишком устала и слишком расслабилась от наркотиков, чтобы думать об этом дальше. Лишь однажды она спросила фрау Кребс об Урсуле. Фрау Кребс переложила подушки Лили, и сказала:

- Не беспокойся о ней. Теперь все в порядке.

Герда могла посещать Лили только на несколько часов каждый день. Правило, установленное профессором Болком и оглашенное металлическим голосом фрау Кребс, запрещало посетителям приходить по утрам и вечерам. Это было время, когда девочки из клиники должны были находиться одни, но в обществе друг друга, словно их положение и проблемы были печатью товарищества, которую не могли разделить посторонние.

Герда посещала Лили сразу после обеда, когда на ее губах все еще виднелись пятна картофельного супа. Она оставалась до позднего вечера, пока тени не удлинялись, а голова Лили не ложилась ей грудь.

Каждый день Лили с нетерпением ждала, когда Герда войдет в застекленный зимний сад. Зачастую большой букет цветов - сначала хонкилы, затем, по мере наступления весны, львиный зев и розовые пионы, - скрывал лицо Герды, когда она появлялась в дверях. Лили терпеливо ждала в своем плетеном инвалидном кресле, слушая стук ее обуви по плиточному полу. Часто другие девушки шептались о Герде («Кто такая эта высокая американка с великолепными длинными волосами?»), и эти разговоры и воздушные голоса девочек, чьи груди ежедневно наполнялись молоком, радовали Лили.

- Как только мы вытащим тебя отсюда, - говорила Герда, устраиваясь на кресле и укладывая ноги на длинную белую подушку, - я отвезу тебя прямо в Копенгаген и дам тебе осмотреться.

Герда обещала это с тех пор, как приехала из Парижа. Обещала поезд и паром обратно в Данию и возвращение в квартиру в Доме Вдовы, которая долгие годы оставалась заперта; обещала радость в примерочной универмага Фоннесбех.

- Но почему мы не можем уехать сейчас? - спросила Лили. Ни разу за пять лет она или Герда не побывали в Копенгагене. Лили смутно помнила, как Эйнар инструктировал грузчиков с закатанными по локоть рукавами, чтобы они осторожно обращались с ящиком, в котором лежали его необработанные холсты. Она вспомнила, как смотрела на Герду, вынимающую ящики шкафа из мореного ясеня и укладывающую их в маленький сундук с кожаными петлями, который Лили больше никогда не видела.

- Ты здесь еще не совсем закончила, - напомнила Герда Лили.

- Почему нет?

- Нужно еще немного времени. Тогда мы сможем поехать домой.

Отдыхая рядом с Лили, Герда была красива в своей юбке с расшитым подолом и в сапогах на высоком каблуке. Лили знала, что Герда никогда не любила никого больше, чем ее. Теперь, когда ее документы утверждали, что она стала Лили Эльбе, она чувствовала, что Герда не изменится. Именно благодаря этому Лили преодолела одинокие ночи в больничной палате, лежа под тяжелым одеялом и приступы боли, которые подкрадывались и опустошали ее, как грабитель. Лили всегда менялась, но не Герда. Герда - никогда.

Профессор Болк иногда присоединялся к Лили и Герде, стоя рядом с ними пока Герда сидела, вытянув ноги, а Лили отдыхала в своем плетеном кресле.

- Не хотите ли посидеть с нами? - приглашала Герда, повторяя свою просьбу три или четыре раза, но профессор никогда не останавливался достаточно надолго, чтобы допить чашку чая, которую Лили всегда ему предлагала.

- Кажется, результаты на лицо, - сказал однажды профессор Болк.

- Почему вы так говорите? - спросила Герда.

- Взгляни на нее. Разве она не выглядит хорошо?

- Она выглядит хорошо, но очень хочет поскорее покончить с этим, - сказала Герда, выпрямляясь перед профессором Болком.

- Она превращается в молодую леди, - ответил он.

Лили смотрела на них снизу вверх и чувствовала себя ребенком.

- Она здесь уже больше трех месяцев. Она задумывается о жизни за пределами клиники. Ей очень хочется отправиться в...

- Перестаньте говорить обо мне так, как будто меня здесь нет! - прервала Герду Лили. Оно вырвалось из ее уст, - это небольшое сердитое негодование, ведь ее пища была наполнена наркотиками в течение первых послеоперационных дней.

- Мы не хотели, - сказала Герда, вставая на колени, и затем добавила:

- Нет, ты права. Как ты себя чувствуешь, Лили? Расскажи мне. Как ты себя чувствуешь сегодня?

- Я чувствую себя прекрасно, если бы не боль. Но мне уже становится лучше. Фрау Кребс и медсестра Ханна говорят, что боль скоро пройдет, и тогда я смогу вернуться домой.

Лили сидела в своем плетеном инвалидном кресле. Она уперлась руками и попыталась подняться.

- Не стоит, - удержала ее Герда, - если ты еще не готова. Лили попыталась снова, но ее руки не смогли справиться. Она стала пустой, почти невесомой девушкой, опустошенной как болезнью, так и ножом своего хирурга.

- Я скоро буду готова, - наконец сказала Лили, - может быть, на следующей неделе. Мы возвращаемся в Копенгаген, профессор Болк. Герда рассказала вам, что мы возвращаемся в Копенгаген?

- Вот это я понимаю.

- И мы переезжаем в нашу старую квартиру в Доме Вдовы. Вам придется навестить нас. Вы знаете Копенгаген? Из нашей квартиры изумительный вид на купол Королевского театра, и если вы откроете окно, то почувствуете запах гавани.

- Но, Лили, - запротестовала Герда, - ты не будешь готова уехать на следующей неделе...

- Если я продолжу идти на поправку так же быстро, то почему бы и нет? Завтра я сделаю еще один шаг. Попробуем немного погулять в парке.

- Разве ты не помнишь, Лили? - сказал профессор, прижав бумаги к груди, - впереди еще одна операция.

- Еще одна операция?

- Еще одна, - кивнула Герда.

- Для чего? Разве вы уже не все сделали?

Лили не могла произнести этих слов, но подумала: “Разве вы уже не восстановили мои яичники и не удалили мои мужские органы?” Нет, она не могла сказать этого. Как это унижительно, даже рядом с Гердой.

- Всего одна последняя процедура, - произнес профессор Болк, - нам нужно удалить... ..

И Лили, которая была не старше и не моложе своего нынешнего настроения, ставшая призраком нестареющей и неутомимой девушки, с юношеской наивностью стирающей десятилетия опыта другого человека, каждое утро изгибая набухшую грудь и молясь о первой менструации, закрыла глаза от позора. Профессор Болк сообщил ей, что внизу - под марлевой сеткой и коричневой йодной заправкой, похожей на соевый соус - под ее новой, все еще заживающей раной, остался последний рулон кожи, принадлежавший Эйнару.

- Все, что мне нужно сделать, это удалить его и переложить ...

Но Лили не могла вынести подробностей. Вместо этого она посмотрела на Герду, у которой на коленях лежала открытая записная книжка. В этот момент Герда рисовала Лили, переводя взгляд от нее к блокноту и обратно, но встретив взгляд Лили, она оставила карандаш и сказала:

- Она права. Нельзя ли поторопиться со следующей операцией, профессор Болк? Чего ждать?

- Я не думаю, что она готова. Она еще недостаточно окрепла.

- Я думаю, что уже достаточно, - настаивала Герда.

Они продолжали спорить, а Лили закрыла глаза и представила себе Эйнара — мальчика, сидящего на покрытом лишайником камне и наблюдающим, как Ханс возвращается с теннисной ракеткой. Она подумала о влажной руке Хенрика в ее руках на балу художников. О жаре глаз Карлайла на ней в раннее сырое утро на рынке. О Герде, когда ее глаза сосредоточенно сужались, пока Лили позировала ей на лакированном сундуке.

- Сделайте это сейчас, - попросила Лили мягко. Профессор Болк и Герда замолчали.

- Что ты сказала? - спросил профессор.

- Ты что-то сказала? - переспросила Герда.

- Пожалуйста, просто сделайте это сейчас.

Снаружи, в парке, незнакомые девушки собирали свои книги и одеяла и возвращались в клинику на вечер. Ивы подметали лужайку Муниципальной женской клиники. Поток Эльбы удерживал плоскодонные грузовые суда, а за рекой солнце врезалось в медные крыши Дрездена и огромный, почти серебряный купол Фрауэнкирхе.

Лили закрыла глаза и мечтала о том, как когда-нибудь в будущем пересечет площадь Конгенса Ниторва, в тени статуи короля Кристиана V,

и единственный человек в мире, который остановится посмотреть на нее, будет красивый незнакомец, чей сердечный ритм заставит его коснуться руки Лили и исповедать ей свою любовь.

Когда Лили открыла глаза, она увидела, что Герда и профессор смотрят вдаль, в конец зимнего сада. У калитки стоял высокий мужчина. Он подошел к ним, держа пальто на руке. Лили смотрела, как Герда наблюдает за ним. Она откинула волосы назад и ее пальцы коснулись шрама на щеке. Она потерла руки, звякнув браслетами, и мягко задохнувшись, произнесла:

- Смотри. Это Ханс.

Часть четвертая. Копенгаген, 1931.

Глава 24

Они вернулись в Дом Вдовы, но за эти годы здание будто уменьшилось. Находясь в Париже, Герда наняла человека по имени Поульсен, чтобы он присматривал за их квартирой в Доме Вдовы. Раз в месяц она высылала чек с приложенными к нему инструкциями: «*Полагаю, к настоящему моменту водосточные трубы нуждаются в очистке*», - писала она. Или: «*Пожалуйста, опустите жалюзи*». Но Поульсен не выполнил ни одного указания Герды, мало стремясь подметать прихожую и сжигать мусор. Утром, когда Герда и Ханс приехали в Копенгаген, а снег бросался на подоконники города, Поульсен исчез.

Фасад дома скрылся под бледно-розовой краской. На оконных рамах верхних этажей затвердел помет чаек. Тонкий слой черной грязи покрыл стены лестницы, ведущей на верхний этаж.

Герда потратила несколько недель, чтобы привести квартиру в порядок к приезду Лили. Ханс помог ей, наняв рабочих для покраски и полировки полов.

- Лили когда-нибудь думала о том, чтобы жить самостоятельно? - спросил он однажды, и Герда, испугавшись, ответила:

- Что? Без меня?..

Герда медленно погружала Лили в море жизни в Копенгагене. В мрачные дни в конце зимы Герда держала руку Лили и гуляла с ней по садам без листьев в Конгенс Харе. Лили медленно переставляла ноги, пряча губы в шерстяном горле своего свитера. Операции вызвали у нее постоянную боль, которая возвращалась, когда действие морфина заканчивалось. Герда говорила, чувствуя пульс на запястье Лили:

- Не торопись. Просто дай мне знать, когда будешь готова.

Она предполагала, что однажды наступит день, когда Лили захочет сама выйти в свет. Она видела это желание на ее лице во время ежедневных утренних прогулок по Конгенс Ниторв. Лили изучала молодых женщин и пакеты с булочками в их руках. Женщин, достаточно молодых для надежды, все еще мерцающей в их глазах. Герда услышала

это желание в голосе Лили, когда она читала вслух свадебные объявления в газете.

Как же Герда боялась этого дня, иногда задаваясь вопросом, согласилась ли бы она со всем этим, если бы знала с самого начала, что однажды Лили покинет дом вдовы с небольшим чемоданом в руке? В течении первых нескольких месяцев после возвращения в Копенгаген бывали дни, когда Герда верила, что они с Лили могли бы создать для себя уютную жизнь на верхнем этаже Дома Вдовы, и ни одна из них не уезжала бы дольше, чем на день. Иногда, когда они с Лили сидели возле железной печки, она думала, что годы потрясений и эволюции подошли к концу, и теперь они с Лили могли рисовать и жить мирно - одни, но вместе. Разве это не была неистощимая борьба Герды? Ей постоянно нужно быть одинокой, но всегда любимой и влюбленной.

- Ты когда-нибудь думала, что я смогу влюбиться? - спросила Лили, когда наступила весна, а гавань сменила серый цвет на синий, - думаешь, со мной может случиться что-то подобное?

Весной 1931 года началось падение валюты, и наступило общее черное облако разорения — экономического, и не только. Американцы уезжали из Европы, Герда читала об этом в газетах. Она увидела одну сцену в аэропорту «Аэро-Ллойд» в Дойчере: женщину с бобровым воротником с ребенком на бедре. Картина, даже хорошая, могла провисеть на стене галереи и остаться не проданной. Лили окружал черный мир. Во всяком случае, это был уже не тот яркий мир.

Каждое утро Герда будила, Лили которой иногда было тяжело проснуться. Она снимала с вешалки юбку, блузку с деревянными пуговицами и свитер с запястьями, украшенными снежинками. Герда помогала Лили одеться, подавая ей кофе и черный хлеб с копченым лососем, посыпанным укропом. Лишь к середине утра Лили полностью проснулась. Ее глаза смотрели морфином, а рот пересох.

- Я, должно быть, устала, - сказала она извиняющимся тоном. Герда кивнула и ответила:

- В этом нет ничего плохого.

Когда Лили отсутствовала, уходя на рыбный рынок Гаммел-Штранд, либо посещая гончарный кружок, Герда сравнивала ее с Гердой, пытающейся рисовать. Прошло всего шесть лет, но она больше не жила в квартире с призрачным запахом сельди. Некоторые вещи остались неизменными: звуки паромов, направлявшихся в Швецию и Борнхольм; дневной свет, прорезающий окна прямо перед тем, как солнце спускалось за город, вырисовывая иглы церковных шпилей. Она убеждала себя, что ни о чем не жалела. Стоя у мольберта, Герда подумала об Эйнаре и Лили.

Закрыв глаза, она услышала в голове звон колокольчика, но потом поняла, что это был настоящий звон! Кантонская прачка все еще звонила с улицы.

Король удовлетворил их развод со скоростью, которая встревожила Герду. Конечно, теперь, когда они обе были женщинами, а Эйнар лежал в гробу памяти, они больше не могли жить как муж и жена. Несмотря на это, нервно потирающие пальцы чиновники в черных галстуках-бабочках удивили Герду, отдав ей документы с нехарактерно быстрой готовностью. Она ожидала - даже рассчитывала - на бюрократическую задержку, почти вообразив, что просьба затеряется. Она не любила признавать это, но стала похожа на многих молодых женщин из Пасадены, которые считали развод признаком нравственной дряблости. Герда же считала это признаком отсутствия западного менталитета. Теперь она обнаружила, что необычно обеспокоена тем, что могут думать и говорить о ней люди, будто была настолько фривольной и слабоумной, что просто вышла замуж не за того человека. Нет, Герда не любила думать о себе таким образом. Она настаивала на свидетельстве о смерти Эйнара Вегенера, на которое никто из представителей власти не согласился, хотя все в бюро знали о характере ее дела. Один чиновник с длинным носом и белыми усами признавал, что эта формулировка была бы ближе всего к истине.

- Но боюсь, я не могу переписать закон, - сказал он из-за кучи бумаг, почти доходившей до его усов.

- Но мой муж мертв, - попробовала Герда. Её кулаки вжались в стойку, отделяющую ее от кабинета бюрократов, абаки* и неприятного запаха табачной и карандашной стружки:

- Его следует объявить мертвым!

Герда попыталась в последний раз, и ее голос смягчился.

В кабинете чиновников, наблюдавших за ними, висела одна из ее ранних картин: господин Оле Скрам в черном костюме, вице-министр, который не дольше месяца как отметил свою замечательную и хорошо засвидетельствованную смерть в запутавшемся воздушном шаре. Но просьбы Герды провалились, и по официальной версии Эйнар Вегенер пропал без вести.

- Она может вести свою собственную жизнь, - сказал однажды Ханс, - она должна выбраться и завести своих друзей, и я не мешаю ей это делать.

Герда столкнулась с Хансом под аркой у входа в Королевскую академию искусств. Стоял апрель, и дул восточный прибалтийский ветер, холодный и соленый. Герда подняла воротник, защищаясь от ветра.

- И ты не должна, - добавил он.

Герда ничего не ответила. По ее спине пробежал холодок. Она смотрела на площадь Конгенс Ниторв. Перед статуей короля Кристиана V парень в синем шарфе, свисающим до колен, целовал девушку. Ханс всегда заставлял ее вспоминать то, чего у нее не было. Сидя в своем кресле для чтения в ожидании возвращения Лили, пока ее сердце билось чаще при каждом ложном звуке на лестничной клетке, Герда убедила себя в том, что могла бы идти по жизни без него. Чего она боялась?

- Как насчет того, чтобы завтра доехать до Хельсингёра? - предложил Ханс.

- Я не думаю, что смогу уйти, - ответила она. Поднялся ветер, пробираясь через портик, где стены были выскоблены грузовиками, слишком широкими, чтобы проехать свободно.

Герда и Ханс вошли внутрь, в один из боковых залов с деревянными неокрашенными дощатыми полами и стенами, покрытыми мягкой мыльной краской. Бегущие вместе с лестницей перила были белыми.

- Когда ты поймешь, что она больше не твоя?

- Я никогда не говорила, что она моя. Я имела в виду свою работу. Мне нелегко взять даже выходной.

- Откуда ты знаешь?

Герда почувствовала внезапную потерю, словно жестокость перемен и времени украла ее дни. «Эйнар мертв», - услышала она себя. «Но Лили - нет». Ханс был прав. В конце-концов, теперь это Лили. Наверное, в эту минуту она подметала квартиру, и ее лицо мелькнуло в оконном проеме, озаряясь солнцем. Лили, с красивыми худыми запястьями и почти черными глазами. Только вчера она сказала:

«Я подумывала о том, чтобы устроиться на работу». «Разве ты не видишь, что мне грустно?» - ответила Герда. «Разве ты не видишь, что я хочу, чтобы ты мне это сказала?»

- Ханс, - произнесла Герда, - мне, наверное, пора идти.

В этот момент Герда поняла, что они стоят у подножия лестницы, где когда-то они с Эйнарсом впервые поцеловались и влюбились друг в друга. Сейчас ступеньки были набиты десятилетними учениками с неоконченными заданиями, которые задевали их руками. Холод зацепился за застекленные окна. В зале стало тихо, вокруг не осталось ни души. Куда вдруг пропали все ученики? Герда услышала, как кто-то щелкнул дверью, а затем все снова затихло. В этот момент что-то незаметное перешло от Ханса к ней, а потом через окна во двор, в длинную тень академии, где мальчик в синем шарфе целовал свою девушку снова, и снова, и снова.

**Абака - в архитектуре: верхняя плита капители или колонны.*

Глава 25

Лили сидела в плетённом кресле, не зная, подходящее ли сейчас время, чтобы рассказать Герде. Из окна она видела мачты лодок рыбаков на канале. Позади нее Герда рисовала портрет Лили со спины. Герда ничего не говорила. Она закончила картину и Лили услышала звон ее браслетов. В паху еще оставалась тлеющая боль, но Лили все больше и больше учила себя игнорировать ее. Внутренняя сторона ее губ была изрезана укусами, но профессор Болк пообещал, что однажды боль уйдет окончательно.

Лили подумала о девушках в клинике. За день до того, как профессор Болк выписал Лили, они устроили ей вечеринку в саду. Две девушки вынесли белый чугунный стол на газон, остальные принесли из палаты примулу в кастрюле, украшенной кроликами. Девушки попытались застелить стол желтой тканью, но ветер подбрасывал ее в воздух. Лили сидела во главе стола на холодном металлическом стуле, наблюдая, как ткань трепещет, пока девушки пытаются завязать углы. Солнечный свет заливал желтую ткань, наполняя глаза Лили.

Фрау Кребс подарила Лили коробку, перевязанную лентой.
- От профессора, - сказала она, - он хотел быть сегодня с тобой, но ему нужно было ехать в Берлин, в больницу Св. Норберта, чтобы присутствовать на операции. Он сказал, чтобы я попрощалась за него.

Лента была плотно обвязана вокруг коробки, и Лили не смогла ее открыть. Тогда фрау Кребс достала из фартука армейский нож и быстро перерезала ленту. Это разочаровало девушек, потому что они хотели вплести ленту в волосы Лили, которые за время ее пребывания в клинике отросли до плеч. Большая коробка оказалась заполнена тканями, а так же внутри обнаружилась овальная серебряная рамка. В овале рамки была фотография Лили, лежащей на горном хребте на берегу Эльбы. Должно быть, фотографию прислала Герда, потому что Лили никогда не спускалась к реке с профессором Болком. Вглядевшись во второй овал серебряной рамки, она увидела лицо маленького человека под шляпой. Его глаза были темными, а кожа такой белой, что почти светилась. Шея в воротнике казалась совсем тонкой.

Теперь, сидя на плетёном стуле, Лили увидела на книжной полке рамку с двойным портретом. Она слышала, как карандаш Герды царапает холст. Волосы Лили были разделены посередине пробором и падали по

обе стороны шеи. Янтарные бусинки висели у нее на шее, и она чувствовала холод золотой застежки. Ей привиделся образ коренастой женщины с молодыми ногами и мозолистыми пальцами, которая когда-то носила бусы. Лили, конечно, не знала эту женщину, но она видела ее в резиновых и парусиновых сапогах посреди сфагнового поля, и бусинки катились по щели между ее грудей.

Лили не беспокоило, что она помнила, а что - нет. Она знала, что большая часть ее жизни,- ее предыдущей жизни, - теперь похожа на книгу, которую она как будто прочитала в детстве: она была ей знакома, и забыта. Она могла вспомнить сфагновое поле, весеннее и грязное, с рядами нор красных лисиц. Она могла вспомнить ржавый, плоский клинок мотыги, плюхнувшийся в торф. И пустота! Нить из янтарного бисера качается вокруг шеи. Лили помнила силуэт высокого мальчика с большой головой, идущего вдоль хребта сфагноума. Лили не знала, кто это, но знала, что было время, когда она была маленьким испуганным ребенком, наблюдавшим за этим черным и плоским силуэтом на горизонте поля. В груди что-то раздувалось, когда силуэт приближался, протягивая руку к краю шляпы. Это Лили знала. Она могла вспомнить, что говорила себе тогда, - да, она была влюблена.

- Ты покраснела, - заметила Герда из-за мольберта.

- Я? - Лили почувствовала тепло на шее и пот, стекающий по ее лицу, - я не знаю, почему, - ответила она.

Но это была неправда. Несколькими неделями ранее она направлялась в Лендсменсбанкен, чтобы запереть там перламутровый бриллиант, который ей подарила Герда. Но прежде, чем отправиться в банк, Лили остановилась в подвальном магазине, чтобы купить две кисти для Герды. Клерк, - старик с розовыми и мягкими пальцами, подошел к полке со скипидаром. Он помогал клиенту, человеку с кудрявыми волосами, закрывающими его уши. Лили не могла видеть лицо клиента, и ей было досадно, что он попросил самую большую банку скипидара на самой высокой полке.

- Я собираюсь взять пару перчаток. Я сейчас вернусь, - сказал клиент клерку, который все еще балансировал на лестнице. Мужчина обернулся и прошел мимо Лили, сказав:

- Простите меня, можно я пройду? Когда мужчина проскользнул мимо, Лили прижалась к полке и затаила дыхание. Его волосы коснулись щеки, и она почувствовала слабый запах зерна.

- Простите меня, - сказал он снова.

Тогда Лили все поняла. Она опустила свой подбородок на грудь, не зная, как быть дальше. Она волновалась о том, как выглядит. Вероятно, ее лицо

было влажным от ветра. Она смотрела на детские наборы акварелей в навесных металлических коробках, лежащих на нижней полке. Она опустила на колени, чтобы взглянуть на цену красной краски и дюжины сухих цветов. Она прижала свои волосы к лицу.

Хенрик увидел ее. Его рука упала на ее плечо:

- Лили? Это ты?

Они вышли на улицу, и мешок с оловянной банкой скипидара раскачивался в руке Хенрика. Теперь он стал старше, кожа вокруг его глаз стала тоньше и чуть-чуть посинела. Его матовые волосы стали темнее и напоминали пятнистый дуб. У него пересохло в горле. Он уже не был просто хорош собой - он стал красавцем.

Они вошли в кафе за углом и сели за столик. Хенрик рассказал Лили о своих картинах с морем, которые лучше продавались в Нью-Йорке, чем в Дании; об автомобильной катастрофе на Лонг-Айленде, которая чуть не убила его - спицевое колесо его Золотого Жука Киссела* пролетело от подножки и угодило прямо ему в лоб; о неряшливой невесте из Саттон Плейс, бросившей его не ради кого-то другого, а просто потому, что разлюбила его.

- Я забыла, - внезапно сказала Лили, - я забыла купить Герде кисти! Хенрик проводил ее обратно до магазина, но они обнаружили его закрытым. Лили и Хенрик стояли на улице, а вывеска магазина качалась на железной ручке.

- У меня есть несколько лишних кистей в студии, - сказал Хенрик, - мы можем пойти за ними, если хочешь.

Глаза Хенрика были влажны, и Лили забыла, какими короткими были его торчащие ресницы. Она опять почувствовала запах зерна, похожего на пшеничную муку.

- Это меня немного беспокоит... - отозвалась Лили, когда лицо Хенрика наклонилось к ее лицу.

- Прекрати, - попросил Хенрик, - пожалуйста, не беспокойся из-за меня.

Вывеска магазина продолжала хлопать по ручке, и Хенрик с Лили отправились в мастерскую на другой стороне Индергавна. Позже, после того как Хенрик налил Лили красного вина, угостил ее клубникой и показал свои морские пейзажи, они поцеловались.

- Ты покраснела еще больше, - заметила Герда. Она зажгла лампу и полоскала кисти в банке.

- Тебе нужна таблетка? - спросила Герда, - ты хорошо себя чувствуешь?

Лили не знала, как рассказать Герде. Когда они вернулись в Копенгаген, Лили сказала:

- Ты действительно думаешь, что мы должны жить вместе? Две женщины в одной квартире?
- Ты беспокоишься о том, что могут сказать люди? - ответила Герда,
- это так?

И Лили, которая не совсем понимала, почему она это говорит, ответила:

- Нет. Я не о том. Просто... Думала о тебе.

Нет, Лили не могла сказать Герде о Хенрике. По крайней мере, пока. В конце концов, с чего ей начать? С поцелуя в тусклом свете его студии, или с того, как руки Хенрика обвивались вокруг плеч Лили, когда он провожал ее в вечерних сумерках, пока гувернантки катили коляски домой? Или как его рука, покрытая густыми черными волосами, держала Лили за шею, а затем легла на мягкую подушку ее груди?..

Письмо от Хенрика попало к Лили на следующий день через кантонскую прачку. Сложенный квадрат бумаги, измазанный чернилами, выражал любовь и сожаление. Да, с чего бы начать, Лили? С момента встречи в магазине предметов искусства прошло всего три недели, но Лили чувствовала себя так, словно в это время ее жизнь началась заново. Как она могла сказать об этом Герде?

- Мне хочется погулять, - сказала Лили, вставая.
- Я еще не закончила, - ответила Герда, - посиди еще несколько минут?
- Мне хочется выйти, пока не стемнело.
- Ты хочешь, чтобы я пошла с тобой?
- Со мной все будет хорошо.
- В полном одиночестве?

Лили кивнула, и в ней воцарилась неиссякаемая двойственность: она любила и ненавидела Герду за то, что она о ней заботилась. Это было так просто.

Она открыла шкаф-купе, достала пальто и шарф. Герда начала прибирать краски, кисти и мольберт. Эдвард IV залаял на лодыжки Лили. Последний косой солнечный луч пронзил квартиру. Зазвенел рог парома Борнхольм. Натягивая голубое войлочное пальто с бамбуковыми крючками, Лили думала о том, чтобы пойти в порт, взойти по трапу, сесть в каюту, обращенную к носу парома, и уплыть в сторону маленького острова в море.

Но она не отплыла. По крайней мере, пока.

- Я вернусь, - услышала она себя.
- Да, хорошо... хорошо. Ты уверена, что не нуждаешься в компании?
- Не сегодня.

- Хорошо, - Герда подняла Эдварда IV на руки и встала посреди квартиры в лучах света, когда Лили приготовилась покинуть ее. Лили почувствовала потребность сбежать. Хенрик написал ей, что будет работать допоздна в своей студии. "Ищи свет", - написал он в записке, контрабандой ввезенной в квартиру посреди сложенного белья.

- Ты надолго?
Лили покачала головой.
- Я еще не знаю.

Стоя в застегнутом пальто, она уже была готова идти. Она должна рассказать Герде о Хенрике, но не сегодня.

- Спокойной ночи, - сказала Лили, почувствовав что-то. Когда она открыла дверь, то столкнулась с Хансом, который уже поднял руку, чтобы постучать.

Ханс вошел. Лили осталась у двери. Ханс выглядел усталым, а его галстук развязался. Он попросил Лили присоединиться к нему за ужином, но Лили сказала:

- Я как раз собиралась уходить.

Герда пояснила Хансу, что в последнее время Лили очень занята. Она злилась из-за этого, и рассказала Хансу о новой работе Лили в универмаге Фоннесбех, где она стояла за парфюмерной стойкой.

- Они наняли меня, потому что я говорю по-французски, - объяснила Лили, все еще стоя в пальто. Менеджер в Фоннесбех, женщина в растянутой на груди черной блузе, попросила Лили поговорить с клиентами с акцентом. «Говорите, как француженка. Притворитесь, что вы кто-то другой. Магазин - это сцена!»

Каждый день Лили выстраивала бутылочки из хрусталя на серебряном подносе, заглядывала в глаза и тихо спрашивала проходящих мимо покупателей, не хотят ли они попробовать их запах, прикоснувшись к запястью.

- Я должна идти, - сказала Лили. Она двинулась, чтобы поцеловать Ханса на прощание. Он предложил присоединиться к ее прогулке, но Герда сказала, что Лили хотела побыть одна.

- Я ненадолго выйду, - сказал Ханс, - когда я вернусь, Герда, мы вместе поужинаем.

Ночь была сырой. На улице какая-то женщина стучалась в дверь доктора Меллера. Лили и Ханс скрылись за дверью Дома Вдовы.

- Куда ты идешь? - спросил он.
- В Кристиансхавн. Но тебе не обязательно идти со мной, - произнесла она, - это слишком далеко.
- Как поживает Герда в последнее время?
- Ты знаешь Герду. Всегда одно и то же.
- Это не правда. Она хорошо устроилась?

Лили замолчала и задумалась о том, что Ханс имеет в виду. Разве это не замечательная черта Герды? Что она всегда была одна и та же: всегда рисовала, всегда планировала, всегда откидывала волосы?

- Она в порядке. Я думаю, она злится на меня.
- Почему?
- Иногда я удивляюсь, почему она позволила мне пройти через все это, если думала, что после операций все останется по-прежнему.
- Она никогда не думала так, - сказал Ханс, - она всегда знала, к чему это приведет.

Женщину с перевязанной рукой наконец впустили к доктору Меллеру. До Лили донесся крик из окон матроса сверху.

Тогда Ханс спросил:

- Куда ты идешь, Лили? - он взял ее руки в свои и начал растирать их от холода.

Иногда Лили удивлялась, что она не просто плавится под мужским прикосновением. Она едва могла поверить, что ее плоть и кости могут выдержать проверку кончиками пальцев мужчины. Она чувствовала это еще сильнее с Хенриком, руки которого касались каждого ее позвонка. Его руки обнимали ее за плечи, и она думала, что рассыплется, как лист бумаги, но этого не происходило, и Хенрик продолжал прикасаться к ней и целовать.

- Мы знаем друг друга очень давно, - произнес Ханс.
- Кажется, я влюбилась, - начала Лили.

Она рассказала Хансу о Хенрике. О том, как они поцеловались в его студии вечером, и все, о чем могла мечтать Лили - это больше никогда не возвращаться в Дом Вдовы.

- Я знал, что это произойдет, - ответил Ханс, - почему ты не рассказала Герде?
- Она будет ревновать. Она попробует помешать этому.
- Почему ты так думаешь?
- Она уже пыталась однажды.
- Но ведь это было так давно.

Лили подумала об этом. Конечно, Ханс был прав. Несмотря на это, он не знал Герду так, как Лили. Он не чувствовал на себе ее косые взгляды каждый раз выходя из квартиры, или возвращаясь домой поздно вечером.

Как однажды Герда сказала Лили? «Очевидно, я не твоя мать, но все равно я хотела бы знать, где ты ходишь все эти дни».

- Разве она не имеет права знать? - спросил Ханс.

- Герда?

«Герда не всегда была такой», согласилась Лили. Не было ли на прошлой неделе случая, когда Герда встретила Лили у входа для сотрудников Фоннесбега, и сказала: «Извини, что изменила наши планы, но мы с Хансом обедаем вместе. Я уверена, ты не станешь возражать, если будешь предоставлена сегодня сама себе».

- На днях, проснувшись, я вспомнила, что мне приснился сон о том, как вы поженитесь.

- Могу я проводить тебя до моста? - спросил Ханс.

- Все будет хорошо, - убедила его Лили, - возвращайся назад и присмотри за Гердой.

Затем Лили пришло в голову, как близки стали Ханс и Герда в последнее время. Совместные ужины, тихие вечера в Доме Вдовы за игрой в покер в ожидали возвращения Лили, и то, как часто Герда начала вспоминать его, повторяя: «Позволь мне побыть с Хансом».

- Ты хочешь на ней жениться? - спросила Лили.

- Я не спрашивал ее.

- Но ты хочешь?

- Если она мне позволит.

Лили не ревновала. Почему она должна была ревновать? Она чувствовала облегчение, хотя в то же время испытывала тягу к помпезным воспоминаниям: Ханс и Эйнар играют за фермой; фартук, висящий рядом с дымовой трубой; Герда почти гонится за Эйнаром через залы Королевской Академии; Герда бежит по проходу церкви Св.Албана в день своей свадьбы, всегда спешит... Но жизнь Лили перевернулась, и она была за это благодарна.

- Она не выйдет за меня замуж, пока не убедится, что ты устроилась и хорошо живешь.

- Она так сказала?

- Ей не нужно было это произносить.

Раздался еще один крик матроса наверху, хлопнуло окно. Лили и Ханс улыбнулись. В уличном свете Ханс казался молодым, почти юношей. Лили видела, как его и ее дыхание смешиваются. Матрос продолжал орать, как и всегда.

- Я поступаю неправильно? - спросила Лили.

- Нет, - ответил Ханс, отпустив ее руки и целуя на прощание, - но и Герда тоже.

**"Золотой Жук" Кессела (Киссел Сильвер Спеил) - двухместный американский автомобиль класса спидстер, прозван так за ярко желтый цвет.*

Глава 26

Поразмыслив, Герда отказалась от своего последнего портрета с Лили. Затылок получился неправильным и слишком толстым, как пень. К тому же, Герда слишком увлеклась ее спиной, растянув плечи почти на весь холст. Это было некрасиво, и Герда сожгла портрет в печке, наблюдая, как горит краска на шее нарисованной Лили.

Это была не первая и не последняя неудавшаяся картина. Герда пыталась завершить первую группу портретов после возвращения в Копенгаген, но они не удавались. Лили получалась либо крупногабаритной, либо странно раскрашенной, либо пухленькой. Часто мешал мечтательный белый свет, который Герда любила рисовать на щеках Лили. Однажды, пока Лили находилась за парфюмерной стойкой Фоннесбега, Герда попробовала нанять модель из Королевской академии. Она выбрала самого маленького мальчика в классе - блондина с тяжелыми ресницами, заправившего свитер в брюки. Она поставила лакированный сундук перед окном и попросила мальчика встать на него, скрестив руки за спиной.

- Посмотри на свои ноги, - попросила Герда, усаживаясь за мольберт.

Холст был пуст, и внезапно ей показалось, что его ухабистое зерно невозможно заполнить. Она вывела карандашом линию силуэта, но через час портрет стал походить на карикатуру мальчика с огромными водянистыми глазами и талией, похожей на песочные часы. Герда передала мальчику десять крон и отправила его домой.

У Герды были и другие модели: красивая женщина, работавшая поваром в гостинице «Палас», и мужчина с усами. Когда его попросили раздеться до нижней рубашки, он продемонстрировал спину с черным ковром волос.

- Торговля затягивается, - сказал Ханс в тот вечер, когда он пришел в гости и вернулся в квартиру после беседы с Лили. Галерея на Кристалгаде закрылась, ее окна замазали белилами. Хозяин исчез. Некоторые утверждали, что он бежал в Польшу из-за огромных огромных долгов; другие говорили, что теперь он грузит ящики с карри на доках Азиатской компании. Разорившийся хозяин галереи был одним из многих. Хеннингсенский фарфоровый завод, заказавший еще двадцать печей для производства суповых чаш для Америки, рухнул. Шлифовальные машины господина Петцольда простаивали без дела. Ветер смешивался с ароматом сожженного масла, извергающегося маргариновой фабрикой Отто Монстеда. Аэродром, который когда-то гудел, как улей, стоял тихо и

спокойно, отправляя по несколько эмигрантов в день и принимая лишь один случайный грузовой самолет на своей чистой белой полосе.

- Никто ничего не покупает, - сказал Ханс, подперев подбородок рукой и разглядывая картины, разложенные Гердой по комнате.

- Я хотел бы подождать, пока все наладится, прежде чем мы их выставим. Сейчас не время. Возможно, в следующем году.

- В следующем году? - Герда отступила и посмотрела на свои работы.

В них не было ничего прекрасного. Не было яркого света, благодаря которому она прославилась. Она забыла, как его создавать, - ту самую подсветку, которая оживляла лицо Лили. Единственной картиной, которая, казалось, имела какие-то достоинства, был ее портрет профессора Болка: высокий, крупный и крепкий, в своем костюме из шерсти, со штофом из стекла. Другие картины не шли с ним ни в какое сравнение, Герда это видела. Она увидела, как Ханс наморщил лоб, пытаясь найти способ сказать ей об этом.

- Я подумывал о поездке в Америку, - сказал он, - чтобы посмотреть, есть ли там бизнес.

- В Нью Йорк?

- И в Калифорнию.

- В Калифорнию? - Герда прислонилась к стене посреди своих картин и представила себе, как Ханс снимает свою фетровую шляпу под солнцем Пасадены.

Карлайл ехал в Копенгаген через Гамбург. Он писал, что зима в Пасадене выдалась сухой, а маковые поля сгорели к марту. Это был его ответ на одно из писем Герды, в котором она сообщила: *“Эйнар мертв”*. Карлайл написал в ответ: *“Пасадена сухая, и почему бы тебе и Лили не приехать? Как Лили? Она счастлива?”*

Герда убрала его письмо в карман халата.

Иногда Герда проскальзывала в зал Фоннесбега и смотрела на Лили через стойки, на которых лежали перчатки и шелковые шарфы, сложенные треугольниками. Лили стояла за стеклянным прилавком, янтарная бусина блестела у воротника ее мундира, а волосы спадали ей на глаза. Отпустив покупателя, Лили поднимет палец, и перед ней остановится леди, чтобы поднести бутылочку духов к носу. Герда наблюдала за ними из-за стойки с зонтиками за полцены. Она подглядывала за Лили несколько раз, но вернувшись домой после последнего раза, она обнаружила телеграмму от Карлайла:

«Я прибываю в субботу».

И вот теперь Ханс говорит, что он подумывает о поездке в Калифорнию.

- Я думал, что ты захочешь поехать со мной, - сказал он.

- В Калифорнию?

- Ну, конечно, - ответил он, - и не говори мне, что ты не можешь.

- Я не могу.

- Почему нет?

Герда не ответила, зная, что ее слова прозвучат абсурдно. Но кто будет заботиться о Лили? Она подумала о Карлайле, который со своей больной ногой сейчас сядил на корабль в Эстонии.

- Герда, мне может понадобиться твоя помощь, - сказал Ханс.

- Моя помощь?

- В Америке.

Она сделала шаг назад от Ханса. Он казался намного выше нее. Неужели она никогда не замечала, как он высок?

Было уже поздно, а они еще не поужинали. Эдвард IV расплескивал воду в своей миске. Ханс был другом детства ее мужа, но он больше не казался таким, словно те воспоминания о нем исчезли вместе с Эйнармом.

- Подумай об этом, - сказал Ханс.

- Я могу дать тебе список имен и написать рекомендательные письма, если это то, что тебе нужно. Это не проблема, - ответила она.

- Смотря что.

- А как же Лили? - произнесла Герда.

- С ней все будет в порядке, - ответил Ханс.

- Я не могу оставить ее, - не уступала Герда.

Его рука легла на ее бедро. Ставни тряслись на ветру весенней ночи, и Герда подумала о доме на холме в Пасадене, где летом Санта-Анас стучал в окна эвкалиптовыми ветвями.

- Тебе придется, - сказал Ханс и обнял ее.

Герда чувствовала, как его сердце бьется под рубашкой, и ощущала свое сердцебиение в горле.

Приехав в Копенгаген, Карлайл не остановился в запасной спальне. Вместо этого он снял номер в отеле Палас, с видом на Ратушную Площадь и фонтан с тремя драконами. Он сказал, что ему нравится грохот трамвая на площади, и звонок человека, торгующего пряным печеньем в своей

тележке. Карлайлу нравилось смотреть на длинную кирпичную стену Тиволи, которая вновь открывалась в течение сезона, и колесо обозрения кружилось в небе. Он сказал, что ему нравится посещать Лили за прилавком Фоннесбега, где она заработала маленькую булавку на лацкан, став лучшей продавщицей. Он сказал, что ему нравится видеть ее занятой и беседующей с другими продавщицами когда все они выходили через служебный вход в своих синих костюмах. Карлайл сказал Герде о том, что Лили должна жить сама по себе.

- Почему ты так говоришь? - спросила Герда.

- Она взрослая женщина.

- Я не уверена в этом, - ответила она, - в любом случае, это зависит от нее.

- Что ты имеешь в виду? - спросил Карлайл.

- Я хочу сказать... - начала Герда, которая словно видела себя в зеркале, глядя на своего брата-близнеца.

На прошлой неделе Герда стояла в дверях здания напротив служебного входа Фоннесбех. Был ранний вечер, и она так быстро выскочила из Дома Вдовы, что забыла переодеться. Она держала руки в карманах, перебирая фотографии Тедди и Эйнара, письма от них и их обручальные кольца. Она замерла в подъезде жилого дома с ковриком из конского волоса.

Герда ждала всего несколько минут, когда металлическая дверь распахнулась, заполнив узкую улицу светом и болтовней девушек. Их туфли застучали по тротуару. Герда выждала, пока Лили присоединится к трем-четырем девушкам, направляющимся в турецкую кофейню, в которой молодые люди лежали на полу на подушках, вышитых шелковой нитью и маленькими камнями.

- Увидимся завтра! - попрощались две девушки.

- Спокойной ночи! - пожелала другая.

- Повеселитесь! - с волнением бросила через плечо четвертая. Щеки девушек были пышными, с детским жирком, и их конские хвосты качались, когда они зашагали по маленькой улице, а затем повернули на Стрэшет. Лили все еще разговаривала с другими спутницами. Одна из них несла корзину бакалейных товаров, у другой вокруг руки была странная скоба. Герда не могла расслышать, о чем они говорили, но потом девушки разошлись, сказав друг другу: "До встречи". Наконец, Лили осталась одна на улице. Она взглянула на часы и посмотрела на низкое влажное небо. Мимо нее проехала женщина на велосипеде, трясясь по скользким булыжникам. Затем Лили повязала на голову шарф и направилась по улице. Герда следила, как она скользит по ней. Очень скоро Лили стала

только силуэтом в синем пальто, поддерживаемым двумя тонкими лодыжками и ботинками, которые стучали по дороге во время дождя.

Герда последовала за ней. Лили явно не торопилась, обходя других прохожих. Однажды она остановилась, чтобы посмотреть в витрину магазина, где продавались швабры и другие чистящие средства. На витрине изображалась пирамида из черно-белых банок «Зебралина» и женщина, чистившая плиту. Лили обернулась и снова посмотрела на часы, а затем ее лодыжки, которые издали казались не полнее, чем у ребенка, стали быстро удаляться от Герды. Вниз по Шарегаде мимо здания фабрики и перегоревшего уличного фонаря, в направлении Гаммел Странд*. Вскоре Лили уже шла мимо канала Слотсхольмен с изогнутыми перилами. Свет от Бёрсена* на другой стороне канала упал на воду, а его сверкающая медь светилась в ночи. Лили продолжала идти, глядя на рыбацкие лодки со скрипящими черными мачтами, закрепленные на другой стороне канала.

Лили остановилась и открыла сумочку. Было слишком темно, чтобы Герда смогла разглядеть глаза Лили, когда та посмотрелась в зеркальце, затем достала свой носовой платок, кошелек, и маленькую эмалевую коробку, в которой хранились таблетки. Лили открыла ее и положила одну таблетку на язык. Герда надеялась, что сможет разглядеть Лили, жевавшую меловую таблетку.

Герда хотела окликнуть Лили, но передумала. Она смотрела, как Лили уходит дальше к Книпелсбро. Стоял апрель, и ветер дул с Балтики. Когда Лили дошла до второго моста, хвост ее шарфа развевался на ветру. Она остановилась, чтобы завязать узел на шее. Индерхавн был беспокойным. Герда слышала, как ледяная вода бьет по впадине моста, а шведский паром отправляется в последний вечерний рейс.

Герда не знала точно, где Лили назначила свидание, но могла догадаться. Вероятно, в Кристиансхавн*. На ум пришли строчки из старой песни: «...Когда-то на болоте жил старик, его маленький сын и ленивая маленькая собака...». Герда сжимала холодный металлический поручень ограды Слотхольмского канала. Он кипел от ржавчины, от него пахло солью, а Герда обняла его обеими руками, наблюдая, как Лили скользит по мосту через Индерхавн, а хвост ее шарфа развевается, словно детская рука, которая машет ей на прощание.

*Гаммел Странд - «Старый Берег», площадь и улица на берегу канала, ранее использовалась, как порт для небольших судов.

*Бёрсен - Здание копенгагенской биржи.

**Кристиансхавн - искусственный насыпной остров, построенный по приказу короля Кристиана IV.*

Глава 27

К концу весны блестящие зеленые почки на деревьях в Орстедспаркен распустились, а розовые кусты вокруг Русенборг покраснели, выпустив ранние лепестки. Зимний навес неба стал выше, и к середине лета вечер начал удлиняться.

Набравшись сил, Лили, как ребенок принимает поцелуй матери, приняла предложение Хенрика о женитьбе. Он предложил ей провести ночь перед отплытием в Нью-Йорк на “Альберте Херринге”. Он сложил свои краски и кисти в чемоданы с кожаными ручками.

- В Нью-Йорк! - приговаривал Хенрик, - в Нью-Йорк!

Лили, успевшая рассказать другим продавщицам из Фоннесбех о предстоящем отъезде Хенрика, подняла голову и спросила:

- Без меня?

Они с Хенриком находились в его студии на Кристиансхавн, куда доносился запах канала, проникающий в окно. Студия опустела, и в ней не осталось ничего кроме сундуков и чемоданов с красными буквами: «ХЕНРИК САНДАЛ, НЬЮ-ЙОРК». После того, как из мастерской убрали мебель, в углах стала видна пыль и перья, а ветерок из окна затянул маленькие клубы дыма. Хенрик с тонкой шапочкой кудрей ответил:

- Конечно, нет. Я уже спрашивал тебя раньше, и я спрошу тебя снова: выходи за меня?

Лили всегда хотела этого. Она знала, что однажды выйдет замуж. Иногда, когда она думала об этом, то чувствовала, что не сможет играть большую роль в этом мире, чем роль жены, - жены Хенрика. Глупая мысль, но Лили знала, что никогда не сможет уподобиться Герде, которая никогда так не считала. Но так чувствовала Лили. Она ходила по отделам на втором этаже Фоннесбеха, где на вешалках висела мужская одежда, и перебирала французские рубашки, пока не находила подходящую для Хенрика. Она представляла себе сетчатый мешок для покупок, наполненный продуктами: куском лосося, клубнями картофеля и букетом петрушки, которые станут их обедом. Она воображала себе темноту, спускающуюся на их кровать, и то, как продавится матрас, когда Хенрик сядет на него.

- Я хочу, чтобы ты знал обо мне одну вещь, - сказала Лили. Она вспомнила бал художников в здании мэрии несколько лет назад, - до того, как мы поженимся.

- Расскажи мне.

- Когда я родилась, мое имя было не Лили Эльбе.

- Я это уже знаю, - ответил Хенрик, - я уже говорил тебе, что знаю. Я знаю, кто ты.

- Нет, - произнесла Лили, - ты не знаешь, кто я такая.

Она рассказала Хенрику о профессоре Болке, о женской клинике на берегу Эльбы, и о фрау Кребс, которая кормила ее. Она никогда никому об этом не рассказывала. Маленький круг общения Лили - Герда, Ханс, Карлайл, Анна - уже знал о ней, но она никогда не передавала детали своей почти невозможной трансформации никому другому. Она никогда не позволяла другим войти в тот интимный круг, который иногда становился слишком тесным, чтобы приветствовать другую душу.

- Я догадывался о чем-то подобном, - сказал Хенрик. Лили не видела ужаса на его лице. Это было не то, чего она иногда боялась: узнав правду о ней, мир с отвращением отвернется от нее.

- Я не удивлен, - добавил Хенрик. Тогда Лили спросила его, что он думает о ней.

- Ты считаешь меня каким-то уродом? - спросила она.

Для Лили понятие о себе могло измениться в любой момент. Иногда она смотрела в зеркало и выдыхала, чувствуя успокоение и благодарность. Иногда же, просовывая голову в воротник платья, она видела в зеркале мужчину-женщину. Герда и Ханс убеждали ее не думать так о себе, но когда она оставалась одна, неуверенность в себе проползала обратно в ее душу. Но Хенрик ответил ей, что не знает, что сказать, кроме того, что влюблен в нее.

- Я люблю необыкновенную женщину, - произнес он.

Лили думала, что не сможет подарить любовь мужчине, узнавшему правду о ней. Однажды она пообещала себе, что оттолкнет любого, кто признает ее кем-то меньшим, чем женщиной. Именно поэтому она убежала от Хенрика в тот вечер в парке. Теперь она взяла его за руку:

- Ты правда сможешь любить меня такой? - спросила она.

- О, Лили, - произнес Хенрик, дотрагиваясь до ее плеча, - когда же ты наконец поймешь?

- Но именно поэтому я не могу сразу отправиться в Нью-Йорк с тобой, - произнесла она, - сначала мне нужно вернуться в Дрезден. В последний раз.

Она рассказала Хенрику, что профессор Болк хочет, чтобы она вернулась. Профессор Болк хотел провести последнюю операцию. Лили не хотела объяснять детали Хенрику. "Он бы волновался", - решила она. Он мог бы попытаться отговорить ее от этого. Он мог бы подумать, что это невозможно.

В прошлом году, еще до того, как Лили покинула Дрезден, профессор Болк пообещал ей, что сможет сделать для нее кое-что, что окончательно сделает ее женщиной. Герда говорила, что о таком было бы «безумно даже мечтать». Это было настолько великолепно, что напоминало белоснежный сон, но профессор Болк заверил Лили своим басовитым голосом, что этот сон более чем реален. Перед тем, как Лили покинула клинику, Болк сообщил ей, что пересадка яичников прошла успешно, и он хотел бы провести трансплантацию матки, чтобы подарить ей возможность иметь детей.

- Вы хотите сказать, что я могла бы стать матерью? - спросила Лили.

- Разве я не сдержал все свои обещания? И это я тоже сдержу, - ответил Болк.

Но Герда отговаривала Лили.

- Почему ты хочешь это сделать? - спрашивала Герда, похлопывая ее по рукам, - это совершенно невозможно. Как он сможет такое сделать?

С тех пор Лили часто писала профессору Болку в течение года, рассказывая ему о своем выздоровлении, о вечерах в парфюмерном магазине, о трудностях в живописи у Герды и о Хенрике. Профессор Болк отвечал на письма Лили менее часто, присылая на тонком листе бумаги ответ, напечатанный фрау Кребс.

“Это замечательные новости”, - писал профессор, - “Если вы когда-нибудь решитесь продолжить и сделать последнюю операцию, о которой мы говорили, пожалуйста, немедленно сообщите мне об этом. Теперь я уверен в успехе даже больше, чем раньше”.

Теперь Лили уедет. Она еще не сообщила свое решение Герде, но уже знала, что ей нужно вернуться в Дрезден, чтобы закончить начатое Болком. Чтобы доказать миру - нет, не миру, а самой себе, - что она действительно родилась женщиной, и что вся ее прошлая жизнь в теле маленького человека по имени Эйнар, - не больше, чем грубая ошибка природы, исправленная раз и навсегда.

- Тогда встретимся в Нью-Йорке в конце лета, - сказал Хенрик, сидя на своем сундуке, который на следующий день погрузят на корабль, направлявшийся в Нью-Йорк через Гамбург.

- Наконец-то все наладится, и мы поженимся в Америке.

Несколько недель спустя, ранним летним утром, Лили позировала

для Герды. На ней было белое платье с v-образным вырезом и завязкой на петлях, а ее волосы были заколоты сзади. Герда дала Лили небольшой букет белых роз, чтобы она держала его на коленях. Она попросила Лили скрестить лодыжки и поднять подбородок.

Накопилось много всего, о чем нужно рассказать Герде: предложение Хенрика и решимость Лили вернуться в Дрезден. Как она позволила возникнуть такой большой недосказанности между ними? Маленький секрет Лили превратился во второй мир, о котором Герда ничего не знала. Лили чувствовала вину, тонущую в ее недрах: их долгая закрытая жизнь привела к этому.

Герда работала над портретом почти неделю, и все шло хорошо. Свет на лице Лили получался живым и правильным. Ее глубоко посаженные глаза, тонкий след голубизны на висках и красный румянец, естественно горящий на шее. Стоя у мольберта, Герда говорила Лили о том, как она выглядит, и продолжала рисовать картину. Герда повторяла: “Картина будет красивой. Наконец-то я поняла тебя. Это было так давно, Лили... Я уже начала забывать”.

За последний год Лили не раз наблюдала, как Герда рисует поспешные и плохо спланированные картины. На одном из портретов Лили выглядела гротескной, с черными маслянистыми зрачками, вьющимися волосами, блестящими и распухшими губами, а вены на ее висках вышли ярко-зелеными. Другие портреты были не похожи на нее, или казались слишком мягкими по цвету и концепции. Не все картины Герды получались неудачными, но многие из них, и Лили знала, что Герда борется сама с собой. Это было совсем не так, как в Париже, когда все, что рисовала Герда, имело мерцающий оттенок, и глядя на портреты Лили, незнакомые люди потирали подбородки и спрашивали: “Кто эта девушка?”. Но еще более удивительной была для Герды потеря желания работать. Она пропускала день за днем, когда почти не рисовала. Целые дни, которые оставляли Лили в недоумении, пока она была занята в Фоннесбех. Чем занималась Герда, чтобы скоротать время?

- Я все еще привыкаю к возвращению в Копенгаген, - иногда говорила она, - мне казалось, что мы оставили его навсегда.

Иногда она говорила, что просто не в настроении рисовать. Это было так непохоже на Герду, что Лили интересовалась:

- Все в порядке?

Но этим летним утром новый портрет Лили выглядел красивым. Герда свободно болтала, как делала это каждое утро в течение последней недели. Она говорила:

- Я не думаю, что когда-либо рассказывала тебе о том времени, когда я впервые попросила маму позировать мне. Я тогда вернулась в Пасадену во время войны. В то время мама была властной, управляя хозяйством и садом, и могла серьезно вспылить из-за необрезанной изгороди. Да хранит Бог садовника, который оставил листья на лужайке! Однажды я спросила, могу ли я ее нарисовать. Она подумала об этом, а затем заставила меня передать время встречи через нашего дворецкого, мистера Ито. Я назначила ей пять встреч в зале для завтраков, где был хороший утренний свет. Тогда мы с Тедди Кроссом только начали встречаться. Мама знала об этом, но не хотела даже слышать. Мне было восемнадцать лет, и я была готова вот-вот разразиться любовью. Все, о чем я могла думать, не говоря уж о разговорах, был Тедди. О том, как он разговаривал своим приятным, медленным голосом. Как изгибались его плечи. Как его волосы касались моей руки. Но моя мать не хотела слышать ни единого слова о Тедди. Она поднимала руку, как только я начинала говорить. И так в течение пяти дней я рисовала ее, пока она сидела в кресле во главе стола за завтраком, спиной к окну, с бугенвиллей, расположенной неподалеку. Это было во время осенней жары, и я наблюдала, как пот пузырится над ее верхней губой. Все, что мне оставалось делать, это прикусить язык и не говорить о своих чувствах.

- Как она получилась? - спросила Лили.

- Картина? О, мама ненавидела ее. Она сказала, что таково ее мнение. Но это было не так. Просто она всегда была матерью, не желавшей, чтобы ее дочь вступала во что-то большое, но знавшей, что не сможет этому помешать. Она знала, что ничто не удержит меня от Тедди. Она знала это, и сжимала губы, сидя неподвижно, как труп, пять дней подряд.

- Где она сейчас?

- Картина? В Пасадене. В верхнем зале.

Лили решила, что пришло время рассказать. Она больше не могла ничего скрывать от Герды. В жизни Эйнара был ужасный период времени с тех пор, как Ханс покинул Блютус, и до того дня, когда он познакомился с Гердой в Академии. В этот период он жил без раскрытия своих секретов. Лили могла вспомнить это чувство, — чувство прикусывания своих мыслей и чувств и их хранение ни для кого. Но затем Герда изменила жизнь Эйнара. Лили тоже помнила это чувство, с благодарностью осознавая, что ее одиночество закончилось. Как она могла оставаться нечестной с Гердой еще хоть одну минуту?

- Я хотела кое-что сказать тебе, - пробормотала Лили. Взгляд Герды сосредоточился на холсте. Лили сжала черепашковый гребень, сдерживающий ее волосы. Рука Герды двигалась быстро, то вода по холсту, то смешивая краски и возвращаясь к почти готовому портрету.

Но с чего начать? Какие новости Лили должна сообщить в первую очередь?

Несколько недель назад, перед тем как подняться на борт “Альберта Херринга”, Хенрик опустил руку в карман пальто за бриллиантовым кольцом. Они разделили странное, сладкое смущение, когда кольцо не проскользнуло через костяшку на пальце Лили. Хенрик прислал телеграмму из Нью-Йорка, описывающую квартиру на Тридцать седьмой улице в доме с фасадом из известняка, где они будут жить. И самое последнее: письмо профессора Болка, интересовавшегося, когда ему следует ожидать приезда Лили. Он очень хотел увидеть ее снова.

Да, с чего начать?

- Это очень тяжело для меня, - проговорила Лили. Она представила, что на лице Герды вспыхнет шок и гнев, и она сожмет кулаки. Лили хотела, чтобы отыскался другой путь. Еще один путь для нее и Герды.

- Я не знаю, с чего начать, - сказала Лили. Герда отложила кисть.

- Ты влюбилась?

В квартире снизу раздался хлопок двери. Несколько тяжелых шагов. Окно распахнулось.

Лили откинулась на спинку стула. Она не могла поверить, что Герда догадалась. Ей не верилось, что Герда знала, потому что Лили была уверена, что, если Герда узнает, то попытается помешать этому. И тогда Лили поняла, насколько она ошибалась в отношении Герды.

- Да, - ответила Лили.

- Ты уверена? - спросила Герда.

- Да, очень.

- Он любит тебя?

- Я не могу поверить в это, но это правда.

- Что ж, тогда разве это должно быть тяжело?

Солнечный свет упал на Герду, и Лили вспомнила, что она каждый вечер расчесывала ее волосы, стоя грудью напротив ее спины. Она подумала о кровати, которую они делили, и о том, как их мизинцы скрещивались друг с другом по ночам. И как утренний свет падал на отдохнувшее лицо Герды, и Лили целовала ее в щеку, думая: “О, если бы я могла быть такой же красивой, как ты!”

- Ты счастлива за меня?

Герда ответила, что она счастлива. Затем спросила, кто ее избранник, и Лили задержала дыхание, а затем произнесла его имя.

- Хенрик... - повторила Герда.

Лили изучала лицо Герды. Она задавалась вопросом, помнит ли Герда Хенрика? Или тот факт, что она помнит его, ухудшит ситуацию? Но лицо Герды не дрогнуло. На нем не было ничего кроме почти незаметной улыбки на губах.

- Он всегда любил тебя, не так ли?

Лили кивнула. Ей было почти стыдно. Она подумала о шраме на лбу Хенрика после автомобильной катастрофы. Вскочив, она облегчением подумала, что очень скоро начнет жизнь, в которой она сможет целовать этот шрам каждую ночь.

- Мы поженимся в конце лета.

- Поженитесь... - тихо повторила Герда.

- Это то, чего я всегда хотела.

Герда закрывала бутылки с краской.

- Это хорошие новости, - сказала она. Герда не смотрела на Лили, вытирая горлышки каждой бутылки о подол халата, а затем вталкивая в них пробки. Она прошла через комнату и опустилась на колени, чтобы скатать в рулон пустой холст.

- Бывают времена, когда я смотрю на тебя и думаю: "Не так давно мы были женаты. Ты и я. Мы были женаты, мы жили в этой маленькой темной квартире, где существовал только брак между двумя людьми".

- Это были ты и Эйнар.

- Я знаю, что это был Эйнар. Но на самом деле, это были ты и я.

Лили поняла. Она могла вспомнить, каково было влюбиться в Герду. Она могла вспомнить, как Эйнар гадал о том, когда же Герда снова появится у двери. Она помнила легкий вес фотографии Герды в нагрудном кармане рубашки Эйнара.

- Я делаю все возможное, чтобы привыкнуть ко всему, - сказала Герда. Она говорила так тихо, что Лили едва могла слышать ее. С улицы раздался гудок автомобиля, а затем визг тормозов и тишина. Авария, должно быть, была предотвращена. Два хромированных бампера на улице за Домом Вдовы сияли друг перед другом под копенгагенским солнцем, которое держалось в небе до поздней ночи.

- Где ты выйдешь замуж? - спросила Герда.

- В Нью-Йорке.

- Нью-Йорке? - Герда стояла у раковины, стирая краску с ногтей маленькой проволочной щеткой:

- Понятно.

Внизу матрос позвал жену. "Я дома!" - заорал он.

- Но сначала я хочу кое-что сделать, - продолжала Лили.

Утро разгоралось, и в квартире поднимался жар. Волосы Лили становились тяжелыми, V-образный вырез белого платья прилипал к груди. Газеты предсказали рекордную жару, и что-то в Лили одновременно приветствовало и ненавидело ее.

- Я хочу вернуться в Дрезден, - сообщила Лили.

- Зачем?

- Ради последней операции.

Теперь она видела, как ноздри Герды быстро раздулись, веки опустились, и кипящий гнев залил щеки.

- Ты знаешь, я не думаю, что это хорошая идея.

- Но я это сделаю.

- Но, Лили... Профессор Болк, он... Да, он хороший доктор, но даже он не сможет этого сделать. Никто не может этого сделать. Я думала, мы уладили это в прошлом году.

- Я уже все решила, - сказала Лили, - Герда, ты не можешь понять? Я хочу иметь детей от моего мужа.

Солнце теперь отражалось от купола Королевского театра. Лили Эльбе и Герда Вэуд, как она снова начала называть себя, находились одни в квартире. Их собака, Эдвард IV, спал у подножия шкафа, его тело страдало от артрита. Недавно Лили предположила, что, может быть, пришло время усыпить старого Эдварда, но Герда почти заплакала в знак протеста.

- Профессор Болк знает, что делает, - произнесла Лили.

- Я ему не верю.

- Но я это сделаю.

- Никто не может обеспечить беременность подобным методом. Это то, что он обещает сделать, но это никогда не удастся. Ни тебе, ни кому-то другому. Что-то подобное не должно происходить!

Протест Герды расстроил Лили, и глаза ее стали влажными.

- Никто не верил, что мужчину можно превратить в женщину. Разве это не так? Кто бы мог поверить в это? Никто, кроме тебя и меня. Мы этому поверили, а теперь посмотри на меня! Это произошло потому, что мы знали, что это возможно!

Лили плакала. Больше всего на свете она ненавидела Герду за эту противоположную сторону.

- Ты подумаешь, Лили? Немного.

- Я уже подумала.

- Нет, подумай еще! Подумай!

Лили ничего не ответила. Она стояла лицом к окну.

- Меня это пугает, - сказала Герда, - я боюсь за тебя.

Солнечный свет полз по половицам. На улице раздался еще один сигнал, а моряк внизу что-то крикнул своей жене. Лили почувствовала, как в ней что-то переменялось. Герда больше не могла указывать ей, что делать.

Картина была завершена, и Герда повернула ее, чтобы показать Лили. Подол платья был плотно прижат к ногам Лили, а букет роз напоминал что-то таинственное, расцветающее у нее на коленях. "Это как если бы я была вдвое красивее", - подумала Лили. А потом она подумала, что должна отправить картину Хенрику в качестве свадебного подарка.

- Профессор Болк ждет меня на следующей неделе, - сказала она.

Боль возвращалась, и Лили посмотрела на часы. Прошло восемь часов с тех пор, как она проглотила свою последнюю таблетку? Она заглянула в свой кошелек в поисках эмалированной коробочки.

- Он и фрау Кребс уже знают, что я приеду. У них готова палата для меня, - говорила она, заглядывая в ящики на кухне в поисках маленького футляра. Боль испугала ее тем, как быстро она может вернуться: разрастись всего за несколько минут до сильного приступа. Это было похоже на возвращение злого духа.

- Ты видела мою коробочку с лекарствами? - спросила Лили, - я думала, она была в моем кошельке. Или, может быть, на подоконнике? Ты видела ее, Герда?

От жара и боли у Лили перехватило дыхание:

- Ты знаешь, где лекарства?!

Она ласково прикоснулась к запястью Герды:

- Я хочу, чтобы ты поехала со мной в Дрезден. Чтобы помочь мне выздороветь. Профессор сказал, что ты должна приехать. Он сказал, что после операции со мной рядом должен кто-то быть. Ты не против, Герда, не так ли? Ты поедешь со мной, не так ли, Герда? В последний раз?

- Ты сама понимаешь, - ответила Герда, - что это все значит?

- Что ты имеешь в виду?!

Цветок боли раскрылся так быстро, что Лили уже не видела перед собой ничего. Она села и наклонилась. Как только она найдет таблетки, облегчение придет меньше чем через пять минут, но сейчас ей казалось, что ее живот режут ножом. Она подумала о своих яичниках - живых, как и обещал профессор Болк. Будто она чувствовала их внутри себя, опухшие и пульсирующие, все еще заживающие почти год после операции. Где она оставила коробку с таблетками, и что Герда имела в виду?

Лили посмотрела в другую комнату, - туда, где Герда расстегнула свой халат и повесила его на крючок рядом с решетчатой дверью в кухню.

- Прости, - сказала Герда, - я не могу.

- Ты не можешь найти мои таблетки? - спросила Лили, моргнув со слезами, - посмотри в гардеробе. Может быть, я положила их туда?

В один момент Лили почувствовала, что может умереть. Жара, пропущенный прием таблеток, горячая тоска внутри и Герда, сказавшая «Я не могу».

Рука Герды погрузилась глубоко в нижний ящик гардероба из мореного ясеня. Она вытащила маленькую эмалевую коробку и принесла ее Лили. Ее собственный голос дрожал от слез:

- Прости, но я не могу поехать с тобой. Я не хочу, чтобы ты уходила, и я не собираюсь тебя терять, - ее плечи дрожали, - тебе придется ехать в Дрезден одной.

- Если Герда не поедет с тобой, - сказал Карлайл, - тогда это сделаю я.

Он приехал в Копенгаген на лето, и по вечерам, после своей смены в Фоннесбех, Лили иногда приходила к нему в «Палас Отель». Они сидели у открытого окна и наблюдали, как тени ползут по кирпичам Радхуспладсена, а молодые мужчины и женщины в легкой летней одежде встречаются по пути к джаз-клубам в Норрьельде.

- Герда всегда делала то, что хотела, - говорил Карлайл.

- Не всегда. Она изменилась, - поправила его Лили.

Они начали готовиться к отъезду. Герда и Карлайл забронировали места на пароме в Данциг. В свой перерыв Лили купила два новых халата в женском отделе Фоннесбега. Когда Лили сказала своей начальнице, что собирается уехать через неделю, та сложила руки на груди.

- Вы вернетесь? - спросила женщина. Ее черная блузка делала ее похожей на каменный уголь.

- Нет, - ответила Лили, - из Дрездена я поеду в Нью-Йорк.

Предстоящий переезд в Нью-Йорк добавил сложностей с поездкой в Дрезден. Профессор Болк сказал Лили, что придется подождать месяц. «Мы проведем операцию сразу же», - телеграфировал он, «но ваше выздоровление займет время».

Лили показала телеграммы Карлайлу, который прочитал их так же, как его сестра — отведя бумагу от лица и наклонив голову. Но Карлайл не стал спорить. Он прочитал переписку и спросил:

- Что именно собирается сделать Болк?

- Он знает, что я хочу стать матерью, - сказала Лили.

Карлайл кивнул, немного нахмурившись.

- Но как?

Лили посмотрела на него и вдруг испугалась, что он может попытаться вмешаться. «Точно так же он заставил меня выйти из Эйнара», - подумала она.

Взгляд Карлайла пробежал вверх и вниз по фигуре Лили. Она чувствовала его взгляд на скрещенных лодыжках, на коленях, на маленьких грудях и на шее, которая выглядывала кольца янтарных бусин.

Карлайл встал:

- Это очень волнующе для тебя. Я думаю, это то, чего ты всегда хотела.

- Немного.

- Да, - сказал Карлайл, - какая девушка не хочет этого?

Это было правдой, и Лили с облегчением поняла, что Карлайл согласился путешествовать вместе с ней. Несколько дней она умоляла Герду передумать. Герда обнимала её, лицо Лили лежало на ее плече, и она говорила:

- Я считаю, что это ошибка. Я не собираюсь помогать тебе совершать ошибку.

Лили собрала чемодан и взяла билеты на паром с легким чувством страха, оборачивая летний платок вокруг плеч, словно борясь с холодом. Она приказала себе думать об этом как о приключении: паром в Данциг, ночной поезд в Дрезден, месячное пребывание в Муниципальной женской клинике, а оттуда она отправится в Нью-Йорк. Она пообещала Хенрику, что приедет к первому сентября. Она размышляла о себе как о путешественнице, отправляясь в мир, который только могла себе вообразить. Закрывая глаза, она представляла себе гостиную в их с Хенриком нью-йоркской квартире; полицейский свисток, доносящийся с улицы, и младенец, подпрыгивающий у нее на коленях. Она представила себе маленький столик, накрытый салфеткой, и серебряную овальную рамку с двумя фотографиями, на одной из которых Хенрик и Лили в день свадьбы, а на другой - их первый ребенок в длинном крестильном платье.

Лили нужно было разобраться в своих вещах, чтобы убедиться, что

они готовы к отправлению. Среди ее одежды было платье с капюшоном с того самого лета в Ментоне; платья с вышивкой бисером после жизни в Париже до того, как она легла в клинику, и шуба с капюшоном из кролика. Но в большинстве своем Лили пришла к выводу, что не хотела бы носить эти вещи в Нью-Йорке. Теперь они казались ей дешевыми, будто их носило тело другой женщины.

Однажды днем, когда Лили собирала ящики и забивала гвоздями их крышки, Герда спросила:

- А как насчет картин Эйнара?

- Его картины?

- Некоторые остались. В моей студии, - сказала Герда, - я думала, они тебе могут понадобиться.

Лили не знала, как поступить. Картины Эйнара больше не висели в квартире, и теперь она почему-то не могла вспомнить, как они выглядят. Маленькие золотистые рамы, сцены мерзлой земли... но что еще?

- Могу ли я их увидеть?

Герда принесла холсты, свернутые изнанкой к внешней стороне, края которых были окаймлены тяжелой восковой нитью. Она развернула их на половице, и Лили почувствовала себя так, словно никогда раньше не видела этих картин. Большинство из них изображали болота. На одной была зима с инеем и грязным небом. На другой изображалось лето, с торфяным мхом и ночным солнцем; еще одна картина изображала почву и серо-голубую глину, смешанную с известью. Картины были маленькими и красивыми, и Герда продолжала раскатывать их на полу. Десять, потом двадцать, потом больше, - словно ковер из полевых цветов, расцветающих перед глазами.

- Он действительно их все нарисовал?

- Когда-то он был очень занятым человеком, - сказала Герда.

- Что это за место?

- Ты не узнаешь болото?

- Не думаю.

Это встревожило Лили, потому что она должна была узнать это место. Оно было знакомо ей, словно потерянное прошлое.

- Ты совсем этого не помнишь?

- Только смутно...

Снизу послышался фонограф. Играла аккордеонная полька, смешанная с воем.

- Это болото Блютус, - сказала Герда.

- Где родился Эйнар?

- Да. Эйнар и Ханс.

- Ты когда-нибудь была там? - спросила Лили.

- Нет, но я видела так много картин и так много слышала об этом, что когда я закрываю глаза, я словно вижу это болото наяву.

Лили изучала картины. Болото, окруженное каштанами и липами, и огромный дуб, который, похоже, рос возле валуна. Это осталось в ее памяти, но больше не принадлежало ей. Она вспомнила, как бросала вещи, украденные с кухни своей бабушки, в болото, и смотрела, как они тонут навеки: тарелку с обедом, оловянную чашу, фартук из хлопка. Вспомнилась работа по разрезанию торфа на кирпичи и рыхление в сфагновом поле. И Эдвард I, который в один прекрасный день соскользнул с лишайниковой скалы и утонул в черной воде.

Герда продолжала раскладывать картины, прижимая углы холстов своими бутылками с краской и блюдами из кухни.

- Это место, где он жил,- сказала она, и волосы упали ей на лицо. Она неторопливо разворачивала каждую картину и фиксировала ее углы, выстраивая ее в ряд, созданный из десятков и десятков маленьких работ Эйнара.

Лили смотрела на Герду. Пока она раскладывала картины, ее браслеты звенели вокруг запястий. Передняя комната Дома Вдовы с окнами на север, юг и запад заполнялась спокойными красками картин Эйнара: серыми и белыми, приглушенными желтыми тонами, бурой грязью, и темно-черной ночью болота.

- Он работал и работал день за днем, - сказала Герда. Ее голос звучал мягко, осторожно и незнакомо.

- Ты сможешь продать их? - спросила Лили.

Герда остановилась. Полы комнаты почти полностью скрылись под холстами, и она встала в поисках места, чтобы отступить. Она прижалась к стене у железной печки.

- Ты хочешь сказать, что не заберешь их?

Что-то в Лили знало, что она совершает ошибку, но она все равно сказала:

- Я не знаю, сколько у нас будет комнат, - ответила она, - я не уверена, что Хенрик хотел бы видеть их рядом со своими собственными картинами. Он предпочитает вещи более современные. В конце концов, - сказала Лили, - это Нью-Йорк.

Герда пожала плечами:

- Я просто подумала, что ты, возможно, захочешь их взять. По крайней мере, некоторые из них? Закрыв глаза, Лили увидела болото, семью белых собак, бабушку, охраняющую свою печь, и Ханса, растянувшегося на извилистой скале, покрытой слюдой. Затем, как ни странно, она вспомнила молодую Герду -

зеленую прихожую Королевской Академии искусств, и новый пакет красно-соболиных кистей в ее кулаке.

«Я нашла магазин предметов искусства», - сказала Герда.

- Дело не в том, что я не хочу их, - услышала себя Лили в этот один из своих последних дней в Доме Вдовы, уже уходящих в память. Но чью память?

- Я просто не могу взять их с собой.

И она вздрогнула, потому что ей вдруг показалось, что все в комнате принадлежит кому-то другому.

Глава 28

На следующий день после отъезда Лили и Карлайла в Дрезден море накрыл летний шторм. Герда находилась в квартире, в передней комнате, и поливала плющ в горшке на столике. Комната была серой без солнца, а Эдвард IV спал рядом с сундуком. Моряк внизу был в море, и вероятно, в эту минуту попал в бурю. Прогремел гром, а затем послышалось хихиканье жены моряка.

«Эт забавно», подумала Герда. Минувшие годы, бесконечное повторение плоских рассветов над Данией и по всему миру, грохот заката над Арройо Секо и горами Сан-Габриель. Годы в Калифорнии и Копенгагене; годы, проведенные в Париже. Женщины годами выходили замуж и разводились, и вот теперь она осталась одна в пустом Доме Вдовы, а чемоданы Лили уже заперты и погружены. Лили и Карлайл уже скоро прибудут в Дрезден, если дождь не задержит их. Вчера Герда и Лили попрощались на паромной пристани. Люди вокруг них грузили багаж, суетились военные, собаки, и команда доставляющая велосипеды по трапу. На пристани были Ханс, Карлайл, Герда, Лили, и сотни других людей. Группу школьников сопровождала директриса. Худые молодые мужчины спешили на работу. Графиня уезжала на месяц в минеральные бани в Баден-Бадене. Герда и Лили стояли рядом и держались за руки, забыв об остальном мире. В последний раз Герда отбрасывала весь остальной мир, и все, что она знала и чувствовала, сжималось до крошечного круга близости, в котором Герда и Лили обнимали друг друга за талии. Они обещали писать друг другу. Лили пообещала, что позаботится о себе. Она сказала (и ее голос был почти не слышен) что они еще встретятся в Америке. Да, ответила Герда, не осознавая этого. Но тем не менее, она сказала «да, действительно». Но когда она представила себе это, ужасная дрожь пробежала по ее позвоночнику, будто она каким-то необъяснимым образом потерпела неудачу.

Теперь Герда ждала окрика Ханса с улицы. Во время шторма шпили, фронтоны и шиферные крыши почернели, а купола Королевского Театра стали такими же тусклыми, как и старые оловянные. Затем раздался звонок Ханса в дверь. Герда схватила Эдварда IV в свои объятия и выключила свет, когда ключ в двери повернулся.

Буря продолжалась, и дорога из города сделалась скользкой. Жилые дома промокли под дождем, лужи поглощали бордюры. Герда и Ханс стали свидетелями того, как толстая затянутая в дождевик женщина на велосипеде врезалась в задний бампер грузовика каменщика. Герда прижала ладони к губам, наблюдая, как глаза женщины зажмурились от страха.

Как только они выехали за пределы города, золотой “Хорьх” с

откидным белым верхом покатыл по полям. Луга итальянской ржи, тимофеевки, овсяницы и петушиной травы намokли и примялись ливнем. Красный и белый клевер, люцерна и трилистник выстроились вдоль дороги, согнувшись под тяжестью капель, а за полями в мелких и глубоких ямках образовались озерца.

Во время переправы на пароме до Орхуса Ханс и Герда сидели на переднем сиденье “Хоръх”. В машине пахло мокрой шерстью Эдварда IV, свернувшегося от прохлады. Ханс и Герда не разговаривали, и она почувствовала вибрацию двигателей парома, когда положила руку на приборную доску. Ханс предложил ей кофе, и она ответила утвердительно. Выходя из машины, он взял с собой Эдварда IV. Оставшись одна в машине, Герда подумала о путешествии Лили и Карлайла. Через несколько часов они, вероятно, устроятся в клинике, в палате с видом на ивы в заднем парке недалеко от Эльбы.

Герда подумала о профессоре Болке, чей портрет никогда не выставлялся на продажу. Он лежал свернутый за шкафом. Герда сказала себе, что когда вернется в Копенгаген, закончит сортировать свою мебель, одежду и картины, она пошлет картину Болку. Портрет мог бы висеть за стойкой регистрации Фрау Кребс в серой деревянной раме. Или в кабинете профессора, над диваном, где через несколько лет другие падшие женщины, такие же, как Лили, обязательно совершат свое паломничество.

Этой ночью Ханс и Герда прибыли в Блютус. На кирпичной вилле было темно, а баронесса уже ушла в свою квартиру на третьем этаже. Дворецкий с несколькими пучками белых волос и вздернутым носом привел Герду в комнату с кроватью, обтянутую кружевом. Он зажег лампы, его курносое лицо наклонилось вперед, и он закрыл окна.

- Не бойтесь лягушек? - спросил он.

Герда уже слышала, как лягушки урчат на болоте. Когда дворецкий ушел, она открыла окна. Ночь была ясная, половинка луны висела низко в небе, и Герда могла видеть болото через просвет среди вязов. Болото выглядело почти как влажное поле или как великолепная лужайка в Пасадене, пропитанная январским дождем. Она подумала о дождевых червях, которых зимний ливень изгонял из земли, и как они корчились на тротуарах каменных плит, пытаясь спастись от утопления. Неужели в детстве она действительно разрезала их на две части масляным ножом, сворованным из кладовой матери, а затем преподносила их Карлайлу на тарелке под серебряный звон колокольчика?

Занавесы в комнате были сделаны из красной проушины, и свисали вниз и поперек половиц, развеваясь, как свадебная фата. Ханс постучал и сказал через дверь:

- Я просто проходил мимо, Герда. Тебе ничего не нужно?

В его голосе что-то было. Герда представила, как его кулак прижат к дверце, обшитой панелями, а его другая рука мягко сжимает ручку. Она представила Ханса в коридоре, освещенном одиноким бра. Она представила, как его лоб прижимается к двери.

- Ничего, - отозвалась она. Последовала тишина, нарушаемая только лягушками, которые рыскали по торфу, и уханьем сов в вязах.

- Хорошо - ответил Ханс, и Герда услышала, как он ушел в свою комнату, а его сапоги стучали по полу. «Придет их время», сказала она себе. Всею свое время.

На следующий день Герда встретила с баронессой Аксгил в зале для завтраков. Комната выходила на болото, которое сверкало сквозь деревья. По периметру зала стояли горшечные папоротники на железных стендах, а на стене висела коллекция сине-белых фарфоровых тарелочек. Баронесса Аксгил выглядела изможденной, резиновые вены поддерживали ее руки. Ее голова впечатляла размерами и формой, возвышаясь на шее с сухожилиями. Серебристые волосы баронессы были плотно приподняты. Баронесса сидела во главе стола, Ханс - напротив нее, а Герда между ними. Управляющий приказал подавать копченого лосося, яйца вкрутую и треугольники хлеба с маслом. Баронесса Аксгил сказала:

- Боюсь, я не помню Эйнара Вегенера. Так ты сказал? В этом доме бывало столько мальчиков. У него были рыжие волосы?

- Нет, его волосы были каштановыми, - ответил Ханс.

- Да, каштановые, - сказала баронесса, пригласившая Эдварда VI к себе на колени и угощала его лососем, - он был хороший мальчик, я уверена. Как давно?

- Около года, - ответила Герда. Она посмотрела на один конец стола для завтрака, а затем на другой, и подумала о другом зале для завтраков на другом конце света, где еще царила женщина, не похожая на баронессу.

Позже, в тот же день, Ханс повел герду по тропинке вдоль поля сфагнома к фермерскому дому. В доме была соломенная крыша и деревянные карнизы, и из дымовой трубы поднимались клубы дыма. Ханс и Герда не подошли ко двору, где в курятнике сидели куры, а трое маленьких детей царапали грязь палками. Женщина с желтыми волосами стояла в дверях, прищурившись от солнца и наблюдая за своими детьми: двумя мальчиками и девочкой. Пони чистила шерсть, дети засмеялись, а старый Эдвард IV вздрогнул от ее топота.

- Я не знаю их - сказал Ханс.

- Как ты думаешь, она нас впустит, если мы попросим? Просто посмотреть?

- Не будем, - ответил Ханс, и его рука легла Герде на поясницу, где и

оставалась, пока они возвращались через поле. Длинные лезвия травы цеплялись за ее голени. Эдвард IV остановился.

На кладбище стоял деревянный крест с надписью ВЕГЕНЕР.

- Его отец, - сказал Ханс. Травянистая могила в тени красной ольхи. Кладбище находилось рядом с побеленной церковью. Земля была неровной и кремниевой, а солнце выжигало росу на ржаной траве, насыщая воздух сладким ароматом.

- У меня остались его картины, - сказала Герда.

- Храни их, - ответил Ханс. Его рука все еще лежала на ее поясице.

- Каким он был тогда?

- Маленький мальчик со своим секретом. Это все. Ничем не отличался от остальных.

Небо было высоким и безоблачным, ветер пробежал по листьям красной ольхи. Герда перестала думать о прошлом и старалась думать о будущем. Лето в Ютландии ничем не отличалось от летних дней его юности, когда Эйнар был одновременно и счастлив и печален. Герда пришла в его дом без него. Герда Вэуд стояла в траве. Ее высокая тень, опустившаяся на могилы, вернется обратно без него. На пути в Копенгаген Ханс спросил:

- Как насчет Калифорнии? Мы едем? Солнце было ярким, крыша машины была опущена, а вокруг лодыжек Герды застряла полоска бумаги.

- Что ты сказал? - прокричала она, придерживая рукой волосы.

- Собираемся ли мы вместе в Калифорнию?

Ветер метался вокруг Герды, раскидывая ее волосы; платье открывало ее колени, а полоска бумаги развевалась. Мысли Герды хаотично закружились в голове: маленькая комнатка с арочным окном и видом на розы в Пасадене; коттедж на горе Арройо Секо, теперь арендованный семьей с маленьким мальчиком; пустые окна старой керамической студии Тедди Кросса на Колорадо-стрит, запечатанные после пожара; члены Общества искусств и ремесел Пасадены в своих войлочных беретах... Разве Герда могла вернуться к этому? Но в ее памяти всплыло кое-что еще, и тогда Герда подумала о мшистом дворике коттеджа, где при свете, пробивавшемся сквозь крону авокадо, она нарисовала свой первый портрет Тедди Кросса. Она вспомнила маленькие бунгало, которые по проекту Карлайла строили на улицах у Калифорнийского бульвара, в которых останавливались новобрачные из Иллинойса; вспомнила и акры пахучих апельсиновых рощ. Герда посмотрела в небо, на бледно-голубой цвет, который напомнил ей старинные тарелки баронессы на стенах зала для завтрака. Стоял июнь, и в Пасадене к этому времени уже выгорала ржаная трава, засыхали пальмовые ветви, а служанки выставляли койки на спальные веранды. В

задней части ее дома было спальное крыльцо. Его двери висели на петлях, и когда Герда была девочкой, она открывала их и смотрела сквозь Арройо-Секо, на холмы Линда-Виста. В уме она набросала сверкающий зеленый вид Пасадены. Ей казалось, что она распаковывает краски и разворачивает свой мольберт на спальном крыльце и рисует эту перспективу: серо-коричневое пятно эвкалипта, пыльная зелень стеблей кипариса, вспышка розовой штукатурки итальянского особняка и серый цвет цементной балюстрады, проглядывающей через все пространство.

- Я готова, - сказала Герда.
- К чему? - спросил Ханс сквозь ветер.
- Тебе там понравится. Это заставит весь мир казаться очень далеким, - она потянулась и погладила бедро Ханса. Все будет так: она и Ханс вернутся в Пасадену, и она поняла, что никто никогда не сможет полностью понять, что с ней произошло. Девочки из Клуба Долины, теперь замужние, и конечно, с детьми, обучающимися теннису на кортах клуба, ничего не узнают о ней, кроме того, что она вернулась в Пасадену вместе с датским бароном. Герда уже слышала их сплетни: “Бедная Герда Вэуд. Снова вдова! С ее последним мужем произошло что-то таинственное. Он был художником. Говорят, он умер таинственной смертью. Кажется, в Германии. Но не волнуйся, теперь она вернулась, и на этот раз с бароном. Правильно: маленькая мисс вернулась в Пасадену, и как только она выйдет за этого парня, она станет настоящей баронессой”.

Это было лишь частью того, что предстояло вытерпеть Герде, но она утешала себя мыслью, что отправляется домой. Ее рука лежала на бедре Ханса, и он улыбнулся ей. Его костяшки пальцев побелели на руле “Хорьха”, когда он вез их обратно в Копенгаген.

Ее ждало письмо от Карлайла. Прочитав послание, она сунула его в боковой отсек одного из сундуков, которые готовила к переезду. Предстояло доставить домой так много вещей: ее кисти и краски, десятки тетрадей и эскизов с Лили. Карлайл не прислал много новостей. *“Операция заняла больше времени, чем думал Болк, почти целый день. Лили отдыхала, спала под инъекциями морфия, которые она все еще получает. Мне придется остаться в Дрездене дольше, чем я планировал”,* писал Карлайл. *“Нужно еще несколько недель. Ее выздоровление займет больше времени, чем кто-либо мог предположить. До сих пор заживление было медленным. Профессор - добрый человек. Он передает тебе привет. Он говорит, что не стоит беспокоиться за Лили. Если он не беспокоится о ней, то полагаю, мы тоже не должны, не так ли?”*

Спустя неделю Герда Вэуд и Ханс Аксгил высадились на Дойчер Аэро-Ллойд на первом этапе их поездки в Пасадену. Они полетят в Берлин, а затем в Саутгемптон, оттуда уплывут в Америку. Самолет, отражавший прекрасный летний день, стоял на асфальте аэродрома Амагер. Герда стояла рядом с Хансом и смотрела, как худые юноши грузят чемоданы и ящики в серебряное брюхо самолета. Дальше по асфальту вокруг платформы, где человек в цилиндре давал указания, было множество людей. Он носил бороду, а маленький датский флаг на углу его пиджака развевался на ветру. За ним возвышался «Граф Цеппелин», - длинный и серый, как огромная серебристая пуля. Люди в толпе махали маленькими датскими флагами. Герда читала в «Политикен», что «Граф Цеппелин» отправлялся на полярный рейс. Герда наблюдала, как толпа развеселилась, когда дирижабль завис над асфальтом.

- Как ты думаешь, у них получится? - спросила она Ханса.

Он доставал свой чемоданчик из телячьей кожи. Самолет ждал их.

- Почему бы и нет?

Человек, произносивший речь, был политиком, которого Герда не узнала. Наверное, он баллотировался в парламент. А за ним стоял капитан «Графа Цеппелин», Франц-Иосиф, в кепке из кожзаменителя. Он не улыбался. Его брови спускались на очки, он казался обеспокоенным.

- Пора, - сказал Ханс.

Герда взяла его под локоть, и они заняли свои места в самолете.

Через отдалявшуюся от самолета толпу она видела в окно, как поднимается дирижабль. Мужчины в рубашках и брюках с подтяжками размахивали флажками. Капитан стоял в дверях своей кабины и махал им на прощание.

- Он выглядит так, будто задается вопросом, вернется ли когда-нибудь, - сказала Герда, когда дверь самолета закрылась.

Путешествие на “Императрице Британии” было мягким. Пассажиры сидели в полосатых шезлонгах на палубе из тикового дерева, а Герда думала о стойке на руках, которую исполняла, когда ей было десять. Она раскрыла свой мольберт, закрутив болты в отверстия на ножках. Герда вытащила чистый холст из одного из сундуков и прибила его к раме. На палубе корабля она начала рисовать по памяти сухие и коричневые в начале лета холмы Пасадены, поднимающиеся из Арройо Секо, цветы деревьев Жака ранды и последний день лилий, сгибающихся в жару.

Закрыв глаза, она могла видеть все это.

По утрам Ханс находился в каюте, просматривая документы и готовясь к приезду в Калифорнию, где они должны были пожениться в саду дома Вэуд. В конце второй половины дня он придвигал шезлонг к Герде.

- Наконец-то мы уехали, - говорил он.

- Домой, - говорила Герда, - я никогда не думала, что захочу вернуться домой.

Герда снова и снова погружалась в думы, и влажный кончик ее кисти окунался в краску. Сдвиг прошлого, разрастание будущего - она бродила по ним неосторожно и осторожно, и вот чем всё обернулось. Ханс был красив, вытянув ноги на шезлонге. На него падало солнце, а Эдвард IV лежал у его ног. Судовые винты продолжали вращаться. Нос судна разрезал океан надвое, разделяя бесконечную воду на половинки; разрезал то, что когда-то казалось неразделимым. Герда и Ханс оставались в косых лучах солнца в воздухе, насыщенном солью, и в красных и плоских сумерках над пустым морем, пока взошедшая луна не нанизала белые огни вечеринок вдоль бортов корабля, и холод вечера не отправлял их в свою каюту, где они, наконец, были вместе.

Глава 29

Наступил конец июля. Проспав достаточно долго в течение дня, Лили проснулась и долго не могла ничего вспомнить. В течение почти шести недель она теряла сознание и приходила в себя, просыпаясь от кровотечения между ногами и в животе. Каждое утро и ночь фрау Кребс меняла бинты, наложенные на ее таз, снимая старые полоски, похожие на обрывки красного и яркого королевского бархата. Лили знала, как фрау Кребс начинала смену повязки: перед этим она чувствовала приветственное жало иглы морфия, и, как правило, давление резиновой эфирной маски на лицо. Лили знала, что кто-то накладывает влажную тряпку ей на лоб, и меняет ее, когда она нагревается.

Несколько ночей она просыпалась и видела, что Карлайл спит с открытым ртом в кресле в углу, прислонив голову к подушке. Она не хотела будить его, пока он любезно ночевал у нее под боком. Лили позволяла ему отдохнуть. Она поворачивала голову на подушке и смотрела на Карлайла. Его лицо было укрывал сон, а пальцы сжимались вокруг петельки, удерживая подушку на спинке стула. Лили хотела, чтобы он спал всю ночь, и наблюдала, как его грудь вздымалась и опускалась. Она вспоминала о дне перед этой последней операцией, который они провели вместе. Карлайл повел ее на пляж на Эльбе, где они плавали, а потом загорали на одеяле.

- Ты станешь настоящей матерью, - сказал Карлайл. Лили подумала о том, почему ему, а не Герде, так легко это представить. Закрывая глаза, Лили иногда думала, что чувствует запах младенца. Она почти чувствовала маленькое существо на своих руках. Она рассказала об этом Карлайлу, и он ответил:

- Я тоже это вижу.

Они сидели на берегу моря, и он провел рукой по ее руке, оттолкнув воду. Его мокрые волосы подчеркивали морщинки на его лице. Он сказал:

- Все это тяжело для Герды.

Туристический пароход откашлялся черным выхлопом. Лили заплетала бахрому одеяла, вплетая в него лезвия травы.

- Я уверен, что в некотором смысле она скучает по Эйнару, - сказал Карлайл.

- Я могу понять это.

Лили наполнилась этим странным чувством, которое появлялось всякий раз при упоминании Эйнара. Оно было похоже на привидение, проходящее сквозь нее.

- Ты думаешь, она придет навестить меня?

- Сюда, в Дрезден? Возможно. Я не знаю.

Лили повернулась на бок и смотрела, как черная колонна дыма поднимается и уносится ветром.

- Ты напишешь ей? После операции?

Через несколько дней после операции, когда лихорадка Лили стабилизировалась, Карлайл написал Герде. Но она не ответила. Он снова написал, и снова не получил ответа. Он позвонил по телефону, но услышал в трубке только бесконечное молчание. Не удалось доставить и телеграмму. Из Лэндсменсбанкен было отправлено сообщение, что Герда вернулась в Калифорнию.

Теперь, посреди ночи, Лили не хотела беспокоить сон Карлайла, но она едва ли могла молчать. Боль возвращалась, и она сжимала края одеяла, защищаясь им от страха. Она сосредоточилась на лампе в потолке, кусая губы, но вскоре боль распространилась по ее телу, и она закричала, выпрашивая морфий.

Она плакала из-за эфира. Она просила свои таблетки, покрытые кокаином. Карлайл проснулся и поднял лицо. На мгновение он уставился на нее, его веки поднялись, и Лили знала, что он пытается понять, где находится. Затем он проснулся окончательно и пошел искать ночную медсестру, спавшую на своем рабочем месте. Через минуту эфирная маска сжалась вокруг носа и рта Лили, и она ускользнула прочь в сон.

- Сегодня ты чувствуешь себя лучше? - спросил профессор Болк во время утреннего обхода.

- Может быть, немного, - попыталась сказать Лили.

- Боль есть?

- Немного, - ответила Лили, хотя это было неправдой.

Она попыталась подняться на кровати. Когда профессор вошел в ее комнату, она заволновалась о том, как выглядит. Если бы профессор только постучал и дал ей шанс нанести коралловую помаду и ее «Руж Фин-де-Театр» размером с печенье, который лежал на столе из красного дерева и находился за пределами ее досягаемости. «Должно быть, это просто осмотр», подумала Лили, когда профессор, такой красивый в своем хрустящем лабораторном халате, просмотрел документы в своей папке.

- Завтра мы должны попытаться заставить тебя ходить, - сообщил профессор.

- Хорошо. Если я не буду готова завтра, то наверняка смогу на следующий день, - ответила Лили, - скорее всего, послезавтра я пойду.

- Могу ли я что-нибудь для вас сделать?

- Вы уже так много сделали, - произнесла Лили.

Профессор Болк хотел уйти, но Лили заставила себя спросить о том, что ей больше всего хотелось знать:

- Хенрик ждет меня в Нью-Йорке. Как вы думаете, я доберусь до Нью-Йорка к сентябрю?

- Без сомнения.

Успокаивающий голос профессора был похож на руку на ее плече. Лили кивнула и легла спать, не видя в этом ничего особенного, но смутно осознавая, что все получится.

Иногда она слышала, как профессор и Карлайл разговаривают за дверью.

- Что вы можете мне сказать? - интересовался Карлайл.

- Немного. Сегодня она почти такая же. Я пытаюсь сделать ее более стабильной .

- Есть что-нибудь, что мы должны сделать для нее?

- Просто дайте ей поспать. Ей нужен отдых.

Лили повернулась на бок и кивнула, больше всего желая подчиняться приказам профессора. Если она и знала что-нибудь, так это то, что профессор всегда прав.

Однажды ее разбудил голос за дверью. Голос был знакомым издавна, - женский голос, медный и громкий.

- Что он для нее делает? - Лили услышала Анну, - у него нет других идей?

- Только в последние дни он начал беспокоиться, - сказал Карлайл, - Только вчера он признался, что инфекция должна была проявиться к настоящему времени.

- Что мы можем сделать?

- Я сам об этом спрашивал. Болк говорит, что делать ничего нельзя.

- Она что-нибудь принимает?

Затем за дверью раздался скрежет двух каталок, и Лили не смогла расслышать разговор. Фрау Кребс сказала медсестре быть осторожнее.

- Пересадка не прошла удачно, - сказал Карлайл, - Болку придется удалить матку. Как долго ты здесь?

- Неделю. У меня в Опернхаусе две «Кармен».

- Да, я знаю. Перед операцией Лили и я вышли прогуляться, и она увидела афишу. Она знала, что ты приедешь в конце лета. У было достаточно времени, чтобы ждать с нетерпением.

- И еще ее брак...

- Ты знаешь о Герде? - спросил Карлайл.

- Она написала мне. Наверное, она уже устроилась в Пасадене. Ты знаешь о ней и Хансе?

- Я сам должен был вернуться, - ответил Карлайл.

Лили не могла услышать, что говорила Анна. Она задавалась вопросом, почему Анна еще не вошла в палату. Она могла представить, как Анна врывается в дверь и отбрасывает желтый занавес. На ней будет зеленая шелковая туника, вышитая бисером на воротнике, и соответствующий тюрбан, закрученный вокруг ее головы. Ее губы будут такими же яркими, как кровь, и Лили могла представить, как их след остается на ее щеке. Лили хотела крикнуть: «Анна! Анна, ты подойдешь и поздороваяешься?», но у нее пересохло в горле, и она не могла открыть рот, чтобы что-то сказать. Все, что Лили могла сделать, это повернуть голову и посмотреть на дверь.

- Это серьезно? - спрашивала Анна в коридоре.
- Боюсь, Болк не очень-то рассказывал о том, какие могут быть последствия.

Потом они замолчали, и Лили осталась неподвижно лежать в постели, за исключением медленных тупых ударов ее сердца. Куда пропали Карлайл и Анна?

- Сейчас она спит? - наконец спросила Анна.

- Да. В первой половине дня она приходит в себя между уколами морфия. Ты можешь прийти завтра после обеда? - спросил Карлайл, - я могу сказать ей, что ты здесь.

Лили услышала, как открылась дверь. Она чувствовала, как в комнату вошел другой человек - это тонкое изменение воздуха, почти незаметное изменение температуры. Духи Анны продрейфовали к кровати Лили, и она узнала один из ароматов за стойкой Фоннесбех. Аромат появлялся из маленького флакона с кисточкой из золотой сетки, но Лили не могла вспомнить название духов. «Э-де-Прованс», или что-то в этом роде. Или это был «Да Филь-де-Прованс»? Она не знала, и не могла открыть глаза, чтобы поздороваться с Анной. Она не могла говорить, и ничего не видела. Не могла даже поднять руку, чтобы поздороваться. Лили просто знала, что Карлайл и Анна стоят у ее кровати, а она ничего не может сделать, чтобы сообщить им, что знает об их присутствии.

На следующий день после обеда Карлайл и Анна посадили Лили в плетеное инвалидное кресло.

- Слишком красиво, чтобы не прогуляться, - говорил Карлайл, накрывая Лили одеялом. Анна завернула голову Лили в длинный пурпурный шарф, соорудив тюрбан на голове, похожий на ее собственный. Затем они покатали Лили в задний парк клиники и усадили ее под крыжовник.

- Тебе нравится солнце, Лили? - спросила Анна. - Тебе здесь нравится?

Другие девушки тоже гуляли на лужайке. Было воскресенье, и к некоторым из них пришли посетители. Они приносили им журналы и коробки с шоколадом. Женщина, одетая в платице в горошек, подарила одной из девушек шоколадную конфету, завернутую в золотую фольгу из магазина на Унтер-ден-Линдене.

В зимнем саду Лили увидела фрау Кребс, присматривающую за лужайкой, девочками и кривой линией Эльбы внизу. Она казалась маленькой и такой далекой, - столь же маленькой, как ребенок. Затем она ушла. Это был ее выходной день, и все девочки любили сплетничать о том, что делала фрау Кребс в свое свободное время, хотя правда заключалась в том, что она направлялась с мотыгой в свой сад.

- Прогуляемся? - предложил Карлайл, отпустив ручной тормоз и подтолкнув кресло Лили по траве. В земле скрывались кроличьи норы, на которых подсакивали колеса, и хотя тряска вызывала боль, Лили не могла не думать о том, как радостно находиться вне клиники с Карлайлом и Анной.

- Мы пойдем к Эльбе? - спросила Лили, когда увидела, что Карлайл уводит ее от грунтовой дороги, ведущей к реке.

- Мы доберемся туда, - пообещала Анна, и они подтолкнули Лили через занавес ивовых веток. Они быстро двигались, задевая корни деревьев и камни, и Лили крепко держалась за подлокотники кресла.

- Я решил, что прогулка не повредит, - сказал Карлайл.

- Но мне не разрешают, - сказала Лили, - это против правил. Что скажет фрау Кребс?

- Никто не узнает, - заверила ее Анна, - кроме того, ты взрослая женщина. Почему бы тебе не уйти, если ты этого хочешь?

Вскоре они вышли за ворота клиники и выехали на улицу. Карлайл и Анна везли ее по окрестностям, мимо вилл, спрятанных за кирпичными стенами, украшенными железными куполами. Солнце было теплым, но по улице бежал ветер, приподнимая нижние светви вяза. Вдалеке Лили услышала звон трамвая.

- Думаешь, они будут искать меня? - спросила она.

- И что, если так? - отозвался Карлайл. Его лицо было напряженно-

сосредоточенным. Он махнул рукой в воздухе, и это снова напомнило Лили Герду, словно Лили слышала звон серебряных украшений. У нее мелькнуло воспоминание, будто это была история, однажды рассказанная ей кем-то о том, как Герда сбежала с Эйнармом на буксире с Кронпринцесседана. Лили помнила тепло руки Герды в своей руке, и ее запястье в серебряных браслетах.

Вскоре Лили, Карлайл и Анна пересекли Огастесбрюкке. Перед Лили лежал весь Дрезден: Операнхаус, католическая церковь Хоф, Академия искусств в итальянском стиле, и, казалось, плавающий в небе купол Фрауенкирхе. Они пришли на Шлоссплац к подножию Брюльвской террасы. Мужчина с повозкой продавал сосиски в булочке и наливал стаканы яблочного вина. Его дело шло хорошо, и к нему выстроилась очередь из восьми или десяти человек, их лица сияли на солнце.

- Разве не вкусно пахнет, Лили? - спросил Карлайл, подталкивая кресло к лестнице.

Сорок один шаг привел их к террасе, где возле бордюров не стояли воскресные коляски. Ступени были украшены бронзовыми изваяниями Шиллинга «Утро», «Полдень», «Вечер» и «Ночь». На лестнице была маленькая площадка, и Лили наблюдала с нее, как длинная желтая юбка женщины и диск ее соломенной шляпы поднимаются вверх по, а рука незнакомки обвиняет мужскую руку.

- Но как мы поднимемся? - спросила Лили.

- Не беспокойся, - ответил Карлайл, поворачивая кресло и подтягивая ее на первую ступеньку.

- Но твоя нога..? - заволновалась Лили.

- Все будет хорошо, - успокоил ее Карлайл.

- А как же твоя спина?

- Неужели Герда никогда не рассказывала тебе о наших знаменитых западных строениях?

И с этими словами Карлайл, который ни разу, насколько Лили знала, не обвинил Герду в своей травмированной ноге, стал поднимать Лили вверх по лестнице. За каждой ступенью следовал ужасный толчок боли, и Анна подала Лили руку, чтобы та сжала ее.

Терраса смотрела через Эльбу на Японский дворец и правый берег.

Движение на реке было плотным: паромы, угольные грузовики, гондолы с драконами и арендованные лодки. Карлайл зафиксировал тормоз кресла Лили в промежутке между двумя скамьями у перил террасы, под одним из тополей. Карлайл встал рядом с Лили с одной стороны, а Анна с другой.

Лили чувствовала их руки на спинке инвалидной коляски. Молодые пары гуляли на террасе, держась за руки; юноши покупали у продавца с

тележкой пакетики с виноградными конфетами для девушек. На травянистом пляже, на другой стороне Эльбы, четыре маленьких мальчика запускали белого воздушного змея.

- Посмотрите, как высоко их змей! - Анна указала на мальчиков, - кажется, его видно всему городу!
- Ты думаешь, они упустят его? - спросила Лили.
- Хочешь змея, Лили? - спросила Анна, - завтра мы принесем его тебе, если хочешь.
- Как называют это место? - сказал Карлайл, - балкон Европы?

Некоторое время они молчали. Потом Карлайл сказал:

- Думаю, я пойду и куплю что-нибудь у этого маленького человечка. Ты голодна, Лили? Принести тебе что-нибудь?

Лили не могла думать о еде. Она ела немного, и Карлайл знал это. Лили попыталась ответить «Нет, спасибо», но не смогла.

- Не возражаешь, если мы отойдем на несколько минут, чтобы найти этого человека? - спросила Анна, - мы не уйдем не больше, чем на минутку или две.

Лили кивнула, и обувь Карлайла и Анны зашуршала по гравию. Лили закрыла глаза. Она подумала о балконе всего мира. Всего своего мира. Она чувствовала солнце на веках. Она услышала скрип скамеек сбоку наверху и шелест конфетных оберток. А дальше - пощечина воды сбоку. Призыв трамвая, потом колокольни собора. Теперь Лили перестала думать о туманном, двухстороннем прошлом и обещаниях будущего. Неважно, кем она была раньше. Важно то, кем она стала. Теперь она фройляйн Лили Эльбе. Девушка из Дании в Дрездене. Молодая женщина во второй половине дня с парой друзей. Молодая женщина, чей самый дорогой друг уехал в Калифорнию, оставив ее. Внезапно она почувствовала себя одинокой. Она думала о каждом: Хенрике, Анне, Карлайле, Хансе, Герде. Каждый из них, по-своему, частично несет ответственность за рождение Лили Эльбе. Теперь она знала, что имела в виду Герда: остальное Лили придется проходить одной.

Открыв глаза, она увидела, что Карлайл и Анна еще не вернулись. Она не волновалась - они вернутся к ней. Они найдут ее в своем кресле. Мальчики на другом берегу реки бежали и указывали на небо. Их змей поднялся даже выше Аугустусбрюкке. Он взлетел над Эльбой, - белый кусочек белизны, яркий от солнца, дергающийся за катушку в руках мальчиков. Затем нить оборвалась, и змей улетел. Лили показалось, что она услышала чрезмерно возбужденные крики мальчиков, похороненные

на ветру, но это было невозможно - мальчики были слишком далеко. Но она слышала откуда-то приглушенный визг. Откуда он взялся? Мальчики прыгали на траве. Мальчик с катушкой от змея получил пинок от одного из своих приятелей. Змей над ними дрожал от ветра, паря как летучая мышь-альбинос, как призрак, вверх и вниз, снова вверх и снова вниз, медленно пересекая Эльбу и опускаясь в воду.

КОНЕЦ.

Благодарности.

Количество людей, сыгравших роль в публикации этой книги велико, и каждому из них я выражаю свою благодарность. Мои первые читатели: Майкл Ловенталь, Ли Буттала, Дженнифер Маршалл, Митчелл Уотерс, Чак Адамс. Мои коллеги из «Рэндом Хаус», настоящие и бывшие, которые никогда не отказывались от того, чтобы у них был романист: Энн Годофф, Альберто Витале, Брюс Харрис, Джой де Менил, Лия Уэзерспун, Кэти Хемминг, Саша Альпер, Бенджамин Дрейер, Кортни Ходелл. Сотрудники викинга, каждый из которых был адвокатом писателя: Джонатан Бернэм, который грамотно редактировал ранние черновики, мой защитник и ловкий редактор Барбара Гроссман, Иван Хелд, Хэл Фессенден, Ли Батлер, Джим Герати, Поль Словацкий, Гретхен Косс, Аманда Паттен, Пол Бакли и Алекс Гиганте за его адвоката; за их напряженную работу над публикацией, Линн Голдберг и Марк Фортье. За любезную помощь в Копенгагене: Лизелотте Нельсон, Сюзанне Андерсен, Метте Палудан. Мой прекрасный переводчик Кирстен Нильсен, Луис Сория и Питер Херинг. За помощь в главах о Германии и публикацию Георгу Рейлине. Билл Контарди, Эрик Прайс, Тодд Сигал и Стивен Моррисон - каждый наблюдал за прогрессом романа во все глаза. И, наконец, Элейн Костер, мой агент и друг.

